

Гражданство и гражданское общество

Борис Капустин

Центр политической теории

Института общественного проектирования

СЕРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ
ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

ГРАЖДАНСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

БОРИС КАПУСТИН

Вводная статья
ВЛАДИМИРА МАЛАХОВА

Приложение
ТОМАСА ХЕМФРИ МАРШАЛЛА
(перевод с английского ЮРИЯ ДЕРГУНОВА)

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2011

УДК 321
ББК 66.3
К20

Рукопись подготовлена при поддержке
Центра изучения проблем гражданства
и идентичности при Институте философии РАН

Составитель серии и рецензент

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Капустин, Б. Г.

К20 Гражданство и гражданское общество [Текст] / Гос. ун-т — Высшая школа экономики; введ. ст. В. С. Малахова; прил. Т. Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 224 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0799-5 (в пер.).

Книга посвящена философскому осмыслению понятия и практик гражданства в современном мире. В ней рассматриваются важнейшие проблемы теории гражданства и основные параметры и направления вызванных ими интенсивных дискуссий в мировом философском и научном сообществе. Архитектоника книги также подчинена задаче выявления полемического напряжения современного дискурса о гражданстве. В нее включено эпохальное эссе Т.Х. Маршалла, явившееся отправной точкой современных дебатов о гражданстве. На их узловые моменты обращает внимание читателя обширное введение, написанное В. Малаховым и являющееся «критическим» по отношению к двум другим текстам, составляющим данную книгу.

Книга предназначена философам, политологам, социологам и историкам.

УДК 321
ББК 66.3

ISBN 978-5-7598-0799-5

© Капустин Б.Г., 2011
© Вводная статья. Малахов В.С., 2011
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

В.С. МАЛАХОВ	
ГРАЖДАНСТВО КАК ОБЪЕКТ	
СОЦИАЛЬНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ	
ТЕОРИИ: КРИТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ	7
Б.Г. КАПУСТИН	
ГРАЖДАНСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ	
ОБЩЕСТВО	51
ВВЕДЕНИЕ	53
I. ГРАЖДАНСТВО КАК СТАТУС	59
II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО	
И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО	83
III. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО	
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ГРАЖДАНСТВО	112
ПРИЛОЖЕНИЕ	143
ТОМАС ХЕМФРИ МАРШАЛЛ	
ГРАЖДАНСТВО	
И СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС	145

В.С. МАЛАХОВ

Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение

“Tis so,” said the Duchess, “and the moral of that is — ‘Oh, ‘tis
love, ‘tis love, that makes the world go round!’”
“Somebody said,” Alice whispered, “that it’s done by everybody
minding his own business”.
“Ah well, it means much the same thing,” said the Duchess.

Lewis Carroll. Alice in Wonderland¹

Под обложкой этой книги — два очень разных текста. Один представляет собой русский перевод хрестоматийного британского сочинения по теории гражданства. Это эссе Т. Маршалла 1950 г. Другой только что вышел из-под пера российского автора Б. Капустина, который многим русским читателям известен больше, чем Т. Маршалл.

В начале своего эссе Т. Маршалл констатирует, что «выбор целей или идеалов лежит за пределами социальной науки, находясь в рамках социальной философии» (см. с. 146). Английский автор тем самым очерчивает границы собственного подхода и как будто приглашает авторов с другой — не социологической

¹ «Фот как, — сказала герцогиня, — и мораль отсюда такова: “Любофь, любофь — фот что движет миром!”» — «А некоторые говорят, — прошптала Алиса, — что миром движет то, что каждый думает о своем собственном интересе». — «Ну, это почти одно и то же, — сказала герцогиня». — *Л. Кэрролл*. Алиса в стране чудес. (В имеющемся русском издании данный фрагмент передан неточно. — *Примеч. автора.*)

и не экономической подготовкой — заняться темами, которые социология и экономика оставляют вне поля зрения. Они касаются целей и идеалов. И образуют предмет социальной и политической философии.

Поскольку Б. Капустин — философ, его работа в некотором смысле подхватывает эстафету, — он начинает свое рассуждение там, где Т. Маршалл заканчивает.

ГРАЖДАНСТВО КАК ПОЛНОТА ЧЛЕНСТВА — Т. МАРШАЛЛ

Т. Маршалл (1893–1981) для теории гражданства — то же, что Фарадей для теории электричества. Он вошел в списки обязательного чтения по этой теме. Без прямых или косвенных отсылок к эссе Т. Маршалла «Гражданство и социальный класс» не обходится ни одна серьезная публикация по проблематике гражданства, по крайней мере, в англоязычном ареале. Что сделало этот текст хрестоматийным? В какой мере он, через шесть десятилетий после первой публикации, сохраняет актуальность? А в какой мере ссылки на него — скорее дань уважения «классику», чем теоретическая необходимость?

Наверное, авторитет данного текста обусловлен тем, что его автор посмотрел на феномен гражданства в плоскости, в которой на него до сих пор не смотрели: увязал гражданство с темой социального неравенства.

Подходя к делу предельно абстрактно, можно выделить две перспективы в осмыслении интересующего нас феномена: гражданство как подданство и гражданство как участие.

Взятое в ракурсе подданства, гражданство есть отношение между неким властным центром и индивидом, находящимся под его юрисдикцией. Быть гражданином в данном контексте означает нести определенные обязанности перед государством, а также пользоваться правами, связанными с предоставляемой государством защитой.

Во втором случае (гражданство как участие) акцент смещается с юридического отношения на политическое. Быть гражданином означает являться членом определенного политического сообщества и, следовательно, иметь право на участие в его жизни. Понятно, что это невозможно, если гражданам не гарантирована защита от властного произвола. Отсюда проистекают базовые права или «свободы», ассоциируемые с гражданством: неприкосновенность жизни и собственности, свобода слова, свобода собраний и объединений, свобода вероисповедания, право на справедливый суд. Это *civil rights* — гражданские свободы, «*цивильные права*»², которых, впрочем, недостаточно, чтобы можно было говорить об участии. Поэтому они дополняются политическими правами (*political rights*), важнейшим из которых является право избирать или быть избранным в органы государственной власти. Место реализации *цивильных прав* — суд, а *политических* — парламент.

Однако ни для кого не секрет, что и *цивильные*, и *политические права* суть права *формальные*. Реальное пользование ими имеет место не часто, а самое главное — извлечь из них прок могут сравнительно немногие. Судебные издержки обычно велики, а для осмысленного участия в парламентской борьбе нужны либо финансовые, либо административные ресурсы, которыми большинство не располагает³. Таким образом, права гражданства, если они понимаются как исключительно *формально-юридические*, все еще ничего не говорят о реальном *участии* индивидов в жизни того

² Перевод выражения *civil rights* как «гражданские права» страдает неточностью, особенно если учесть, что по-английски существует выражение *civil citizenship*, которое пришлось бы переводить буквально как «гражданское гражданство».

³ Что касается другой части *политических прав* — права участия в голосовании, то возможности повлиять на исход избирательной кампании в высшие органы власти у рядового гражданина крайне ограничены. Отсюда и проистекает скепсис большинства простого люда к корпусу *либеральных (формально-юридических) прав*.

политического сообщества, членами которого они как будто являются. Поэтому Т. Маршалл и говорит о *социальных правах* как о необходимом элементе гражданства. Тем самым он доводит тезис о гражданстве как об участии до логического завершения.

С точки зрения политической теории, проблема, которую затрагивает английский мыслитель, выглядит следующим образом. Гражданство — это категория классификации населения, которая приходит на смену его сословной классификации. Если в домодерновых обществах индивиды считались принадлежащими к той или иной сословной группе (и сообразно этой принадлежности определялись их права), то в обществах модерна единственной легитимной категорией классификации является «гражданин»⁴.

Объявив, что все взрослые индивиды, родившиеся на территории данного государства, суть его граждане и что никакие иные категории деления общества (ранги, сословия, касты) недействительны, мы исходим из фикции равенства. Но, будучи юридически равны друг другу, граждане не равны друг другу фактически. Их реальный доступ к базовым социальным благам прямо зависит от множества факторов. Следовательно, для того чтобы вести речь о гражданстве как участии, т.е. полноправном членстве в политике, необходимо создать условия для его материального воплощения. То есть гарантировать *всем* гражданам, наряду с гражданскими свободами и политическими правами, также и социальные права: доступ к образованию и здравоохранению, материальные гарантии в случае потери трудоспособности и т.д. Иными словами, необходимо гарантировать (а не просто декларировать) участие граждан в «цивилизованной жизни» — достойное (по меркам соответствующего общества) существование.

⁴ По крайней мере, такова логика самой идеи «гражданства». На эмпирическом уровне под категорию граждан долгое время попадали лишь мужчины-собственники. Женщины и «низшие классы» (рабочие) были из гражданства исключены.

Инстанцией, дающей подобные гарантии, выступает, конечно, *welfare state* — государство всеобщего благосостояния, или социальное государство, которое начали строить в Западной Европе после 1945 г. и одним из архитекторов которого в Британии был Т. Маршалл.

ГРАЖДАНСТВО И КАПИТАЛИЗМ

По ходу своего эссе Т. Маршалл обронил фразу о «войне» между гражданством и капитализмом. Казалось бы, мысль вполне прозрачная. Принцип равенства, имплицитно заложенный в принципе гражданства, вступает в противоречие с логикой капиталистического рынка, принципом которого является бесконечное накопление. Капитализм, таким образом, постоянно производит и воспроизводит неравенство. Однако позиция Т. Маршалла в этом пункте осталась неясной⁵. В самом ли деле между гражданством и капитализмом существует антагонизм? Или между ними есть лишь напряжение, которое может быть если не снято, то сглажено?

Если поместить маршалловское эссе в контекст идеологических дебатов середины XX в., оно оказывается между двух огней. Социализма — с одной стороны и либерализма — с другой.

Выдвинув тезис о социальном гражданстве, Т. Маршалл покинул пределы идеологии либерализма. Социальные права этой идеологией не предусматриваются. Предложенная английским социологом триада прав представляет собой своего рода конгломерат из (индивидуальных) *буржуазных* и (коллективных) *демократических* прав⁶.

⁵ На эту неясность указывали многие критики. См.: *Jessop B. Capitalism and Democracy: the best possible shell? // Power and the State / G. Littlejohn, B. Smart, N. Yuval-Davis (eds). L.: Croom Helm, 1978; Giddens A. Profiles and Critique in Social Theory. L.: Macmillan, 1982.*

⁶ Носитель первых — индивид, обладающий собственностью, т.е. буржуа. Носитель вторых — социальный класс и, в частности, наемные рабочие. См.: *Turner B.S. Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism. L.: Allen and Unwin, 1986.*

Увязав темы гражданства и социального класса, Т. Маршалл оказался в поле притяжения социалистических идей. В самом деле, гражданство и класс — разные категории и способы теоретического упорядочения социальной реальности. Противоречие между ними глубоко (и, как не устают подчеркивать марксисты, неустранимо). Ведь что описывает категория «гражданство» как не принадлежность (и, соответственно, солидарность) поверх границ, отделяющих господствующие группы от подчиненных? В качестве членов общества граждан — «гражданского общества» фабричные рабочие, едва сводящие концы с концами, являются частью одного и того же коллектива с главами финансово-промышленных корпораций, занимающими верхние строчки в списках журнала *Forbes*. В той мере, в какой рабочие — часть гражданского общества, их бытие в качестве части рабочего класса теряет значимость, отступает на задний план.

Но Т. Маршалл никоим образом не социалист. Социализм для него неприемлем, поскольку препятствует развитию свободной экономической конкуренции, т.е. капиталистического рынка⁷.

При этом он далек от рыночного фундаментализма à la Ф. Хайек, для которого принцип рынка имплицитно содержит в себе принцип свободы, а потому не подлежит ограничениям⁸. Рыночная стихия несет в себе угрозу для людей, которые в поисках защиты от нее обращаются к государству. Последнее, создавая институты *welfare state*, блокирует разрушительные тенденции капитализма. Тем самым оно спасает общественный организм от деградации.

Однако государство для людей — не только защитник, но и угроза. Ибо чрезмерный контроль над инди-

⁷ Мы здесь не входим в обсуждение вопроса о нетождественности понятий «капитализм» и «рынок».

⁸ Политическое вмешательство в экономическую, т.е. рыночную, деятельность, как полагают Ф. Хайек и его единомышленники, открывает дорогу тоталитаризму.

видами со стороны анонимной бюрократической машины чреват узурпацией власти. И если социалисты делают излишний упор на инстанцию государства, а либералы — на рынок, то реформисты (к коим, как нетрудно догадаться, и принадлежит наш автор) заняты поиском компромисса. Рыночные свободы могут и должны быть ограничены (государством) во благо граждан. Но государство не должно при этом обладать полномочиями, которые позволили бы ему отнять у граждан возможность действовать в качестве свободных экономических субъектов.

Что касается классового разделения общества и связанного с ним социального неравенства, то его нельзя устранить, да и не нужно. Но его последствия можно сделать приемлемыми для общества и тем самым легитимизировать.

Такова идеологическая нить (нить *реформизма*), которую в конце XX в. за Т. Маршаллом подхватят представители *New Labour* — британские лейбористы во главе с Т. Блэром и Г. Брауном⁹.

WELFARE КАПИТАЛИЗМ И WELFARE ГРАЖДАНСТВО

Итак, Т. Маршалл — убежденный адепт той версии социального порядка, которая появилась в Европе вскоре после окончания Второй мировой войны. Имя этого порядка — *welfare state*. Эссе английского автора вышло в свет в самом начале «золотого тридцатилетия» государства всеобщего благосостояния и побед-

⁹ Самым заметным адептом социал-реформизма в Британии последних полутора десятилетий является, конечно, Э. Гидденс с его идеями «третьего пути» и «нового эгалитаризма». (Э. Гидденс был, кстати, советником при правительстве Т. Блэра.) См.: *Giddens A. Beyond Left and Right*. Cambridge: Polity, 1995; *Giddens A. The Third Way*. Cambridge: Polity, 1998; *The Global Third Way Debate / A. Giddens (ed.)*. Cambridge: Polity, 2001; *The New Egalitarianism / A. Giddens, P. Diamond (eds)*. Cambridge: Polity Press, 2005.

ного шествия идей Дж.М. Кейнса. Будущие критики Т. Маршалла укажут на ограниченность его мыслительного горизонта и наивность исходных посылок. Так, Т. Маршалл в 1950 г. молчаливо предполагал, что: а) бесперебойной работе кейнсианской экономики ничего не угрожает; б) нуклеарная семья и впредь будет служить надежной опорой благополучия гражданина; в) щедрые социальные выплаты позволят преодолеть бедность; г) демографическая ситуация останется такой же благополучной, как и в довоенные годы¹⁰.

Между тем кризис кейнсианской модели развития наметился уже на рубеже 1970–1980-х гг. Пробуксовка *welfare state* влечет за собой знаковые политические перемены. К власти приходят «неоконы»¹¹, немало сделавшие для того, чтобы дискредитировать идеи *welfare state* и освободить государство от социальной ответственности. Начинается медленный, но неуклонный демонтаж государства всеобщего благосостояния, глубоко эшелонированный идеологически. Усилиями «неоконов» *welfare state* предстает как бюрократический монстр, источник экономической неэффективности и социального паразитизма.

Г. Браун однажды в шутку заметил, что правительства индустриально развитых стран постоянно сталкиваются с дилеммой: «либо хорошая экономика за счет хорошего общества, либо хорошее общество за счет хорошей экономики». Либо эффективность, рентабельность, высокая норма прибыли и т.д., но при этом — сокращение социальных расходов, уменьшение товарной стоимости рабочей силы, ухудшение условий труда и снижение экологических стандартов.

¹⁰ См.: Roche M. Rethinking Citizenship, Welfare Ideology and Change in a Modern Society. Cambridge: Polity Press, 1992.

¹¹ Строго говоря, ни М. Тэтчер, ни Р. Рейган не были последовательными приверженцами доктрины, которую позже назовут «неоконсерватизмом». Их подверстали туда задним числом. Но коль скоро сами «неоконсерваторы» ведут свою родословную именно отсюда, от подобных тонкостей позволительно отвлекаться.

Либо поддержка заведомо «нерентабельных» сфер (образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, беспризорные дети, лесные зоны и зеленые насаждения и т.д.), что влечет за собой отток капитала в страны с менее требовательным населением и более стоворчивыми профсоюзами (или с их отсутствием). Но если лейбористы хотя бы отдадут себе отчет в существовании проблемы, то для неконсерваторов все проблемы заключены в моральной плоскости — в нежелании бедных трудиться и непонимании ими ценности «активного гражданства»¹². Кроме того, неимущие развращены государственными программами поддержки, и вообще им присуща склонность к паразитизму.

Т. МАРШАЛЛ КАК НОСИТЕЛЬ БРИТАНСКОГО ОПЫТА, ИЛИ ЧИСТО АНГЛИЙСКИЙ ДИСКУРС

Эссе Т. Маршалла несет отчетливый отпечаток не только времени, но и *места* своего написания. Текст поистине поражает своей сосредоточенностью на национальном — англо-британском¹³ — контексте. Мира вне Британии для автора словно не существует. Все свои примеры он черпает из истории Британии, все его аллюзии отсылают к британскому опыту. Единственный из приводимых Т. Маршаллом примеров, который взят

¹² Сам термин *active citizenship* в Великобритании появился в начале 1990-х с подачи консервативного Кабинета министров. Перед тем как приватизировать железные дороги, правительство собирало критику работы Британских железных дорог (British Railway) со стороны рядовых пассажиров. Их выступления в СМИ и были представлены как проявление «активного гражданства».

¹³ Англия и Британия для Т. Маршалла — понятия синонимичные, поскольку специфика Шотландии и Уэльса его не занимает. Иной взгляд на Британию отстаивают М. Хечтер и Т. Нейрн, с 1970-х годов педалирующие тему английской колонизации Британских островов. См.: *Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in the British Development*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1975; *Nairn T. The Break-up of Britain: Crisis and Neonationalism*. L.: New Left Books, 1977.

не из британской истории — Французская революция, да и та преподносится им в весьма непривычном для нас свете. Французская революция в его глазах предстает вовсе не как этап на пути институционализации прав гражданства, а как остановка на этом пути!

Но проследивать англоцентризм Т. Маршалла — не самое интересное занятие. Гораздо интереснее другое — обнаружить те особенности британской истории, которые обусловили маршалловскую постановку вопроса. А постановка эта в значительной мере чисто британская, не характерная для других стран¹⁴.

Попробуем показать британскую специфику по контрасту с Германией. Если в Англии буржуазная революция была успешной (решительный удар по феодальному порядку был нанесен в XVII в., а окончательная политическая победа буржуазии над аристократией произошла в первой трети XIX в.), то в Пруссии и в десятках мелких немецких государств буржуазная революция не состоялась. Это определило политическое устройство и диспозиции социально-классовых сил в каждой из стран. В Англии к 30-м годам XIX в. формируется сильная буржуазия, а десятилетием позже — организованный рабочий класс (чартизм). В Германии, к моменту ее объединения в 1871 г., складывается совсем другая картина: слабая буржуазия, политическое господство юнкерства и сравнительно слабо организованный рабочий класс¹⁵. Отсюда контраст двух

¹⁴ Приводимый ниже сравнительный анализ британского случая на фоне других западных стран представляет собой компиляцию из двух основных источников — статьи М. Манна 1987 г. и трактата Б. Тернера 1990 г. См.: *Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // Sociology. 1987. Vol. 21. No. 3. P. 339–354; Turner B.S. Outline of a Theory of Citizenship // Sociology. 1990. Vol. 24. P. 189–217.*

¹⁵ Позднее немецкий рабочий класс наберет силу и организует, но тем не менее останется на периферии политического поля. Он будет восприниматься правящими кругами кайзеровской Германии не как субъект общественно-политических дискуссий, а как источник революционной угрозы.

политических систем: в Англии — действительно независимый парламент и судебная система (опирающаяся на традицию *common law* — толкования закона участниками судебного спора), в Германии — полное доминирование «исполнительной» власти, т.е. бюрократической машины, и управляемый парламент. Что касается правовой сферы, то немецкая версия ее развития нашла воплощение в феномене *Rechtstaat*, что не совсем точно передается русским выражением «правовое государство». Режим *Rechtsstaat* означает, что государство гарантирует тем, кого признает своими гражданами, неукоснительное соблюдение их гражданских свобод, строго ограничивая при этом их политические права.

Особенности социально-классовой структуры и политической системы обусловили целый ряд различий английского и германского вариантов, а именно: характерных для каждой из стран представлений о сущности государства, функционирования публичной сферы, доминирующей идеологии и, в конечном итоге, способа восприятия феномена гражданства.

В британском случае государство предстает как арбитр, следящий за соблюдением правил игры разными политическими игроками (причем правила эти, в свою очередь, сложились в ходе борьбы, а не были навязаны некоей внешней инстанцией). В немецком варианте государство — скорее патрон, инстанция, возвышающаяся над обществом. В Британии публичная сфера (она же и гражданско-политическая, или «гражданское общество») — разветвленная система институтов, действующих автономно от правительства. В Германии (напомним, что речь идет о периоде с 1870-х гг. до начала Первой мировой войны) публичная сфера не только не развита, но и воспринимается совершенно иначе, чем на островах туманного Альбиона. Для британцев публичное пространство — пространство индивидуальной и групповой конкуренции, а также место самореализации личности. Для немцев со времен

йенских и берлинских романтиков публичная сфера таит в себе скорее опасности, чем возможности для индивида. То, что по-немецки называется *Innerlichkeit*, может сильно пострадать от *Oeffentlichkeit* и «неподлинности» и «несобственности»¹⁶, с ней сопряженной.

На этом фоне четко просматриваются различия в конфигурации идеологического поля. В Британии в течение последней трети XIX в. получают широкое распространение социалистические, анархистские и «тред-юнионистские» идеи. В Германии к концу XIX — началу XX в. складывается причудливая смесь поощряемого высшей бюрократией этатизма и милитаризма, а также идущего со стороны средних классов (университетская профессура, чиновничество, журналисты, мелкие торговцы, гимназические учителя и т.д.) национализма. Важный элемент этой идеологии — недоверие к демократическим идеям, идущим снизу. Для немецкого «образованного общества» той поры *working class democracy* — англосаксонское изобретение, несовместимое с «немецким духом».

В британской политической традиции (и, соответственно, политической культуре) чрезвычайно высока ценность парламентаризма (централизованная власть оставила притязания на монополию еще в XVII в.¹⁷). В Германии О. Бисмарк парламент — скорее совещательный орган при правительстве, чем источник власти.

Другой особенностью британского способа ведения политики является то, что П. Андерсон назвал «градуализмом» (*gradualism*), — принцип постепенности

¹⁶ Здесь вполне показана аллюзия к М. Хайдеггеру и его пониманию «подлинности» и «собственности» (*Eigentlichkeit*).

¹⁷ Мы имеем в виду не столько спор между парламентом и королем в 40-е годы XVII в., который закончился казнью последнего, сколько ситуацию, сложившуюся после Славной революции 1688 г. С этого момента приглашенный король не являлся инстанцией, способной противостоять парламенту.

перемен¹⁸. Это, опять-таки, резко отличает Британию от ее европейских соседей (в частности, от Франции, которая добивалась перемен чередой революций). Но, пожалуй, решающим отличием британской политической культуры от политической культуры континентальной Европы XIX — начала XX в. является роль *компромисса* в поиске приемлемого для конкурирующих социально-классовых групп решения. Государство, как мы уже заметили, воспринимается в Британии как арбитр, следящий за соблюдением социального контракта между различными общественными силами. В немецком же восприятии государство — самостоятельная сила¹⁹.

Из перечисленных выше особенностей и проистекает специфически британское понимание феномена гражданства, выразителем которого стал Т. Маршалл. *Проблематика гражданства в британском контексте* — это, прежде всего, *смягчение неравенства* в доступе к ключевым социальным ресурсам (чтобы завершить наше сопоставление с Германией, отметим, что в немецком случае проблематика гражданства осмысливается по преимуществу в моральном ключе — ответственность, обязательства и т.д.).

Ради наглядности эти различия можно представить в виде таблицы 1.

¹⁸ П. Андерсон связывает эту черту британского политического поведения с такими особенностями национальной истории, как: а) отсутствие на островах сухопутной армии, в силу чего у короля не было возможности опереться на военных, задумай он сконцентрировать в своих руках большую власть, чем та, которой он располагал; б) ранняя демилитаризация аристократии; в) инкорпорирование в политическую элиту городского торгового класса. См.: Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010.

¹⁹ В этой связи характерны и определение М. Вебером государства через монополию на легитимное насилие, и афоризм К. Шмитта, согласно которому в государстве не может быть политики, в государстве может быть только полиция (ибо его функция — защита народа от внешних и внутренних врагов).

Таблица 1

Условия формирования представлений о гражданстве в Англии и Германии (XIX в. — первая половина XX в.)

	Англия	Германия
Социально-классовая структура	Сильная буржуазия + организованный рабочий класс	Слабая буржуазия при сильной земельной аристократии (юнкерстве), отодвинутый на периферию политического процесса рабочий класс
Политическая система	Сильная парламентская власть, значительная роль судебной системы, основанной на традиции «прецедентного права»	Слабый парламент, гипертрофия административно-бюрократической власти, <i>Rechtsstaat</i>
Восприятие государства	Государство — арбитр в споре различных политических сил	Государство — патрон, гарант безопасности и личных свобод
Особенности публичной сферы	Развитое и дифференцированное <i>civil society</i> . Публичность — сфера конкуренции и самореализации индивидов	Слабое <i>bürgerliche Gesellschaft</i> . Публичность — потенциальная угроза приватности и аутентичности индивида (<i>Innerlichkeit</i>)
Господствующие идеологические течения	Сильное влияние идей социализма, анархизма и тред-юнионизма	«Немецкая идеология» конца XIX — начала XX в. — национализм, недоверие к рабочему классу и вырабатываемой им идеологии

	Англия	Германия
Основные черты политической культуры	Ценность парламентаризма и " <i>gradualism</i> " (постепенность реформ и поиск компромисса)	Государствоцентризм, скептическое отношение к парламентаризму
Восприятие феномена гражданства	Проблематика гражданства — неравный доступ к социальным ресурсам	Проблематика гражданства — моральные обязательства

Как видим, то обстоятельство, что интересующий нас текст появился именно в Англии, далеко не случайно. Позволительно выразиться сильнее: подобное сочинение и не могло появиться нигде, кроме Англии. Даже в такой, на первый взгляд, близкой ей стране, как США.

Для Америки и, соответственно, для мыслителей, социализировавшихся в Соединенных Штатах, в высшей степени не характерны интуиции, которые англичанину Т. Маршаллу кажутся естественными. Проблематика социально-классового разделения общества никогда не была центральной для американских авторов. Тому есть несколько причин. Во-первых, в Америке, в отличие от Старого Света, не существовало исторически обусловленной сословной стратификации. Американцам не нужно было ни бороться с сословной иерархией, как французам (пролившим в ходе этой борьбы реки крови), ни прилагать усилия по приспособлению традиционной иерархии (корона, Палата лордов, государственный статус Англиканской церкви) к новым условиям, как англичанам. Во-вторых, чрезвычайно распространенный миф об Америке как стране равных возможностей дает толчок развитию отчетливо индивидуалистической психологии. Ее суть состоит в

непоколебимой вере в ценность (и результативность!) индивидуального усилия. Ваш успех или неуспех зависит исключительно от вас самих — вашей энергии, ума, мотивированности, креативности. Американский индивидуализм — не самая благодатная почва для роста социалистических и прочих коллективистских идей. Социализм в Америке лишен сколько-нибудь массовой поддержки. Американские рабочие традиционно невосприимчивы к лозунгам левых радикалов.

Но этому факту есть и другое объяснение, выводящее нас из сферы спекуляций о национальном менталитете и политической культуре в сферу диспозиций классов на политическом поле. Заметим, что, говоря об американских рабочих, мы представляем их себе как *белых мужчин*. И это, кстати, верно, поскольку небелые трудящиеся и женщины были напрочь исключены из игры. Белые рабочие в Америке получили политические права уже к 1840 г., т.е. на целых полвека раньше, чем это случилось в самых передовых странах Западной Европы. Важно понимать, что это стало возможным благодаря систематическому исключению из прав гражданства широких слоев населения (женщины, чернокожие и «цветные», некоторые категории иммигрантов). И если женщины в США получили политические права в 20-е годы XX в., а чернокожие — в середине 60-х, то эксплуатация трудовых иммигрантов первого поколения до сих пор остается одним из столпов американского благополучия.

Здесь уместно обратить внимание на различия в способах инкорпорирования рабочего класса в политические системы Англии и Соединенных Штатов. В Англии это включение происходит в ходе борьбы рабочих за свои права. Они выступают в этой борьбе как *социальный класс* — одна из сторон оппозиции «обладатели рабочей силы / владельцы средств производства». Соответственно их объединения (профсоюзы) являются представителями труда в его оппозиции

капиталу. В Америке же рабочие инкорпорируются в политическую систему как *одна из групп давления* — квазикорпорация, которая участвует в торге за привилегии наряду с другими корпорациями²⁰. Их профсоюзы — не выразители интересов трудящихся классов, а группы, эксплуатирующие свою рыночную власть и торгующиеся с другими группами (носителями иных интересов) на политическом рынке. Они используют свой ресурс (этничность и квалификацию) против других, иноэтничных и низкоквалифицированных слоев трудящихся.

Так складывается характерный для Америки режим гражданства, который М. Манн называет «либеральным». Его содержание: максимизация гражданских и политических прав при минимизации социальных. Режим гражданства, отстаиваемый Т. Маршаллом, отличается от либерального тем, что, сохраняя в прежнем объеме гражданские и политические права, он предполагает развитие социальных прав. Это реформистский режим гражданства.

Проиллюстрируем сказанное с помощью таблицы 2.

Завершая наши компаративистские эскерцисы, подчеркнем, что Т. Маршалл не только описывает реформистский режим гражданства, но и *участвует в его создании*. Т. Маршалл — не просто аналитик и пропагандист реформизма как способа организации общества и государства. Он один из строителей этой организации.

²⁰ Эти привилегии они и получают за счет неквалифицированной иммигрантской рабочей силы. Поначалу — ирландцев, итальянцев и выходцев из Восточной и Южной Европы, затем китайцев, корейцев и прочих выходцев из Азии, подвергавшихся сверхэксплуатации и лишенных каких-либо прав. Причем не только *de facto*, но и *de jure*. Например, специально принимавшиеся «антикитайские» законы лишали мигрантов из Китая права выступать свидетелями в суде.

Таблица 2

Режимы гражданства в Англии и США

	Англия	США
Социальная стратификация	Иерархизированное общество	Отсутствие явной традиции иерархии, высокая ценность эгалитаризма
Идеологическое поле	Распространение социалистических и социал-реформистских идей	Индивидуализм, недоверие к коллективистским идеологиям
Особенности политической борьбы	Длительная традиция рабочего движения, понимаемого в классовых терминах	Рабочие объединены не на классово-вой, а на корпоративной основе
Особенности рабочих объединений	Профсоюзы включены в политическую систему в качестве представителей (трудящихся) классов	Профсоюзы включены в политическую систему в качестве одной из «групп давления»
Процедуры включения / исключения	История второй половины XIX — начала XX в. как история прогрессирующего включения в гражданство прежде исключенных групп	История второй половины XIX — начала XX в. как история продолжающегося исключения исключенных групп
Режим гражданства	Реформистский	Либеральный

МЕТОД Т. МАРШАЛЛА

Свою типологию гражданства Т. Маршалл представляет не только как логическую, но и как историческую. Распространение гражданских прав он относит к XVIII в., политических — к XIX в., а социальных — к XX в.

Эту последовательность несложно релятивизировать, показав, например, что социальные права часто предшествовали политическим²¹, которые, в свою очередь, зачастую не следовали за гражданскими свободами²². Впрочем, сам Т. Маршалл был прекрасно осведомлен о том, что реальная картина с правами гражданства в истории сильно отличалась от нарисованной им схемы — недаром он делает соответствующие оговорки. Поэтому претензии к нему могут быть предъявлены не с фактографической (эмпирической), а с методологической (теоретической) стороны. В теоретико-методологическом плане английский автор обнаруживает себя приверженцем эволюционизма²³.

²¹ Например, как показало исследование Р. Бендикса, право на (начальное) образование утвердилось во многих странах Западной Европы еще в первой половине XVIII в.: в Дании первые начальные школы появились по королевскому указу в 1721 г., в Пруссии — в 1737 г. См.: *Bendix R. Nation-Building and Citizenship. N.Y.—L.—Sydney: John Wiley, 1964.* Да и у самого Т. Маршалла есть указания на то, сколь значительный объем социальных прав имели в Средние века крестьяне благодаря институту сельской общины, а горожане — благодаря статусу жителей «свободного города». Здесь уместно вспомнить тезис Ч. Тейлора, согласно которому эпоха абсолютизма (т.е. XVII–XVIII вв.) представляла собой регресс с точки зрения объема и содержания прав по сравнению со Средневековьем. Гражданства в Новое время стало больше, а прав меньше (и они были хуже защищены). См.: *Taylor Ch. Der Begriff der 'buergerlichen Gesellschaft' im politischen Denken des Westens // Gemeinschaft und Gerechtigkeit / M. Brumlik, H. Brunkhorst (Hrsg.). Fr.a.M.: Fischer, 1993. S. 117–148.*

²² Так, в Пруссии Фридриха Великого, равно как и в России Екатерины Великой, дворянство пользовалось полнотой гражданских прав и свобод, но о политических правах не могло быть и речи. Случается (хотя довольно редко) и обратное: широкие политические права при необеспеченности гражданских свобод (Никарагуа после победы сандинистов, Венесуэла при Уго Чавесе).

²³ На эту слабость текста Т. Маршалла не раз указывали критики. См., например: *Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 2. The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 204–207.*

История гражданства (и как идеи, и как института) предстает у Т. Маршалла в виде истории поступательного развития, постепенного и неуклонного (пусть и с эпизодами, когда оно тормозилось или даже обращалось вспять) восхождения от низшего к высшему — от состояния, когда и объем прав, и количество их обладателей были ограниченными, к состоянию, когда объем прав неизмеримо расширился, а количество их обладателей едва ли не совпадает со взрослым населением страны.

Чем была обусловлена такая эволюция? Эксплицитно Т. Маршалл такого вопроса не ставит. Но в той мере, в какой он присутствует в его рассуждениях имплицитно, можно предположить, что дело заключается в ... доброй воле. В прогрессе морального сознания (здесь вполне уместно вспомнить о гегелевском видении истории как «прогресса в сознании свободы»).

Человек как существо цивилизованное не может смириться с тем, что какая-то часть его собратьев живет в нецивилизованном состоянии. Или, как формулирует эту мысль предшественник и однофамилец нашего автора А. Маршалл (1842–1924), — с тем, что не все члены общества суть джентльмены. Им, стало быть, надо помочь стать джентльменами.

Моральное чувство цивилизованного человека — напомним, что предикат «гражданский» в случае с «правами» и в случае с «обществом» один и тот же (*civil rights, civil society*) — бывает оскорблено, когда он сталкивается с проявлениями вопиющего неравенства. Отсюда проистекает задача: добиться *приемлемого* (asserable) социального неравенства.

Затрагивая вопрос о переходе от докапиталистической формы организации общества к капиталистической, Т. Маршалл обращается к знаменитому труду К. Поланьи, вышедшему шестью годами раньше первой публикации его собственного текста²⁴. И на фоне

²⁴ См.: Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

К. Поланьи британский автор, надо сказать, смотрится не слишком выгодно. В центре внимания «Великой трансформации» — водораздел, пролегающий между капитализмом и предшествовавшей ему социальной формацией. Победу капитализма К. Поланьи связывает с утверждением так называемой «свободы контрактов», согласно которому в сделке, совершаемой между обладателем средств производства и наемным работником, не должно существовать посредников. Это свободный договор (контракт) свободных людей. Одни покупают труд, другие его продают. Осуществить этот принцип до определенного момента — а именно до политической победы буржуазии над классами, господствовавшими при «старом режиме», — было абсолютно невозможно.

Прежнее законодательство (елизаветинский Закон о бедных, а также «шкала Спинхемленда», привязывавшая минимальную оплату труда к ценам на хлеб) не позволяло провести в жизнь лукавую абстракцию под названием «свобода контрактов». Добившись отмены этого законодательства в 1834 г., английская буржуазия сняла последние препятствия на пути развития капитализма²⁵. К. Поланьи специально останавливается на этом моменте, подчеркивая фундаментальное противоречие между институциональной и нормативной системой феодального (сословно-династического) общества, с одной стороны, и общества капиталистического (буржуазного, «гражданского») — с другой²⁶.

В методологическом плане К. Поланьи выступает как представитель *исторического материализма без марксизма* (приверженцем той же методологии был, кстати,

²⁵ Как остроумно формулирует К. Поланьи, новые правила «положили конец человеколюбивому правлению лендлордов с их системой пособий». См.: *Поланьи К. Великая трансформация*. С. 95.

²⁶ Примечательно, что немецкий термин *Buergerliche Gesellschaft* можно перевести и как «буржуазное», и как «гражданское» общество. Именно буржуазия — она же «третье сословие» — является основой и мотором этого общества.

такой великий земляк Т. Маршалла, как Э. Геллнер). Но наш автор — идеалист, причем как в бытовом, так и в специально-философском значении слова.

Понятийные инструменты, с помощью которых он предлагает читателю осмыслить процесс утверждения капитализма, — «преобладающий дух времени», «экономическая свобода индивида», «универсальная свобода» и т.д. *Риторические фигуры* общественных дискуссий первой трети XIX в. (когда развернулся решающий этап борьбы между классом предпринимателей, стремившимся к устранению последних препятствий на пути создания «свободного» рынка труда, и патримониальным государством, защищавшим простой люд от капризов рынка) Т. Маршалл готов использовать в качестве *категорий анализа*. Он, например, воспроизводит аргументы лорда Мансфильда, одного из сторонников отмены Статута о ремесленниках, утверждавшего, что этот закон находится в противоречии с «естественным правом».

В этой части текста Т. Маршалла особенно много высказываний «идеалистического» свойства, т.е. таких, которые обнаруживают и прекраснодушие их отправителя, и его склонность объяснять социально-структурные процессы субъективными намерениями людей. Что такое, например, «разрыв связи (буквально “развод”, *divorce*) между социальными правами и статусом гражданства», который Т. Маршалл с сожалением констатирует применительно к XVIII–XIX столетиям? Ведь «социальные права», существовавшие в доиндустриальных обществах, имели совершенно иное обоснование, чем социальные права, появившиеся (точнее, завоеванные) на рубеже XIX–XX вв. Они обосновывались ссылкой на «естественное право» (*natural law*), т.е. установленный самим Богом закон²⁷. Гарантии от голодной смерти, предоставлявшиеся низам общества

²⁷ В эпоху секуляризации приверженцы традиции *естественного права* будут говорить о его укорененности в «самой природе».

в Средневековье, родились не из понятия гражданства (и, соответственно, равенства), а из представления о «естественной» статусной иерархии. Естественность этой иерархии, опять-таки, коренилась в Божьем промысле: центральный суверен (монарх) отвечал за жизнь находящихся под его властью сирых и убогих, а местные сюзерены — за жизнь и благополучие всех, кто находился у них в вассальной зависимости. Этот порядок воспринимался как абсолютно легитимный и верхами, и низами общества²⁸. Так что ни о какой идее гражданства здесь не может быть и речи. Похоже, что Т. Маршалл гипостазировал понятие гражданства. Зажив отдельной жизнью, оно превратилось в самостоятельную реальность со своей логикой и историей. Или, выражаясь иначе: сначала оно было вырвано автором из истории, а затем (в изложении автора) обросло собственной историей.

ГРАЖДАНСТВО КАК ОБЕЩАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА — Б. КАПУСТИН

В российском интеллектуальном сообществе найдется не много людей, столь же компетентных в истории политической философии, как Б. Капустин. Но еще меньше тех, кто претендовал бы на роль политического философа. Б. Капустин в этой роли уже давно и успешно выступает²⁹. От большинства русских самодумов, пи-

²⁸ Поэтому все социальные волнения Средневековья вращались вокруг требований вернуться к прежнему (несправедливо, по мнению восставших, повышенному) размеру податей или повинностей, а отнюдь не вокруг их отмены.

²⁹ См.: *Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998; *Капустин Б.Г.* Идеология и политика в посткоммунистической России. М.: УРСС, 2000; *Капустин Б.Г.* Критика политического морализма // Вопросы философии. 2001. № 2; *Капустин Б.Г.* К понятию политического насилия // Полис. 2003. № 6; *Капустин Б.Г.* Моральный выбор в политике. М.: Книжный дом «Университет», 2004; *Капустин Б.Г.* О предмете и употреблении понятия «революция» // Логос. 2008. № 6; *Капустин Б.Г.* Критика политической философии: избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010.

шущих так, как если бы они жили в духовном вакууме, Б. Капустина отличают огромная эрудиция и бережное обращение с существующим корпусом научной литературы. Данная работа не является исключением. Проработанный им массив политико-философских трудов поистине впечатляющ. Особенно учитывая то обстоятельство, что эта проработка для него не самоцель, а средство для собственных теоретических построений.

Но вряд ли Б. Капустин нуждается в панегириках. Дань уважения к его работе можно выразить и в форме полемического отклика на нее. Что я и попытаюсь сделать ниже.

Мы не погрешим против истины, если вычленим следующую последовательность тезисов, выдвинутых в работе Б. Капустина.

1. Гражданство не есть статус. Гражданство — это «образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека».

2. Гражданство внутренне связано со свободой. Гражданство, понятое как статус, есть всего лишь «средство быть свободным», тогда как существуют (должны существовать?) условия, при которых гражданство есть «способ быть свободным».

3. Феномен гражданства не следует понимать в отрыве от феномена гражданского общества, так как между ними существует *необходимая* связь.

4. Гражданское общество есть сфера отношений между гражданами. Этим оно отличается от «политического общества» (государства), которое есть сфера отношений между государством и гражданами.

5. Гражданское общество не есть совокупность неправительственных (некоммерческих) организаций. Оно вообще не может быть понято как совокупность институтов. Оно должно рассматриваться как событие.

Свои соображения по поводу высказанных тезисов я сгруппирую вокруг трех основных вопросов.

- 1) Сводим ли гражданство к статусу?
- 2) Является ли связь между понятиями «гражданство» и «гражданское общество» необходимой?
- 3) Следует ли пересматривать устоявшееся понимание гражданского общества как совокупность институтов, опосредующих отношения между государством и приватной сферой?

СВОДИМО ЛИ ГРАЖДАНСТВО К СТАТУСУ?

Б. Капустин ставит под сомнение определение гражданства через совокупность прав. Тем самым он привлекает внимание к аспекту феномена гражданства, который остается за горизонтом Т. Маршалла. А именно: если гражданство есть, прежде всего, членство в политике, то это предполагает определенное отношение индивида к политике. Иными словами — определенную идентичность. Гражданство, стало быть, есть не только юридическое отношение, но и отношение *моральное* (в гегелевском значении слова «мораль»). Бытие гражданином означает не просто обладание определенными свободами и привилегиями, но и осознание своей принадлежности к конкретному политическому сообществу. А это, в свою очередь, ведет к определенной моральной (культурной) принадлежности. Ибо всякое крупное политическое сообщество (нация-государство) имеет морально-культурное измерение.

Конечно, в разных контекстах культурное содержание нации-государства понимается по-разному. В Германии в слове «нация» отчетливо слышны этнические коннотации³⁰. Во Франции культурная общность нации воспринимается как выражение политической

³⁰ До недавнего времени немецкие обществоведы настойчиво подчеркивали несводимость друг к другу понятий *Kulturnation* и *Staatsnation*. Первое обозначало сообщество происхождения, или «общность судьбы», второе — общую юрисдикцию, подданство территориальному государству.

общности³¹. В Америке само наличие общей для всех граждан США «американской культуры» вообще оспаривается, и лояльность индивидов нации означает их приверженность базовым ценностям (либеральная демократия, приоритет индивидуальной свободы, неприкосновенность прав собственности и т.д.³²). Но как бы ни были существенными эти различия, во всех случаях бесспорно одно. Гражданин — это индивид, привязанный к политическому целому не только правовыми, но и моральными узами, обладающий гражданской идентичностью.

Отсюда вытекает следствие, образующее стержень целой традиции в понимании гражданства — традиции так называемого *республиканизма*. Если ограничить ретроспективу Новым временем, то последняя восходит к Ж.-Ж. Руссо, а если всмотреться в историю мысли глубже, то корни «республиканизма» нетрудно обнаружить у Аристотеля. Именно к этой традиции примыкает Б. Капустин.

Сам автор, однако, не спешит в этом признаться. Более того, в одной из сносок он прямо отмежевывается от «гражданского республиканизма». У него есть на то веские причины, и чуть позже мы попытаемся их обнаружить.

А пока вернемся к критике Б. Капустиним маршалловского понимания гражданства. Российский философ категорически возражает против редукции

³¹ Гражданское единство здесь логически и исторически предшествует культурному единству. Подробнейший анализ французской и немецкой «моделей» нации проведен в классической работе Р. Брубейкера. См.: *Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1992.*

³² Ошибкой было бы полагать, что корпус «американских ценностей» состоит исключительно из ценностей политических. В него входят также такие морально-культурные ценности, как вера в Бога, вера в достижение успеха своими силами, уважение к людям независимо от их этнического происхождения, а также умение писать и говорить по-английски.

гражданства к статусу. В той мере, в какой Т. Маршалл отвлекается от ценностных аспектов феномена гражданства, это возражение справедливо. Однако хотелось бы сделать одно уточнение. Определяя гражданство через статус, английский автор рассуждает не в *юридическом*, а в *социологическом* ключе. Речь идет о переходе от традиционного к современному обществу. Этот переход, среди прочего, заключается в смене одной социальной организации, основанной на статусной иерархии, другой, в которой такая иерархия не нужна. Если прежде население государства состояло из множества категорий, сообразно которым определялись объем и содержание их прав (аристократия, духовенство разных рангов, гильдии купцов и адвокатов, ремесленные цеха и т.д.), то теперь единственная значимая категория — граждане. В этом (и только в этом) смысле гражданство есть статус. Оно есть статус, отменяющий все иные возможные статусы.

Таким образом, Т. Маршалл далек от «юридического идиотизма», последовательным и страстным оппонентом которого выступает Б. Капустин.

Как мы видели, если гражданство для Т. Маршалла — *правовое* отношение, то для Б. Капустина оно, по преимуществу, представляет собой *моральное* отношение. Отсюда его неудовлетворенность маршалловской схемой: гражданство = статус + институты. Памятуя о том, что эта схема, в самом деле, не всеохватна, я тем не менее не могу удержаться от желания ее защитить.

Ведя речь о гражданстве как правовом отношении, Т. Маршалл схватывает саму сердцевину этого явления. Сколько бы республиканцы ни смещали акцент на обязательства гражданина перед сообществом, права в гражданстве первичны. Это права членов города-государства — в античности, или нации-государства — в модерне. Благодаря наличию прав члены политики отграничены от тех, кто из этого членства исключен. Гражданство — это граница, которая проходит и во вне государства (граждане vs. чужеземцы), и внутри.

Граждане греческого полиса или Римской империи тем и отличаются от неграждан, что обладают определенными правами. И наоборот: женщины, метеки, рабы не являются гражданами потому, что у них нет прав. Понятие права осмысленно только при условии, что существует инстанция, которая в состоянии обеспечить права и/или применить санкции в случае их нарушения. Таков, в частности, суд, который гарантирует соблюдение гражданских прав (*civil rights*) и в который граждане обращаются с исками, если какое-то из этих прав не соблюдается. Таковы поддерживаемые государством системы здравоохранения, образования, а также органы, ведающие социальным обеспечением («социальным развитием»). Поэтому Т. Маршалл и добавил к понятию статуса понятие института. Институты образуют объективные условия возможности гражданства. Без них никакого гражданства не существует. Неоаристотелики могут сколько угодно напоминать об ответственности, обязательствах и прочих моральных аспектах гражданства, но до того момента, пока индивид не наделен реальными правами, смешно ожидать от него соблюдения каких-либо обязанностей.

Для российского философа, однако, большее значение имеют субъективные условия возможности гражданства. Отсюда его эксплицитные отсылки к руссоистской концепции гражданина и имплицитные отсылки к аристотелевской трактовке гражданства как способности. По Аристотелю, состоятельные мужчины (главы домохозяйств) являются гражданами полиса по той причине, что обладают нужной для этого степенью «разумности». Соответственно исключенные из гражданства люди исключены из него потому, что у них с «разумностью» не все в порядке. Либо более низкая ее степень (как у женщин), либо полное отсутствие (как у рабов, представляющих собой «говорящие орудия»).

Перед нами — последовательно элитистский дискурс. Этот дискурс не очень хорошо сочетается с эга-

литариизмом той леворадикальной линии в современной политической философии, примкнуть к которой намерен Б. Капустин. Похоже, именно по этой причине он не афиширует свою приверженность аристотелевской традиции.

Именно «аристотелизмом» Б. Капустина объясняется, на мой взгляд, та моральная нагрузка, которой подверглось у него понятие «гражданин». Гражданин, по Б. Капустину, — существо почти неземное. Он является собой полную противоположность «буржуа». Если буржуа печется исключительно о собственной выгоде, то гражданин — исключительно об «общем благе». Эта заимствованная у Ж.-Ж. Руссо дихотомия является структурообразующей для всего капустинского рассуждения. На одном полюсе — «частное лицо» (существо, озабоченное партикулярным), на другом — «гражданин» (существо, озабоченное универсальным). Поэтому выражение «частный гражданин» в глазах нашего автора представляет собой оксюморон.

Отсюда проистекают энергичные выпады Б. Капустина по адресу клиентелизма — потребительского отношения индивидов к обществу, в котором они живут. Их превращение в «клиентов» в его глазах выглядит как прямое противоречие с самим содержанием гражданства — активности во имя общего блага. Здесь российский философ рассуждает в унисон с Ю. Хабермасом, который, кажется, первым обратил внимание на эту тенденцию (он же ввел в широкий научный оборот сам термин «клиентелизм»). На протяжении примерно четверти века на Западе выходят работы, авторы которых, несмотря на разницу идеологических перспектив, с тревогой отмечают, что развитие *welfare state* имело своим результатом не рост социальной солидарности, а рост паразитизма. Так что с Б. Капустиным в этом пункте трудно не согласиться.

Тем не менее его пафос в этой связи мне представляется несколько чрезмерным. Во всяком случае, слово «трагизм», которое он использует для описания про-

тиворечия между «частным лицом» и «гражданином», якобы разворачивающегося в душе каждого человека, слишком сильное.

Реальный гражданин един в трех лицах. Он предстает как: а) субъект, б) объект и в) клиент. В качестве члена сообщества граждан, гражданской нации, «демоса» он — источник и опора демократического суверенитета. В качестве объекта юрисдикции определенного государства он — обладатель прав и носитель обязанностей (уплата налогов, военная служба). Наконец, в качестве получателя определенных услуг и гарантий, предоставляемых государством («социальных бенефитов», о которых Б. Капустин всегда упоминает с ноткой неодобрения), он — клиент. Если между этими тремя ролями и есть противоречие, то оно не является неразрешимым.

К тому же мотивы реальных граждан более сложны, чем это представляется руссоистскому воображению. Сочетание в одном действии самых разных мотиваций хорошо иллюстрирует один американский мюзикл. «Мальчик, зачем ты здесь?», — спрашивает сержант новобранца. — «Во-первых, я хочу помочь. Во-вторых, я — патриот. В-третьих, меня заставили»³³.

Рассуждая идеально-типически, Б. Капустин предлагает провести границу между гражданством «политико-демократическим» и «юридически-имперским». Первый тип гражданства существовал по Б. Капустину (а точнее, по Дж. Поукоку) в античном полисе, причем довольно непродолжительное время — до казни Сократа. (Это время его «заката». А с какого момента датировать его начало?) Затем начались «сбои» этой организации. В результате на смену «политико-демократическому» гражданству и пришло гражданство «юридически-имперское». Если формула первого — «Управлять и быть управляемым», то формула второго — «Судить и быть судимым». Здесь россий-

³³ Цит. по: Смирнов А. Национализм: нация = коллективное действие: пустое означающее // Логос. 2006. № 2. С. 161.

ский автор солидаризируется с уже упомянутым новозеландским коллегой Дж. Поукоком (J.G.A. Pocock).

Вообще явные и неявные референции к греческому полису, вернее, к той *идеализации* греческого полиса, которая сделалась общим местом современной политической философии с легкой руки Х. Арендт³⁴, образуют теоретический фон размышлений Б. Капустина (несмотря на все его усилия этот фон скрыть). Свободные и ответственные граждане и политическое сообщество, ими создаваемое, — таковы исходные абстракции Х. Арендт периода написания ею *Vita activa*, заимствуемые российским автором.

Но, строго говоря, образ античного полиса, здесь моделируемый, имеет весьма стороннее отношение к исторической действительности. Полисы Древней Греции не просто сильно отличались от представления о них Х. Арендт. Они были полной противоположностью этому представлению. Первое, о чем не очень любят задумываться авторы, инспирированные Х. Арендт (кстати, мыслителем праволиберальным), — это количество граждан в полисе. Они составляли *меньшинство* его населения. Их свобода и досуг существовали за счет труда многократно превышавшей их массы людей³⁵. Но если этот факт более или менее известен и относительно легко может быть обойден³⁶, то второе обстоятельство делает теоретическое построение à la Х. Арендт совсем шатким. Дело в том, что граждане греческого города-государства не были свободными

³⁴ Надо, однако, заметить, что эта идеализация уходит корнями в эпоху Просвещения.

³⁵ Так, в Афинах к началу Пелопонесской войны (432 г. до н.э.) насчитывалось примерно 40 тыс. граждан при общем населении в 300 тыс. душ. В Спарте, в которой в конце V в. до н.э. проживало 250 тыс. человек, граждан было 5 тыс. (вместе с семьями — 15 тыс. человек). См.: Шаму Ф. Цивилизация Древней Греции / пер. с франц. Т. Баженовой. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ Москва, 2009. С. 238–239.

³⁶ Б. Капустин, например, касаясь темы античного гражданства, всякий раз оговаривается в том смысле, что здесь, конечно, «не все граждане».

существами в современном смысле этого слова. Будь то в «негативной» (свобода как свобода от ограничений) или в «позитивной» (свобода как свобода самореализации) интерпретации. Гражданин Афин, Спарты или Фив жил в жестко регламентированном мире. Поведенческие предписания, которым он подчинялся, были подкреплены религиозными санкциями. Словом, он не знал той свободы, которой его наделили ученые эпохи Просвещения³⁷.

Добавим сюда еще одну черту исторического (а не логически сконструированного) античного полиса. Его граждане не слишком рьяно относились к исполнению своих гражданских обязанностей. Случалось, что их приходилось загонять на агору силой или хитростью³⁸.

И последнее, что хотелось бы заметить в связи с ролью античного идеала гражданства в теории Б. Капуста. Согласно этой теории две ипостаси индивида — материально озабоченное частное лицо и политически озабоченный гражданин — с трудом совместимы³⁹. Их

³⁷ Первым автором, выступившим против приписывания гражданам греческого полиса современных представлений о свободе, был Б. Констан. См.: *Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей* // Полис. 1993. № 2. С. 97–106.

³⁸ «...несмотря на уловки, такие как *mistos ecclesiasticos*, жетон для получения вознаграждения за присутствие на заседании, который учредили в IV в., чтобы привлечь граждан к участию в собрании, возмещающая расходы за потраченное не на работу время, несмотря на вмешательство полицейской стражи (скифских стрелков), которая подгоняла прохожих в направлении Пникаса, и несмотря на то, что теоретически гражданин мог прекрасно заниматься управлением государством, оно тем не менее было отдано на усмотрение меньшинства праздных горожан, которых привлекали забота об общественной пользе, авторитет оратора или соблазн денежного вознаграждения», — отмечает Ф. Шаму. См.: *Шаму Ф. Цивилизация Древней Греции*. С. 251–252.

³⁹ Истоки этой интуиции вновь уходят в работы Х. Арендт. Согласно немецко-американской исследовательнице *социальное* (как сферу материальной заботы) следует строго отличать от *политического* (как сферы, в которой индивид проявляет себя как заинтересованный в делах гражданского сообщества).

совмещение есть главная задача «гражданского общества». Между тем в греческом полисе агора была местом не только для политических собраний, но и для вполне материальной меркантильной деятельности. В Фивах, например, правом быть избранным обладал лишь гражданин, торговавший на агоре не менее десяти лет⁴⁰.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СВЯЗЬ МЕЖДУ ГРАЖДАНСТВОМ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ НЕОБХОДИМОЙ?

Б. Капустин начинает свою работу с констатации того факта, что понятия «гражданство» и «гражданское общество» в теоретической литературе редко рассматриваются вместе. В этом он усматривает своего рода парадокс. Ведь гражданское общество есть, что ни говори, общество, состоящее из граждан⁴¹. Тем не менее львиная доля социологических, политологических и политико-философских работ, посвященных гражданству, вообще обходятся без понятия «гражданское общество».

На мой взгляд, усмотреть здесь нечто парадоксальное можно только при одном условии. А именно, если рассматривать гражданство и гражданское общество как *нормативные* понятия. Так это и происходит у Б. Капустина. Иначе и быть не может, поскольку перспектива, из которой Б. Капустин смотрит на вещи, —

⁴⁰ Шаму Ф. Цивилизация Древней Греции. С. 250.

⁴¹ Между прочим, аргумент в пользу связи между этими понятиями, опирающийся на их этимологию (*civitas* = гражданская община, *civitatus* = гражданин), бьет мимо цели. В английском и французском языках они являются разнокоренными: «citizen» («citoyen») и «citizenship» («citoyenneté») происходят от слова «город» (*city*, *cité*), а *civil society* — от слова «цивильный», цивилизованный. *Civil society* в том значении, которое вкладывали в это выражение в пору его возникновения (в последнюю треть XVIII в.), — это общество культивированных людей, джентльменов (и, возможно, сопровождавших их леди). Его визави не государство, а общество варваров, грубых пейзазов, невежественной «черни».

политическая философия (она же, согласно англо-американской традиции, и моральная философия, *moral philosophy*). Ее предмет — должное, а не сущее.

Смена перспективы с эмпирической и социологической на нормативно-философскую позволяет поднять обсуждение на более высокий уровень, за что читатели наверняка будут российскому автору благодарны. Но рассуждение с этой позиции имеет не только свои преимущества, но и издержки.

Согласно Б. Капустину гражданское общество никоим образом не следует мыслить статически, как совокупность институтов. Оно *случается* в том смысле выражения *to happen*, которое в него вкладывал Э. Томпсон в своей знаменитой книге о формировании английского рабочего класса⁴². Оно есть событие.

Событие гражданского общества, по мысли Б. Капустина, происходит там и тогда, где и когда индивиды перестают быть частными лицами («буржуа») и становятся гражданами в собственном смысле слова. То есть поднимаются над партикулярным интересом до осознания «всеобщего» и до действия в горизонте «всеобщего» (здесь автор прямо обращается к Гегелю.)

Энергия и задор, с какими Б. Капустин пишет о гражданском обществе, во многом напоминают энтузиазм, с каким в свое время писали о демократии. Закрадывается подозрение, что «гражданское общество» у российского автора — эвфемизм «демократии». Но коль скоро данный термин подвергся в последние два десятилетия инфляции, Б. Капустин не решается предпринять попытку вернуть его «подлинное» значение.

Наш автор отказывает в праве носить гордое имя «гражданского общества» любым формальным организациям (будь то НПО, политические партии или профсоюзы). Они не есть гражданское общество. Они бюрократизированы, иерархичны, зачастую авторитарны. В противовес им подлинное гражданское

⁴² См.: *Thompson E. P. The Making of the English Working Class.* N.Y.: Pantheon Books, 1963.

общество — это сфера чистой спонтанности, не контролируемой (ни государством, ни капиталом) активности и т.д. Главное обстоятельство, беспокоящее в этой связи Б. Капустина, — то, что так называемые «неправительственные организации» (НПО) не являются *независимыми* объединениями, ибо находятся в зависимости от спонсоров. Стало быть, они в действительности служат не общему благу, а неким корпоративным целям. Они ориентированы не на «всеобщее», а на «партикулярное», т.е. в конечном итоге — частное. И вправду, до всеобщего ли вам, когда надо думать о годовом отчете, о бюджете и о финансировании на ближайшие несколько лет?

Здесь сразу напрашиваются, по меньшей мере, два возражения. Первое — теоретическое, второе — нормативное.

Первое возражение касается чрезмерно вольного обращения автора с понятием «организация». В «теории организаций» (есть такое дисциплинарное ответвление в политологии) под понятие «организация» подпадают: а) политические и социальные движения; б) политические партии; в) группы давления. *Движения*, в отличие от партий, не имеют жесткой структуры, не формализованы, но они имеют тенденцию к формализации. То, что вчера было движением, завтра может стать партией. Но, как бы то ни было, движения (спонтанность, бескорыстие и независимость которых так привлекают Б. Капустина) — это тоже организации. Не случайно многие из них за довольно короткий период характерным образом полностью переродились. Приводимые Б. Капустиным примеры («Солидарность» в Польше, «Саюдис» в Литве и т.д.) говорят как раз об этом. *Группы давления*, в отличие от партий, не стремятся к власти, что не мешает им оказывать на нее влияние — либо в виде косвенного участия в процессе принятия политических решений, либо в виде финансирования тех или иных политических партий или НПО (деятельность которых, возможно, приведет

к смене повестки дня). Словом, ничего крамольного в том обстоятельстве, что партии представляют собой склонные к бюрократизации структуры, а НПО берут у кого-то деньги, нет.

Аргумент про деньги можно развить. Дело в том, что в современном обществе «чистые», т.е. не опосредованные деньгами, отношения сведены к минимуму. Таков способ его функционирования, нравится это кому-то или нет. Можно сколько угодно лелеять перед мысленным взором идеал некоей «нравственной разумности», свободной от меркантильных примесей (нравственно то, что бескорыстно, прямо по Канту), но он ни на йоту не приблизит нас к пониманию современной сферы публичности. А ее устройство таково, что она без денег просто не работает. Обмены, совершаемые в публичной сфере (экономические, политические, символические), опосредованы деньгами. Деньги нужны и на производство некоммерческого кино, и на функционирование коммунистических партий, и на популяризацию взглядов Общества сознания Кришны. Поэтому разоблачения финансовой подоплеки (изнанки?) деятельности НПО непродуктивны.

Более того, они контрпродуктивны, ибо льют воду на мельницу врагов гражданского общества. Если мы думаем, что в самом факте наличия денежной составляющей в работе, скажем, правозащитных или экологических организаций есть какой-то скандал, то разве тем самым мы не рассуждаем в унисон со штатными пропагандистами из официальных российских СМИ, для которых предать огласке бюджет этих организаций означает их дискредитировать?

Аргорос, несколько замечаний по поводу, во-первых, формы обращения НПО с денежными средствами и, во-вторых, того, как сказывается их связь с деньгами на характере влияния на (гражданское) общество.

Во-первых, бюджеты НПО в отличие от бюджетов коммерческих структур абсолютно прозрачны. О них есть подробнейшая информация на сайтах их спон-

соров. В оплате труда сотрудников НПО нет «серого нала». Их бухгалтерские отчеты с лупой изучают налоговые органы. И, между прочим, огромная доля грантов, получаемых российскими НПО из-за рубежа, идет в госбюджет в виде налогов.

Во-вторых, международные НПО-монстры (типа Green Peace или Human Rights Watch) с огромным бюджетом и мощной управленческой инфраструктурой, разумеется, далеки от идеала спонтанности и бескорыстия. Так же обстоит дело и с крупными, действующими в масштабах стран профсоюзами. Более того, их руководство определенным образом коррумпируется, в том числе через кооптацию в круг действующих политических элит. Однако следует заметить, что именно благодаря своим увесистым бюджетам, разветвленной системе администрирования (а иногда и неформальным связям с сильными мира сего) эти организации могут чего-то добиваться, т.е. быть политически эффективными. И наоборот, чем больше в деятельности НПО спонтанности и бескорыстия, тем менее они политически эффективны⁴³. Хотя их действия иногда бывают благодаря медийному освещению весьма эффективны.

Перехожу ко второму (нормативному) возражению. Мне кажется некорректным некое высокомерие автора по отношению к реально работающим — в тех же партиях, профсоюзах и НПО — людям. Автор избрал объектом своей иронии организации вроде сообществ пчеловодов и эзотериков. Они для него — яркая иллюстрация неспособности «некоммерческих организаций» представлять гражданское общество. Но в орбиту его внимания почему-то не попали экологические организации (скажем, защитников Химкинского леса) или независимые профсоюзы (не «шмаковские» полуофициальные, а те, что возникли и работают вопреки воле начальства). Спору нет, философ не обязан спускаться с высоты абстрактных понятий в низины

⁴³ Я не хочу тем самым утверждать, что здесь существует обратно пропорциональная зависимость.

плоской эмпирии. Но коль скоро он сопровождает свое рассуждение образами, взятыми из повседневности, хотелось бы, чтобы эта повседневность не выглядела столь выхолощенной. Можно было, например, вспомнить не о неких туманных «фермерах», а, скажем, о Союзе солдатских матерей, Обществе защиты прав автомобилистов, Московской Хельсинкской группе, «Гражданском содействии», «Форуме переселенческих организаций» (если ограничиться только российскими примерами). Уместен ли пренебрежительный жест по отношению к партиям, НПО и профсоюзам на том основании, что у них есть руководство, служебная субординация и бюджет? Возможно, что в правозащитном центре «Мемориал» работают не ангелы во плоти. Но разве то, чем занималась Наталья Эстимирова, не служило общему благу? Вполне вероятно, что среди защитников Химкинского леса не все движимы одинаково бескорыстными порывами. Но разве это преуменьшает достоинство (если не сказать подвиг) Михаила Бекетова? Не сомневаюсь, что к партии «Яблоко» у российских граждан масса претензий. Но разве от этого девальвируется вклад ее активистов в борьбу с коррупцией, в отстаивание свободы слова, в организацию протестных (гражданских) акций?

Обе группы высказанных выше возражений упираются, в конечном итоге, все в то же истолкование Б. Капустиным гражданского общества как понятия по преимуществу *нормативного*⁴⁴, т.е. морального. Гражданское общество у Б. Капустина — это территория чистой спонтанности, отрицающей всякую организованность, а значит, и всякую институционализацию. Там, где появляются институты, гражданское общество исчезает. Оно есть сфера нравственно чи-

⁴⁴ Сам автор, впрочем, оговаривается, что видит свою задачу не в замене «дескриптивного» подхода «прескриптивным» (нормативным), а в их «сопряжении». Не совсем понятно, кстати, куда при этом исчез третий возможный подход — аналитический.

стого (ибо бескорыстного) действия. Тем самым понятие «гражданское общество» бесконечно удаляется от рутины социальной жизни. Оно превращается в «улыбку Чеширского кота» (с которой автор, кстати, его сравнил в другом месте)⁴⁵. Иными словами, оно исчезает. И ухватить его мы сможем разве что благодаря искусству умелых политических философов.

Мне, однако, представляется, что феномен гражданского общества вполне может быть понят вне нормативного контекста. А именно как сфера *взаимодействия*, во-первых, институтов различного происхождения и различной направленности, а во-вторых, индивидов и групп, руководствующихся самыми разными (и отнюдь не всегда высокими) мотивами.

Такое понимание предлагает, например, Эрнест Геллнер.

Речь идет, конечно, о его труде *Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals*, вышедшем по-английски в 1994 г. и всего лишь год спустя на русском языке⁴⁶. Между прочим, странно, почему в богатейшей библиографии, сопровождающей труд Б. Капустина, для этой публикации не нашлось места. Более того, имя Э. Геллнера ни разу не упомянуто ни в основном тексте, ни в примечаниях, специально посвященных обзору литературы.

Гражданское общество, по Э. Геллнеру, есть не что иное, как обозначение особого *социального порядка*. Или, другими словами, особой *формы социальной организации*. Особенность ее заключается в двух вещах: в автономии политики от экономики и в отсутствии идеологической монополии.

Тем самым оно предстает уже не в качестве нормативного понятия (или не только в качестве нор-

⁴⁵ См.: Капустин Б. Что такое «гражданское общество»? // Гуманитарный контекст. 2009. № 1.

⁴⁶ Причем в очень хорошем переводе, что бывает нечасто. См.: Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его противники. М.: Ad marginem, 1995.

мативного понятия⁴⁷). Это — понятие, описывающее определенное устройство общественной жизни, причем достаточно прочное, чтобы не зависеть от способностей составляющих его индивидов. Граждане, из которых оно состоит, очень разные по своим качествам. Многие из них (а скорее всего, большинство) своекорыстны. Но даже если они не пройдут придирчивого теста на «гражданственность», им удастся поддерживать строй, именуемый *civil society*.

Почему это происходит? Прежде всего потому, что реальные (а не сконструированные в руссоистской лаборатории) люди в одно и то же время руководствуются разными мотивами. Они, в зависимости от обстоятельств, проявляют себя и как своекорыстные частные лица, и как озабоченные общим благом граждане. Например, вставая на пути бульдозеров, чтобы не дать начать очередную «точечную застройку», или организуя акцию «синее ведерко», протестуя против злоупотреблений спецсигналами на чиновничьих автомобилях. Тем самым они одновременно отстаивают и свой частный интерес, и «общее благо», не говоря уже о том, что само «общее благо» нагружается различным смыслом в разных контекстах.

СЛЕДУЕТ ЛИ ПЕРЕСМАТРИВАТЬ УСТОЯВШЕЕСЯ ПОНИМАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА?

Для автора этих строк отрицательный ответ на поставленный выше вопрос подразумевается сам собой. Согласно устоявшейся традиции словоупотребления гражданское общество понимается как промежуточ-

⁴⁷ «Гражданское общество» у Э. Геллнера — это и концепт (обозначающий некую реальность), и «идея», лозунг, т.е. нечто, нацеленное на мобилизацию людей; стало быть, нормативный аспект в этом понятии все же сохраняется.

ная сфера между государством и приватной жизнью индивидов (сферой семьи). Иногда в эту схему вводится рынок, или сфера коммерческих отношений, и тогда гражданское общество — это «третий сектор» наряду с государством и бизнесом. Но каковы бы ни были нюансы, конститутивным моментом гражданского общества выступает его автономия от административно-политической машины, именуемой государством. Гражданское общество — это «совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов»⁴⁸.

По Э. Геллнеру, гражданское общество возникает там, где есть институциональный и идеологический плюрализм. Это два основных условия возможности его развития. Первое — наличие множества конкурирующих друг с другом и взаимно уравнивающих (т.е. препятствующих монополизации власти) институтов. Второе — ни одна из систем взглядов не может претендовать на окончательную истину (на статус «единственно верного» учения).

Понимаемое в таком ключе гражданское общество существует независимо от слабостей отдельных индивидов или всей их массы. Если угодно, оно даже предполагает эти слабости.

Впрочем, читатели сами решат, удовлетворяет ли их такой подход или им больше по душе подход Б. Капустина. Позволю себе лишь заметить, что существо этого подхода не просто обнаружить. В тексте российского автора, как мне показалось, сосуществуют разные концепции гражданского общества.

С одной стороны, Б. Капустин постоянно подчеркивает, что гражданское общество возможно лишь там, где есть граждане. Граждане же, как мы помним, есть

⁴⁸ Геллнер Э. Условия свободы. С. 13.

там, где индивиды по капле выдавили из себя «буржуа» и научились работать для «всеобщего» (оно же «общее благо»). С другой стороны, в тексте Б. Капустина есть ряд пассажей, где он, отмежевываясь от «моралистических» трактовок гражданского общества, утверждает, что гражданских обществ может быть много. Сколько? Столько же, сколько существует трактовок «общего блага»? Тогда возникает вопрос, берет ли на себя автор бремя отделить агнцев от козлиц и установить критерий, по которому определенные его трактовки (например, человеконенавистнические — расистские, нацистские и т.д.) будут отброшены? Или такого критерия нет? Признаться, я не нашел в тексте Б. Капустина ясности по этому поводу. Единственное, что мне в этой связи удалось обнаружить (но что меня еще больше запутало), — это мнение российского философа (вернее, мнение Э. Гатмен, к которому Б. Капустин однозначно присоединяется), что «Ку-клус-клан» является «образцовой организацией гражданского общества», если в качестве критерия отнесения к нему принять «добровольность объединения, сетевой характер, наличие доверия между членами, приверженность общим, причем “постматериалистическим” ценностям».

С одной стороны, Б. Капустин не устает повторять, что гражданское общество есть там, где есть спонтанность, самоактивность, порыв, самоорганизованность. Там же, где есть институциализация, гражданскому обществу приходит конец. С другой стороны, автор периодически прибегает к тому («институционалистскому») пониманию этого феномена, от которого столь энергично отмежевывается. В частности, ссылаясь на исследование Шерри Берман об истории нацификации Германии в период Веймарской республики, он говорит о «гражданских обществах», которые «не только не препятствовали, но способствовали подъему и по-

Гражданство как объект социальной... теории беде нацизма». То есть он молчаливо отправляется от представления о гражданском обществе как совокупности институтов — некоммерческих организаций.

* * *

История понятия «гражданство» в нашей стране как-то не задалась. Это слово едва вошло в общественное употребление в эпоху реформ Александра II и начало набирать вес после Октябрьского манифеста 1905 г., как случилась катастрофа. При большевиках граждан вытеснили «товарищи». Единственной сферой, в которой словарь гражданства использовался, оказалась сфера уголовно-процессуальная («гражданин начальник», «граждане судьи») и бюрократически-административная («граждане, на выход!»).

Столь же незавидная участь ждала при коммунистах понятие «гражданское общество». Ситуация вокруг этого выражения в русскоязычном культурном ареале может быть описана как блистательное отсутствие⁴⁹. Разительный контраст с обилием литературы на английском (прекрасно отраженным в работе Б. Капустина). Энтузиазм, который сопровождал появление у нас понятия «гражданское общество» на рубеже 1980–1990-х гг., довольно быстро сменился скепсисом, если не сказать — апатией⁵⁰.

⁴⁹ Заостряя ту мысль, что прямой перевод выражения «civil society» на русский язык невозможен, петербургский социолог В. Волков предложил вернуться к его российскому аналогу — выражению «общественность». См.: Волков В. «Общественность»: забытая практика гражданского общества // Pro et contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 77–91.

⁵⁰ Профессиональный обзор российской рецепции этого концепта можно найти в статье молодого финского автора С. Салмениеми. См.: Салмениеми С. Теория гражданского общества и постсоциализм // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения. Сб. статей под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. С. 96–119.

И все же ни гражданство, ни гражданское общество не претерпели в постсоветской России такой масштабной девальвации, какую претерпел либерализм. Если дискуссии о русском будущем либеральной идеи сегодня выглядят как нечто почти фантастическое, то спокойное публичное и академическое обсуждение темы гражданства и гражданского общества вполне вероятны. Позволительно надеяться, что публикуемые ниже тексты сослужат добрую службу таким дискуссиям.

Б.Г. КАПУСТИН

ГРАЖДАНСТВО

И ГРАЖДАНСКОЕ

ОБЩЕСТВО

Введение

Тесную связь терминов «гражданство» и «гражданское общество» предполагает уже их этимология. Практически все европейские языки воспроизводят античное выведение «гражданина» — *civitatus* из «гражданской общины» — *civitas*. Да и как может быть иначе, если с точки зрения классики «гражданство есть продукт живых сил и самой общественно-политической атмосферы» той ассоциации людей, важнейшим определением которой оно является¹? То, что связь *civitatus* и *civitas* имеет субстанциальный, наполненный глубоким историко-политическим смыслом характер, показывает становление их аналогов в новоевропейских языках. Так, в английском языке лишь с XVI в. начинается оформление понятия *citizen* (гражданин) как производного от *city* (город), но отделенного от *denizen* (*deinsein* в староанглийском написании), обозначающего всего лишь «обитателя города». *Citizen* — в отличие от *denizen* — не просто живет в городе, но имеет определенные права, которыми его наделил город, обладает определенными способностями и умениями, воспитанными в нем городом и позволяющими эти права реализовывать, наконец, в установленных формах участвует в жизни города, тем самым осуществляя свои обязанности перед ним².

Действительно, гражданство выступает (используя термин Д. Хитера) сложным «кластером значений», в который входят, как минимум, определение легального и социального статуса, признаки политической идентичности, фокусировка культурной и политической

¹ См.: Matheson P.E. Citizenship // International Journal of Ethics. 1897. Vol. 8. No. 1. P. 26.

² Подробнее о значении и становлении понятия гражданина в английском языке и британской политической культуре см.: Turner B.S. Outline of a Theory of Citizenship // Sociology. 1990. Vol. 24. No. 2. P. 203 ff.

лояльности, требование исполнения обязательств (долга) и ожидание осуществления прав, а также мерило «правильного» или подходящего поведения в обществе³. Этот кластер — весьма подвижная конструкция. Разные эпохи и культуры меняли его конфигурацию, придавали различный удельный вес тем или иным его элементам, а также сообщали им весьма несхожие значения. Дать единственно правильное определение гражданства, похоже, нельзя в принципе. В логике политической и идеологической борьбы оно необходимым образом является «сущностно оспариваемым»⁴, и его содержание в решающей мере обуславливается историческими контекстами, в которых осуществляется гражданство. Однако тесная связь «гражданства» и «гражданского общества», предполагающая то, что они могут определяться только друг через друга, казалось бы, должна оставаться инвариантом, даже если ее конкретное содержание тоже исторически варибельно.

Однако при обзоре современной литературы по темам «гражданство» и «гражданское общество» мы обнаруживаем, что эти понятия можно обсуждать раздельно, как если бы необходимая связь между ними отсутствовала или была аналитически несущественна. В самом деле, имеются большие массивы литературы, включающие и фундаментальные труды, в которых «гражданское общество» рассматривается вне какой-либо понятийной связи с «гражданством» и наоборот⁵.

³ См.: Heater D. *Citizenship: The Civic Ideal in World History, Politics and Education*. L.: Longman, 1990. P. 163.

⁴ Somers M.R. *Rights, Rationality and Membership: Rethinking the Making and Meaning of Citizenship* // *Law and Social Inquiry*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 65; Gusteren van H. *Notes on a Theory of Citizenship* // *Democracy, Consensus and Social Contract* / P. Birnbaum, J. Lively, G. Parry (eds). L.: Sage, 1978.

⁵ В качестве примеров работ первого рода укажем: *Civil Society: Theory, History, Comparison* / J.A. Hall (ed.). Cambridge: Polity Press, 1995; *The Essential Civil Society Reader* / D. Eberly (ed.). Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2003; *Alternative Conceptions of Civil Society* / S. Chambers, W. Kymlicka (eds). Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002; *Changing Images of Civil Society* / B. Jobert et al. (eds). L.—N.Y.: Routledge, 2008

В обстоятельном обзоре современной литературы по теории гражданства У. Кимлика и У. Норман выделяют шесть основных ее разновидностей, и среди них лишь одна определяется фокусировкой на связь «гражданства» и «гражданского общества»⁶. То, что вроде бы должно было служить отправной точкой любой теории гражданства, оказалось уникальной чертой одной специфической ее версии!

Но при внимательном рассмотрении и этой единственной версии теории «гражданства», которая как-то увязывает его с «гражданским обществом», возникает вопрос: показана ли эта связь в качестве *необходимой*, т.е. такой, вне которой не существуют, а потому невозможны ни «гражданское общество», ни «гражданство»? Если отвлечься от собственно нормативных концепций, которые лишь постулируют эту связь в качестве *должного*, то придется признать, что показать ее в качестве *необходимой* в рамках рассматриваемой версии теории «гражданства» не удастся. Обобщая опыт анализа этой связи, Т. Яносски заключает: «В то время как гражданство и гражданское общество являются в полном смысле различными категориями — первая относится к правам и обязанностям, обеспеченным силой государства, а вторая сфокусирована на социальных группах, находящихся в состоянии взаимодей-

и др. В качестве примеров работ, в которых «гражданство» обсуждается вне понятийной связи с «гражданским обществом», сошлемся на следующие: *Smith R. Civic Ideals: Conflicting Visions of Citizenship in US History*. New Haven, CT: Yale University Press, 1997; *Citizenship, Democracy and Justice in the New Europe* / P.B. Lechning, A. Wearle (eds). L.—N.Y.: Routledge, 1997; *Race, Identity, and Citizenship: A Reader* / R.D. Torres et al. (eds). Malden, MA: Blackwell, 1999; *Schwarzman J. Citizenship and Identity*. L.—N.Y.: Routledge, 2003; *Isin E.F. Being Political: Genealogies of Citizenship*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002 и др.

⁶ *Kymlicka W., Norman W. Return of the Citizen: A Survey of Recent Work on Citizenship Theory // Theorizing Citizenship* / R. Beiner (ed.). N.Y.: State University of New York Press, 1995. P. 283–322.

ствия или противодействия друг другу, связь между ними *эмпирически* возможна». Но при этом важно понимать то, что «...теория гражданского общества не является теорией гражданства». Каждое из них имеет собственную объясняющую их теорию⁷.

Признавая в целом справедливость этих выводов, необходимо сделать два существенных уточнения. Первое: они верны в отношении теорий, *определенным образом* понимающих и «гражданство» (в качестве производного от государства), и «гражданское общество» (как социальной сферы, отличной от государства). Второе: при *иных* трактовках «гражданства» и «гражданского общества» указанные выводы о сугубо эмпирическом и «случайном» характере связи между ними могут оказаться недействительными. Такие трактовки этих категорий и, как их следствие, понимание связи между «гражданством» и «гражданским обществом» в качестве необходимой тоже имеют место в современной литературе, пусть на ее идеологической периферии⁸.

Сказанное выше определяет основные сюжеты и структурную организацию данной работы. В центре ее — вопрос о том, в чем суть тех отличий современно-

⁷ Janoski T. *Citizenship and Civil Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 17, 242 (note 23).

⁸ В качестве примера приведем такое рассуждение: «Если “гражданское” в “гражданском обществе” имеет какое-то политическое значение, то оно заключается в отборе тех ассоциаций, которые выдвигают требования гражданства. Спортивные клубы, научные общества, группы любителей музыки и другие бесчисленные коллективы, удовлетворяющие свой частный интерес, конечно, пользуются правами гражданства. Но сами по себе они не требуют его и не действуют ради осуществления этого требования» (*Hawthorn G. The Promise of ‘Civil Society’ in the South // Civil Society: History and Possibilities / S. Kaviraj, S. Khilnani (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 277*). Коли так, то «гражданским обществом» является только то, что борется за «гражданство» (первое определяется через второе), а «гражданином» — в отличие от всего лишь пользователя гражданством — является тот, кто участвует в такой борьбе как движению «гражданского общества» (вновь одно определяется через другое).

го гражданства от его классического античного варианта, которые позволяют рассматривать первое либо вне связи с гражданским обществом, либо, если такая связь фиксируется, трактовать ее как нечто «эмпирическое». Мы будем исходить из того, что теории, выражающие такие подходы, не являются ложными, если под «ложностью» понимать искаженное отражение реальности. Напротив, они интересны тем, что вполне адекватно описывают определенные условия и формы существования гражданства в современном, либеральном и капиталистическом мире, который принято называть «демократическим капитализмом», хотя, возможно, точнее было бы именовать его «капиталистической демократией». Критика этих теорий нацелена не на изобличение их «неверности», а на выявление границ их истинности, т.е. границ тех самых условий и форм существования гражданства в современном мире, за пределами которых оно восстанавливает свою необходимую связь с гражданским обществом, хотя такая связь, конечно же, не может быть повторением той, какая существовала в античности⁹. Первая часть моей работы рассматривает теории гражданства, берущие его вне какой-либо связи с гражданским обществом. Вторая часть сосредоточивается на теориях, которые фиксируют лишь «эмпирическую» связь этих категорий. В третьей части речь пойдет о концепциях, устанавливающих необходимую связь между гражданством и гражданским обществом и тем самым рас-

⁹ Эта формулировка уже указывает на то, что предложенный в этой работе подход противоположен тому, который обозначают как «гражданский республиканизм». Ведь для «гражданских республиканцев» античный идеал связи гражданина и полиса, согласно которому участие в делах политической ассоциации является «высшей формой совместной жизни людей», а ограниченность такого участия «ведет к радикальной неполноте и ущербности существования человека», полностью сохраняет свое значение для современного мира (см.: *Oldfield A. Citizenship and Community: Civic Republicanism and the Modern World. L.—N.Y.: Routledge, 1990. P. 6; Oldfield A. Citizenship: An Unnatural Practice? // Political Quarterly. 1990. Vol. 61. No. 2. P. 187).*

крывающих границы существования гражданства в рамках «капиталистической демократии» и условия перешагивания через эти границы. Наша центральная гипотеза заключается в том, что та или иная версия связи гражданства и гражданского общества, как и отсутствие оной, в конечном счете обуславливаются различиями в понимании диалектики «частного лица» («человека» — в терминологии XVIII в., или «буржуа» — по Г.В.Ф. Гегелю) и «гражданина» — или игнорированием этой диалектики.

1. Гражданство как статус

Общепризнанно, что отправной точкой современного дискурса о гражданстве стала серия работ Т.Х. Маршалла, первой и наиболее резонансной из которых стала его лекция, опубликованная в 1950 г. в качестве эссе, «Гражданство и социальный класс»¹⁰. С точки зрения стоящих перед нами задач наиболее значимыми моментами этого произведения Т.Х. Маршалла являются следующие.

1. Гражданство концептуально определяется как *статус*, которым индивиды наделены в качестве полноценных членов данного политического сообщества, предполагающий наличие у них некоторого набора *прав*, признанных в этом сообществе «нормальными»¹¹. Эти права реализуются посредством соответствующих институтов. Поэтому «*действительность* прав» — в отличие от бытия прав в качестве «*требований*» или «*идей*» — совпадает с их институционализацией. Соответственно формулой гражданства у Т.Х. Маршалла выступает «набор прав + социальные институты»¹².

¹⁰ См.: *Marshall T.H. Citizenship and Social Class // Class, Citizenship and Social Development, with an introduction by S.M. Lipset. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1964.* Хорошее представление об основных направлениях дискуссий, вызванных текстами Т.Х. Маршалла, дает сборник: *Citizenship Today: The Contemporary Relevance of T.H. Marshall / M. Bulmer, A. Rees (eds). L.—N.Y.: Routledge, 1996.* За прошедшие после выхода первых работ Т.Х. Маршалла столетия интенсивность полемики вокруг гражданства то нарастала, то снижалась. Причины резкой ее активизации с конца 80-х — начала 90-х годов XX в. — особый вопрос (см.: *Crouch C., Eder K., Tambiani D. Introduction // Citizenship, Markets, and the State / C. Crouch et al. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 1 ff.*). Мы кратко вернемся к нему в конце данной работы.

¹¹ См.: *Marshall T.H. Op. cit. P. 84.*

¹² См.: *Barbalet J.M. Citizenship. Rights, Struggle and Class Inequality. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. P. 6 ff.*

2. Права и их констелляции — сугубо исторические явления. В современном западном (либерально-демократическом, капиталистическом) обществе сложились три основных вида прав: гражданские, политические и социальные¹³. С точки зрения Т.Х. Маршалла они возникли в известной исторической последовательности. Но в этом не было predeterminedности («законами истории», «природой человека», «сущностью капитализма» или чем-то иным), как нет ее и в том, каким образом протекает взаимодействие этих видов прав в настоящее время, учитывая их разное и меняющееся политико-экономическое содержание и различие функций в воспроизводстве и эволюции общества¹⁴.

¹³ Эта классификация прав гражданства стала хрестоматийной, но у самого Т.Х. Маршалла она выглядит менее строгой и как бы незаконченной. Особо примечательно то, что наряду с указанными тремя видами прав он вводит еще одну их категорию — «индустриальные права». Они тракуются как *коллективные права объединений* (типа профсоюзов), которые создают в сфере экономической жизни аналог политического гражданства (см.: *Marshall T.H. Op. cit. P. 94*). Вписать «индустриальные права» в триаду гражданских-политических-социальных прав невозможно, но без них вся эта триада (вследствие историко-политического характера своего происхождения и ее современного *modus operandi*) выглядит по меньшей мере неустойчивой, «деконструируемой» и податливой *реакционному* свертыванию. Все это и продемонстрировало наступление на социальные права в период тэтчеровской и рейгановской «неоконсервативной революции», которая стала возможной вследствие снижения силы профсоюзов (как носителей «индустриальных прав») и, в свою очередь, привела к дальнейшему их упадку (см.: *Turner B.S. Outline of a Theory. P. 194–195; Offe C. Democracy Against the Welfare State? // Political Theory. 1987. Vol. 15. No. 3. P. 501–537*).

¹⁴ У самого Т.Х. Маршалла все права, в конечном счете, служат интеграции общества и сглаживанию его противоречий. Но его же реконструкция истории их становления как *истории борьбы* одних общественных сил против других, а также показ различного воздействия разных видов прав на классовую структуру общества подталкивают к мысли о том, что они имеют разный «классовый уклон», по-разному вписываются в разные стратегии господства и сопротивления ему (см.: *Giddens A. Class Division, Class Conflict and Citizen-*

3. Один из центральных тезисов Т.Х. Маршалла заключается в том, что (во всяком случае, с начала развития социальных прав) «гражданство и капиталистическая классовая система находятся в состоянии войны»¹⁵. Самое общее объяснение этой «войны» таково. Гражданство строится на принципе равенства (оно предполагает объединение индивидов в рамках данного общества в единый политический класс), тогда как капитализм с присущей ему классовой структурой необходимым образом порождает неравенство¹⁶. Главной задачей Т.Х. Маршалла и является выяснение того, каким образом и насколько глубоко гражданство модифицировало и в будущем сможет модифицировать капитализм. Главный же его вывод состоит в том, что посредством взаимной адаптации возможно сочетание и своего рода «примирение» противоположных принципов — гражданства и существования воспроизводимых капитализмом классов, социальной справедливости и экономической необходимости, рынка и обширной государственной регуляции общественной жизни и т.п.¹⁷

ship Rights // Giddens A. Profiles and Critiques in Social Theory. Berkeley, CA: University of California Press, 1982. P. 171–175). Речь не идет о том, что разные виды прав имеют разные имманентные классовые сущности, «буржуазные», «пролетарские» или иные, и поэтому находятся в неизменных отношениях друг с другом (скажем, гражданские права — в антагонизме с социальными правами). Эссенциализация прав столь же недопустима, как эссенциализация любых других исторических явлений. «Классовый уклон» прав определяется не их будто бы неизменными «сущностями», а способами их освоения в тех или иных политических стратегиях. Те же гражданские права, действительно, использовались буржуазией против рабочего класса, но их же использовали и угнетенные в борьбе с угнетателями (см.: Fraser N., Gordon L. Civil Citizenship Against Social Citizenship? // The Condition of Citizenship / B. Steenbergen (ed.). L.: Sage, 1994. P. 94 ff).

¹⁵ Marshall T.H. Op. cit. P. 84.

¹⁶ См.: Ibid. P. 84, 102–103.

¹⁷ См.: Ibid. P. 96–97, 110–111, 116–117, 119. «Примирение» этих противоположных принципов выглядит у Т.Х. Мар-

4. У Т.Х. Маршалла гражданство — это определенное отношение между *индивидами и государством*. Недостатком концепций его либеральных предшественников (например, А. Маршалла) он считал непонимание того, что «ответственность за наделение [индивидов] правами должна быть прямо и открыто возложена на плечи государства», что гражданство — это не образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека, а то, что приходит к нему *извне*¹⁸. Тема борьбы за гражданские права, как уже отмечалось (см. сноску 14), занимает видное место в рассуждениях Т.Х. Маршалла. Но такая борьба — лишь катализатор действий государства, которыми устанавливаются и развиваются режимы гражданства. В качестве собственно граждан индивиды выступают скорее реципиентами и носителями прав, чем их «субъектами». В результате гражданство у Т.Х. Маршалла приобретает коннотации пассивности, если не сказать — клиентелизма. Следует отметить, что они вызывают у него тревогу, но никаких внятных рецептов «активизации» пассивно-потребительского гражданства он не предлагает¹⁹. Заметим, что в повествовании Т.Х. Маршалла о гражданстве «гражданскому обществу» нет места:

Окончание сн. 17

шалла неокончательным, условным и даже с логической точки зрения непоследовательным. Но в пику тем, кто отождествляет совершенство общественного устройства с его *логичностью*, Маршалл иронически замечает: не логика управляет общественной жизнью, «человеческое общество может готовить съедобную пищу из мешанины парадоксов, не подвергая себя угрозе несварения, — во всяком случае, весьма долгое время» (Ibid. P. 121–122).

¹⁸ См.: *Marshall T.H.* Op. cit. P. 70.

¹⁹ На роль таковых вряд ли подходят упования Маршалла на то, что упадок энергии гражданских чувств, который он отчетливо фиксирует в современном обществе, может быть компенсирован ростом приверженности «локальным сообществам» (аллюзия к Токвилю) и активным участием в жизни трудовых коллективов — благодаря деятельности профсоюзов и в логике осуществления «индустриальных прав» (см. сноску 13). См.: Ibid. P. 119.

оно *излишне* в «статусной» концепции гражданства, которая определяет его как прямое отношение между индивидами и государством.

5. Хотя у Т.Х. Маршалла гражданство выступает формальным статусом, он рассматривает его включенным в исторические контексты и обусловленным ими. Это прежде всего означает, что свои реальные значения гражданство-как-статус обретает лишь в сочетании с действительными ресурсами, условиями и возможностями для его практикования. Так, «право собственности не есть право на владение собственностью; оно есть лишь право приобрести ее, если вы можете себе это позволить, и защитить ее, если вам удастся ее получить»²⁰. Говорить о *равном* праве собственности для богача и бедняка абсурдно с точки зрения реальной практики этого права, хотя одной из ее составляющих является именно идеализм презентации права собственности в качестве универсального²¹. Но точно так же можно показать неуниверсальность практик любого из гражданских прав — свободы слова, совести, собраний, равенства перед законом и т.д. Каждое из них предполагает обладание соответствующими ресурсами — интеллектуальными и/или материальными. Но их распределение между социальными группами никогда не бывает равномерным²². Как

²⁰ Marshall T.H. Op. cit. P. 89.

²¹ Презентация гражданских прав в качестве универсальных в эпоху становления капитализма непосредственно служила подрыву статуса тех, кто не мог выступить на рынке в качестве собственника (хотя бы своей рабочей силы). Она также использовалась для оправдания разрушения докапиталистических систем социального обеспечения слабых под предлогом наличия у них равного права испытать свое счастье в условиях «свободной конкуренции» (подробнее об этом см.: Fraser N., Gordon L. Op. cit. P. 94 ff; Somers M.R. Op. cit. P. 79–80, 95 ff).

²² Т.Х. Маршалл остроумно показывает, что при дефиците образования и соответствующих навыков логики, риторики, критического мышления и т.д. свобода слова утрачивает всякое реальное значение, во всяком случае — применитель-

отмечалось выше, формула гражданства у Т.Х. Маршалла — «набор прав + институты». Последние и есть те (минимально необходимые) ресурсы, которые государство обеспечивает для более-менее равного пользования соответствующими правами гражданами данного политического сообщества²³. Этим же определяется ключевое значение возникающих в XX в. *социальных* прав для стабилизации и эффективного осуществления *всего комплекса* прав: именно и только они обеспечивают доступ «всех» к «определенным стандартам цивилизации», включая, разумеется, гражданские и политические права²⁴.

В нашу задачу не входят обстоятельный обзор дебатов вокруг «статусной» концепции гражданства Т.Х. Маршалла и описание всех направлений ее трансформации. Более того, два из них, отождествляемых с «нормативным подходом» к гражданству, останутся за рамками нашего исследования. Речь идет о юридических и так называемых «моральных» концепциях гражданства. Первые представляют собой описания и трактовки соответствующих правовых положений, регулирующих вопросы гражданства на государствен-

Окончание см. 22

но к общественной жизни (см.: *Marshall T.H. Op. cit. P. 88*). Но ведь это справедливо, скажем, и для свободы совести. Зачем она, если мы неспособны критически мыслить в отношении «унаследованных верований»?

²³ По мысли Т.Х. Маршалла, суды есть институт, обеспечивающий гражданские права. Но судебная тяжба — очень дорогое удовольствие, вследствие чего вплоть до середины XIX в., если брать пример Англии, было нелепо говорить хоть о каком-то подобии «равенства перед законом». Учрежденные в то время так называемые «суды графств» (*County Courts*) в некоторой степени облегчили доступ к правосудию «простым людям», но лишь в XX в. начинают приниматься более серьезные меры (при всей их классовой ограниченности) по снятию с плеч малоимущих непосильного для них материального бремени реализации права на «равенство перед законом». Описание Т.Х. Маршаллом противоречий и тенденций осуществления этого права в Англии см.: *Marshall T.H. Op. cit. P. 90 ff.*

²⁴ *Ibid. P. 94–95.*

ном, региональном и международном уровнях. Вторые являются экспликацией требований «морального разума» применительно к политической жизни индивидов. Д. Ролз отчетливо формулирует основы такого подхода следующим образом: «политическая концепция личности», или концепция гражданина», является «*средством репрезентации* [схем мышления] индивида как участника исходной ситуации», которая и выступает у Д. Ролза «естественно-договорной» моделью развертывания «морального разума». Автономия свободных и равных граждан как глашатаев правовых требований, таким образом, просто *постулируется* вне какого-либо содержательного отношения к реальным историко-политическим контекстам. Однако только эти контексты определяют то, осуществляются ли данные требования в действительности и как это происходит. Они определяют и то, какими конкретными смыслами наполняются (или не наполняются) правовые требования в той или иной исторической ситуации²⁵. С точки зрения нашего исследования такие концепции неинтересны уже потому, что гражданство, идеалистически представленное ими всего лишь как *должное*, не нуждается в гражданском обществе в качестве условия и формы своей реализации. Поэтому такие морально-идеалистические концепции гражданства прекрасно обходятся без понятия гражданского общества²⁶.

²⁵ См.: Rawls J. Justice as Fairness in the Liberal Polity // The Citizenship Debates: A Reader / G. Shafir (ed.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. P. 63, 64–66.

²⁶ Впрочем, существуют такие «моральные» концепции гражданства, которые апеллируют к гражданскому обществу. Характерным их примером могут служить взгляды Д. Коэн. Она настаивает на том, что в современных условиях (глобализации) гражданство *должно быть* осмыслено как то, что относится к универсальной и абстрактной «юридической личности» *независимо* от ее участия в политической жизни какого-либо (всегда исторически конкретного, а потому имеющего определенные границы) демоса. Соответственно, гражданское общество предстает у Д. Коэн лишенной каких-либо политических границ и какого-либо осязаемого истори-

Гораздо интереснее разобраться в том, почему *теоретико-социологические* концепции гражданства как статуса игнорируют гражданское общество. Для понимания этого целесообразно посмотреть на то, какие именно из приведенных выше составляющих теории Т.Х. Маршалла заимствуются и развиваются этими концепциями, а какие, напротив, затушевываются или вовсе исчезают из поля их зрения.

Помимо принятия исходного определения гражданства как статуса, социологические теории этого рода наследуют у Т.Х. Маршалла способ рассмотрения гражданства как отношения между государством и индивидами. И для этого есть основания. Серьезные историко-социологические исследования неоспоримо демонстрируют связь процессов формирования и развития современного государства, с одной стороны, и современной идеи и практики гражданства — с другой. Гражданство, пишет Р. Брубейкер, «является изобретением Французской революции. Формальное определение границ тех, кто считаются гражданами, установление гражданского равенства, включающего

Окончание сн. 22

ческого содержания сферой дискурса о таком универсальном и абстрактном гражданстве. Единственным «определением» гражданского общества оказывается то, которое описывает его в качестве «поперечной сферы социальных отношений (a transversal domain of social relations)». Эту сферу «характеризуют постоянно меняющиеся и вновь устанавливаемые контакты, связи, соединения, сети, формации общественности, способные распространяться сквозь любые местоположения, регионы и границы» (*Cohen J. Changing Paradigms of Citizenship and the Exclusiveness of the Demos // International Sociology. 1999. Vol. 14. No. 3. P. 261. См. также: Ibid. P. 259–260*). Определить, как нас учили классики, еще способные к строгому логическому мышлению, значит *ограничить*. То, что нельзя ограничить, что способно распространяться «сквозь любые границы», не может быть теоретическим понятием. С ним нельзя работать. В этом беда коэновского определения гражданского общества, и проистекает она из того, что гражданское общество оказывается здесь всего лишь «тавтологическим расширением» того же гражданства как пустого требования «морального разума». От рассмотрения подобных способов сопряжения гражданства и гражданского общества мы имеем право воздержаться.

общие права и обязанности, институционализация политических прав, юридическая рационализация и идеологическая акцентировка различий между гражданами и иностранцами, артикуляция доктрины национального суверенитета и связи между гражданством и национальностью, замена *прямыми отношениями между гражданами и государством* опосредованных отношений, характерных для «старого режима», — все это впервые на уровне национальной жизни принесла Революция»²⁷. В том и дело, что современное государство в соответствии с логикой его централизации и «рационализации» является не просто организацией монополии на легальное насилие (аллюзия к М. Веберу), но и «членской организацией», т.е. организацией тех, кого оно конституирует в качестве своих граждан.

Действительно, только членство в организации, именуемой «государство», делает права реальностью. Не только в том очевидном смысле, что лишь такое членство соединяет права с той *принудительной силой* их соблюдения, без обеспеченности которой любые права в политическом отношении являются лишь пустым звуком. Не менее важно то, что членство в организации «государство» решает то, что можно назвать «квадратурой круга» гражданства, — создает определяющую его *конкретную абстрактность*.

В самом деле, современное гражданство создается посредством *абстрагирования* определения гражданина (как бы оно ни менялось исторически) от целого ряда партикулярных определенностей человека, обусловленных его принадлежностью к социальным группам, возникшим по признакам соседства, веро-

²⁷ *Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. P. 35.* Среди других крупных работ по теме «гражданство и современное государство» выделяются: *Bendix R. Nation-Building and Citizenship. N.Y.: John Wiley, 1964; Poggi G. The Development of the Modern State. L.: Hutchinson, 1978.*

исповедания, профессии, генеалогии и т.д. В наше время, имея в виду «типичные» условия, такое абстрагирование распространилось на признаки пола, цвет кожи, уровень дохода, и благодаря этому права, выраженные в гражданстве, оказываются «универсальными». Но именно членство в организации «государство» наполняет эту универсальность конкретным содержанием (идеология «прав человека» делает его «невидимым»). То же самое можно выразить и так: членство в государстве определяет то, *на что* распространяется абстрагирование, создающее современное гражданство, а на что — нет, так что это второе непосредственно в своей грубой материальности входит в как бы «самоочевидные» условия осмысления и практики гражданства. Так и создается конкретная абстрактность прав. Поясним это следующим рассуждением.

Существуют три основные сферы, в отношении которых каждый исторический режим гражданства должен решить, какие именно составляющие их элементы подлежат абстрагированию, а какие — нет. Обозначим эти сферы следующими вопросами: «кого именно считать “всеми” теми, кто обладает гражданством?»; «на какие области социальной жизни распространяются считаемые универсальными права?»; «каково именно предметное содержание таких прав?». Несомненно, для каждого вида прав (гражданских, политических, социальных) эти вопросы решаются специфическим образом. Возьмем гражданские права в качестве иллюстрации того, как работает процесс абстрагирования, и сосредоточимся на праве собственности. Ведь именно гражданские права считаются наиболее абстрактными и универсальными — так что это даже порождает у некоторых авторов иллюзию, будто они могут существовать вне какой-либо связи с членством в определенных политических организациях (включая суб- и надгосударственные) (см. сноску 26).

Обладание правом собственности предполагает признание за индивидом, по крайней мере, правовой

дееспособности, т.е. его соответствия принятым в данном обществе стандартам «полноценного человека». То, что современные гражданские кодексы признают право собственности даже за нерезидентами соответствующих стран, свидетельствует о распространении абстрагирования и на национально-гражданский признак определенности человека (хотя здесь всегда есть ограничения). Но не более того. Квалификации «полноценного человека», скажем, в психическом отношении, бесспорно, остаются. А можем ли мы (по крайней мере, после З. Фрейда и, тем более, «Истории безумия в классическую эпоху» М. Фуко) всерьез считать такие квалификации «объективными медицинскими критериями», а не специфическими для данной культуры стандартами, при помощи которых она насаждает одни типы личности и репрессирует другие? Именно таким образом элементы грубой материи данного общества, от которых абстрагирование *не* производится, входят не замеченными обыденным и либеральным теоретическим сознанием в само понимание абстрактного и универсального права собственности. Как и любое право, оно проводит границу между «нами», дееспособными обладателями гражданских прав, и «ими», которые такой *привилегией*, как право, не обладают (или обладают в усеченном виде). Так в данном случае мы получаем ответ на первый вопрос: «Кого считать “всеми”, кто обладает правами?»²⁸.

²⁸ Другим способом конкретизации абстракции права собственности являются законы, обычаи, а то и политические решения, относящиеся к *предметам* собственности (в диапазоне от антимонополистической регуляции до отказа иностранцам в приобретении некоторых объектов, доступных для присвоения гражданами данной страны). Но это мы рассмотрим в связи с третьим из поставленных выше вопросов — о предметном содержании права собственности. В случаях же политических и социальных прав границы «всех» тех, кто ими обладает, конечно, более очевидны и непосредственно зафиксированы в самих их юридических определениях. Они показывают, кого государство считает «политическими гражданами» или на каких условиях может

Определение областей социальной жизни, на которые распространяются (или не распространяются) абстрактные гражданские права, — другой ключевой момент их конкретизации. Не нужно доказывать, что, к примеру, свобода слова вряд ли совместима с армейской дисциплиной и уж совсем не может иметь места в деятельности секретных и дипломатических служб. Более того, безусловное ее практикование в этих областях, соответствующее понятию «неотчуждаемого права», как минимум, было бы свидетельством профнепригодности, а как максимум — равнозначно предательству родины.

В случае же нашего примера права собственности особо примечательна история его «миграций» из одних областей социальной жизни в другие. Скажем, по историческим меркам еще недавно оно активно практиковалось в административном управлении самых «цивилизованных» европейских стран: должности судей или сборщиков налогов легально продавались и покупались состоятельными людьми и приносили ренту, законность которой тем и удостоверялась, что они были отданы государством частным лицам «на откуп». Ныне подобное считалось бы возмутительным примером коррупции, и область административного управления, во всяком случае теоретически, перестала быть областью действия права собственности. Напротив, уступка владельцем крупной фирмы права собственности на нее другому лицу, ломающая жизнь сотен людей не в меньшей мере, чем рентные лихоимства прежних откупщиков административных должностей, считается совершенно законным делом. Законно же оно потому, что капитализм впервые в истории человечества создал особую сферу экономики. Ее специфика в том и заключается, что все оказывающееся в ее

Окончание см. 28

признать таковыми тех, кто ими в настоящее время не является, на какие именно группы населения и при соответствии каким требованиям распространяются те или иные социальные бенефиты и т.д.

пределах считается законным предметом частной собственности — даже то, что до ее создания таковым не было²⁹. Хотя вопрос о границах этой сферы, о том, как далеко и на что именно она распространяется, был и остается предметом острой политико-идеологической борьбы.

Аналогичным образом можно было бы рассмотреть «миграции» права собственности по другим областям социальной жизни и увеличивающиеся или уменьшающиеся степени овладения им этими областями. Скажем, в какой степени семейно-интимная жизнь охвачена правом собственности, выраженным посредством брачного контракта? Насколько переход от армии граждан к армии наемников, продающих свою рабочую силу по контракту, свидетельствует о распространении права собственности на военную область? Как оно подчиняет себе сферу научной и художественно-творческой деятельности, превращая их в бизнес-предприятия, и есть ли пределы такого подчинения, по ту сторону которых они перестанут быть наукой и творчеством? То, на какие области распространяются или не распространяются гражданские права, не предопределено их (будто бы) «имманентной природой». Это зависит от характера данного общества, от результатов происходящей в нем борьбы, на которые печать «окончателности» (до ее снятия новыми раундами борьбы) ставит именно власть государства.

Определение предметного содержания абстрактных гражданских прав — третий момент их конкре-

²⁹ Непревзойденный анализ истории и логики формирования особой сферы экономики, присущих ей механизмов коммодификации оказавшихся в ее рамках социальных предметов, а также общественных следствий ее возникновения и по сути неконтролируемого роста в XIX в. можно найти в работах К. Полани (см.: *Полани К. Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина М.: Логос. 1999. А также: Полани К. Великая трансформация / под ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетей, 2002).*

тизации. Так, решение вопроса о том, что может, а что не может быть предметом собственности, обуславливает основные параметры жизни данного общества. Мысль о том, что для существования частной собственности должно быть нечто, собственностью *не* являющееся, представляет собой своего рода общее место серьезной социальной философии. Обычно под таким «нечто» понимают правовые, политические, нравственные устои, создающие фундамент порядка как такового и даже саму возможность человеческого общежития. Й. Шумпетер как бы итожит мощную традицию теоретической мысли, восходящую (говоря о Новом времени) к Д. Локку, А. Фергюсону, Г.В.Ф. Гегелю, Э. Дюркгейму, когда пишет: «...ни одна социальная система не может функционировать, если она базируется исключительно на сети свободных контрактов между (законодательно) равными партнерами, в которой каждый руководствуется не чем иным, кроме собственных (краткосрочных) утилитарных целей.»³⁰

Вопрос в том, *чем* именно бывает это «нечто», которое не должно становиться предметом права собственности и воплощающей его «сети свободных контрактов» в *данном* обществе, чтобы оно могло существовать. Должна ли входить в это «нечто» личность человека (что равносильно запрету «классического» рабства)? За вычетом или без вычета той ее стороны, которая в отчужденном состоянии именуется «рабочая сила»? За вычетом или без вычета тела как атрибута личности (вторая опция предполагает запрет проституции)? Должна ли входить в это «нечто» земля? Или только сакральные места? Или только те ее участки, которые связаны с обеспечением так или иначе понятых «национальных интересов»? Или возможны иные квалификации, применяемые при определении земли в качестве предмета права собственности? Входит ли в это «нечто» правосудие целиком или за вычетом наемной

³⁰ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 527–528.

адвокатуры? Эти и множество других аналогичных вопросов показывают то, *как* исторически и политически каждое общество по-своему очерчивает предметное содержание абстрактных гражданских прав (в данном случае — права собственности) и тем самым конкретизирует их³¹. И вновь законную и принудительную силу такое очерчивание получает благодаря властным решениям государства.

Таким образом, у современных социологов есть веские основания принять методологическую установку Т.Х. Маршалла рассматривать гражданство как статус в логике *прямых* отношений между государством и индивидами. Более того, эта установка получила у них существенное развитие. В самом деле, если у Т.Х. Маршалла государство выступает распределителем, блю-

³¹ Причем есть такие предметы, в отношении которых подобная конкретизация гражданских прав предполагает сохранение неопределенности, точнее, двусмысленности или того, что П. Бурдьё называл «двойственностью истины». Возьмем, к примеру, такой предмет, как мой голос в качестве избирателя. С одной стороны, право собственности *не* должно распространяться на него: я не имею права продавать его за мзду, которую мне может предложить беспринципный кандидат на выборах. Такая продажа голосов полностью делегитимировала бы избирательную демократию и лишила ее малейшего смысла, а потому торговля голосами на выборах обычно преследуется в уголовном порядке. С другой стороны, «нормальные» современные выборы и есть бартерный обмен между избирателями и политиками: первые отдают голоса вторым в обмен на посулы определенных благ, в большинстве случаев — откровенно материального характера (снизить налоги, построить в данной округе мост, увеличить пошлины на импортируемые мясoproductы, угрожающие благополучию местных фермеров, и т.п.). Можно сказать, что все функционирование современной демократии строится на систематическом *незамечании* того, что в плане нравственности и политической рациональности никакого принципиального различия между таким бартером и продажей голоса за бутылку водки нет (во втором случае, правда, меньше риск быть обманутым). Это я и назвал конкретизацией гражданских прав (в данном случае — права собственности на мой голос), но также и политических прав (права избирать) в виде *ритуальной двусмысленности*.

стителем и исполнителем прав, ассоциируемых с гражданством (последнее относится, прежде всего, к социальным правам), то уже сказанное выше показывает, что оно является и их создателем. Создание прав — это и есть работа государства по их формированию в качестве конкретных абстракций посредством решения трех великих вопросов: «кто?» (обладает правами), «где?» (в каких областях общественной жизни и в какой мере они практикуются) и «что?» (может или не может становиться их предметами).

Развитие маршалловского понимания «статусного» гражданства в качестве практики (согласно формуле «набор прав + институты») осуществлялось по нескольким взаимосвязанным направлениям. Если отказаться от гипостезирования государства как «субъекта» или «актора», то его деятельность по созданию, преобразованию, обеспечению и т.д. прав гражданства предстанет осуществлением *стратегий определенных политических сил*, оказывавшихся способными (на том или ином этапе истории) контролировать государство или, во всяком случае, влиять на то, как оно используется. В этой логике М. Манн и показывает, каким образом гражданство в его конкретных исторических проявлениях оказывалось продуктом стратегий правящих классов в конкретных условиях капиталистической модернизации обществ разного типа, их реакций на военно-политические вызовы извне, их попыток способствовать адаптации местных культурных и политических традиций к драматически меняющимся обстоятельствам и т.д. Своеобразие сочетаний всех этих факторов приводит к образованию пяти основных моделей и исторических траекторий развития гражданства, лишь одной среди которых выступает либеральный (англо-американский) режим гражданства, хотя и он обнаруживает важные различия на уровне его подвидов³².

³² Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // Sociology. 1987. Vol. 21. No. 3. P. 339–354.

У нас нет возможности обстоятельно рассматривать дебаты, вызванные этими тезисами М. Манна. Отметим лишь, что в центре их оказался вопрос о том, насколько «автономны» правящие классы в определении режимов гражданства или, что то же самое, насколько существенна роль в этом сопротивлений (или революционных выступлений) со стороны низших классов. Наиболее убедительным решением данного вопроса представляется то, которое высказал Г. Терборн (хотя и вне контекста данной дискуссии рассуждая о формировании демократии, а не специфических режимов гражданства): «...Движение рабочего класса нигде не смогло за счет своих собственных ресурсов установить демократию — это уже много говорит о силе буржуазной власти... Такие попытки всегда заканчивались поражением. Только в соединении с внешними союзниками неимущие классы добивались демократических прав, но именно имущие меньшинства, в конце концов, решали критически важные вопросы о том, когда и в какой форме вводить демократию. Таким образом, процесс демократизации разворачивался в рамках капиталистического государства, отливаясь в формы буржуазной демократии...». «Хотя буржуазная демократия есть демократическое правление плюс господство капитала, ее демократический компонент завоевывался и защищался против буржуазии»³³.

Учитывая это, можно сказать, что любой режим гражданства с присущей ему *конкретизацией* прав неизбежно оказывается двуликим, а сами права — орудиями «двойного назначения». С одной стороны, они *есть* завоевания освободительной борьбы и (хотя бы потенциально) средства и ресурсы защиты достигнутой меры свободы. Но, с другой стороны, в качестве продуктов стратегии господствующих классов (пусть и фиксирующих исторические компромиссы с низшими классами) права гражданства служат инструмента-

³³ Therborn G. The Rule of Capital and the Rise of Democracy // New Left Review. 1977. No. 103. P. 34, 35.

ми контроля над членами общества и надзора за ними. Эти права не только обозначают границы дозволенного, но и обуславливают восприятие их в качестве «естественных» и даже принадлежащих к самоопределению свободы как таковой. В этом качестве права служат установлению «добровольных» форм кооперации индивидов с администрацией как блюстителем прав (при сокрытии ее роли как их создателя). Это, в свою очередь, является ключевым условием роста ее эффективности и «рациональности», ее функционирования в качестве «современной» администрации³⁴.

Рассмотрение диалектики господства и освобождения в практиках гражданства и составляющих его прав выводит далеко за рамки понимания гражданства как *статуса*. В том-то и дело, что «статусная» концепция гражданства «останавливает» эту диалектику, берет ее исторические результаты как данность, как окончательную истину прав. Она выдает достигнутую меру свободы за свободу как таковую, вследствие чего личные права гражданства отождествляются со свободой вообще, а их контрольно-надзорная функция исчезает из поля зрения. «Невидимыми» становятся и те *конкретизации* абстракций гражданских прав, которые осуществляет власть в каждом данном обществе, служащие тому, что права, будучи формой и средством «выравнивания» индивидов в одном ракурсе и наделяния их дееспособностью в отношении одних предметов, создают новые субординации в другом отношении и делают другие предметы неподконтрольными им. Так, «капиталистический трудовой договор

³⁴ Подробнее об этом см.: Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 1. Berkeley, CA: University of California Press, 1981. P. 169 ff; Giddens A. The Nation-State and Violence. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. P. 201 ff, 210, 219. Критику взглядов Э. Гидденса по этим вопросам см.: Held D. Citizenship and Autonomy // Social Theory and Modern Society: Anthony Giddens and His Critics / D. Held, J.B. Thompson (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 170–175.

[являющийся еще одним воплощением универсального права собственности], — пишет Э. Гидденс, — исключает рабочего из формального права контроля над рабочим местом [которым пользовались даже крепостные крестьяне]. Такое исключение отнюдь не случайно для капиталистического государства. Оно жизненно необходимо ему, ибо сфера промышленности характерным образом объявляется находящейся «вне политики»³⁵.

В этой логике нынешние «статусные» концепции гражданства приглушают, а то и вовсе устраняют ту тему, которая была центральной для Т.Х. Маршалла, — «гражданство и капитализм», в чем и заключается, вероятно, их главное отступление от его теории. Иными словами, в них исчезает фокусировка на вопросе о том, каким образом и в чем именно гражданство модифицирует капитализм (хотя возможно и перевертывание этого вопроса — каким образом и в чем именно капитализм подминает под себя гражданство и делает его своим инструментом?)³⁶. В той мере, в какой в теме «гражданство» вообще остается проблематика освобождения, она сводится преимущественно к вопросам о расширении существующих прав на те категории лиц, которые были их дотоле лишены (в этом ключе разрабатываются популярные ныне сюжеты о правах всевозможных меньшинств). Или же речь может идти о создании новых видов прав («культурного» и

³⁵ Giddens A. The Nation-State and Violence. P. 207.

³⁶ Хотя трудно не согласиться с теми, кто подчеркивает, что и у Т.Х. Маршалла такая фокусировка оказывается размытой, вернее, смещенной с *противоречия* между гражданством и капитализмом на сам капитализм, на условия его *стабилизации*. Действительно, в концепции Т.Х. Маршалла гражданство, способствуя некоторому смягчению форм классового неравенства при капитализме, в конечном счете служит тому, чтобы легитимировать их и сделать приемлемыми для низших классов. Подробнее см.: Hindess B. Citizenship in the Modern West // Citizenship and Social Theory / B.S. Turner (ed.). L.: Sage, 1993. P. 22–23, 25.

«экологического гражданства», репродуктивных прав женщин и т.д.), но они обычно не ставятся в связь с логикой и механизмами функционирования капитализма³⁷.

Конечно, и расширение сфер действия существующих прав, и создание новых прав (окажись такое возможным) может рассматриваться в качестве важных демократических достижений. Но ясно и то, что все это само по себе не может изменить те специфически капиталистические и административные конкретизации прав гражданства, которые обуславливают наличие у них второй, антидемократической стороны. Это — та сторона, на которой осуществляются функции контроля и надзора, производства и легитимации соответствующих форм субординации и исключения. Исследование нравственно-политического дуализма прав гражданства и его значения для перспектив демократизации и освобождения требует преодоления концепции гражданства-как-статуса и рассмотрения гражданства как *практики*. Речь идет о практике, в которую гражданство-как-статус включено в качестве ресурса и орудия, так или иначе используемого участниками борьбы, и в качестве «исходной позиции», которую они занимают перед началом каждого очередного ее тура. Такие концепции гражданства-как-практики мы рассмотрим в третьей части данной работы.

³⁷ См.: *Steenbergen B. The Condition of Citizenship: An Introduction // The Condition of Citizenship / B. Steenbergen (ed.). L.: Sage, 1994. P. 8; Held D. Citizenship and Autonomy. P. 163 и др.*

При этом нужно подчеркнуть, что с более ортодоксальной либеральной точки зрения историческое творение видов прав уже завершено: в будущем возможна только их более полная институционализация, но не возникновение новых видов прав. Это — еще один вариант «конца истории», на сей раз как истории гражданства. Т. Парсонс дает систематическое и классическое представление этой точки зрения на гражданство (см.: *Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 111 и далее*).

Стоит отметить то, что теория Т.Х. Маршалла обнаруживает некоторое движение в сторону понимания гражданства как практики. Однако его формула «права + институты» — не очень подходящее для такого движения средство. Она годится скорее для описания того, что *есть* результат (причем без вскрытия коренящихся в таком «есть» противоречий), чем его динамики, позволяющий увидеть «есть» как *процесс*. В нынешних «статусных» концепциях гражданства этот недостаток теории Т.Х. Маршалла оказывается чуть ли не принципиальной методологической установкой. У. Кимлика и У. Норман даже усматривают одну из главных *опасностей*, грозящих теории гражданства, в том, что некоторые авторы *смешивают* два различных способа его концептуализации. Первый из них — тот, в котором гражданство предстает «легальным статусом», во втором же оно выступает в качестве «желательного типа деятельности»³⁸. Термин «желательная деятельность» намекает скорее на нормативно «правильное», в соответствии с идеалом гражданина, поведение индивидов, чем на реальную борьбу массовых политических сил. Но само разведение «статуса» и «деятельности» на уровне методологической установки свидетельствует о том, насколько надежно «статусным» концепциям гражданства удалось остановить скромное продвижение Т.Х. Маршалла к пониманию его как практики.

Если «статус» и «деятельность» столь решительно разводятся, то *что* в гражданстве-как-статусе остается от свободы? Защищенность от неправомочных дей-

³⁸ *Kymlicka W., Norman W. Return of the Citizen... P. 284.*

Это примерно соответствует тому, как Дж. Коэн предлагала «распаковать» целостную концепцию гражданства, выделяя из нее и отделяя друг от друга «гражданство как правовой статус юридической личности», с одной стороны, и «гражданство как политический принцип демократии» и «гражданство как форму членства» в некотором ограниченном и «эксклюзивном» сообществе — с другой (см.: *Cohen J. Changing Paradigms of Citizenship... P. 248 ff.*)

ствий других (гражданские права)? Пользование определенными привилегиями (будь то участие в выборах или получение тех или иных социальных бенефитов)? Да, конечно. Но ведь защищает от таких действий государство, причем в тех рамках и формах, которые само устанавливает, и привилегиями наделяет и обеспечивает их осуществление опять же оно. Со всех этих точек зрения гражданство-как-статус выражает *клиентельную зависимость* от государства и никоим образом не связано со свободой как *самостоятельностью*. Обычно «клиентелизацию гражданства» (Ю. Хабермас) рассматривают в связи с социальными правами. Это стало почти общим местом не только правых, но и левоцентристских инвектив в адрес welfare state³⁹. Но разве с точки зрения их происхождения и реальной практики гражданские и политические права чем-то в этом отношении отличаются от социальных? Разве в отношении их недействителен отмеченный еще Х. Арендт парадокс «прав человека» — они защищают *от* государства, при том, что такая защита возможна *лишь в рамках самого государства* и благодаря ему⁴⁰? Разве возможно применительно к гражданству-как-статусу поставить вопрос, который одним из очень немногих отваживается поднять Д. Драйзек: мыслимо ли демократическое гражданство как направленное *против* государства и существующее *отдельно* от него⁴¹? Если, скажем, государство, все более подчиняясь диктату капитала, разрушает социальные права и

³⁹ См.: Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: АО «КАМИ», ACADEMIA, 1995. С. 224–225; King. D. The New Right: Politics, Markets, and Citizenship. L.: Macmillan, 1987. P. 45–46.

⁴⁰ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 389–397.

⁴¹ См.: Dryzek J.S. Democracy in Capitalist Times: Ideals, Limits, and Struggles. N.Y.: Oxford University Press, 1996. P. 36.

профанирует политические (политическое волеизъявление народа становится лишь декорацией капиталистической «экономической целесообразности», детерминирующей реальное «принятие решений»). Но ведь именно способность демократического гражданства выступить против действующего таким образом государства служит лакмусовой бумажкой того, насколько оно в действительности является свободным. Речь идет о свободе от односторонней зависимости от благорасположения государства и его прямо-таки неземной верности высшим моральным принципам, заставляющей его защищать граждан от самого себя и бескорыстно радеть о страждущих.

В раннем либерализме, например у Д. Локка, такой лакмусовой бумажкой (и в то же время высшей и окончательной гарантией осуществления всех иных прав) было право на сопротивление, в том числе и вооруженное, народа суверену, нарушившему «общественный договор». Можно ли найти способный к таким действиям схожий с локковским «народом» коллективный субъект в наших условиях? Несомненно одно: «статусные» граждане как клиентура государства на такую роль решительно не годятся. Соответственно нам нужно признать радикальное преобразование характера связи между гражданством и свободой в современных условиях по сравнению не только с классическими античными, но и с теми, в которых зародился современный мир и вообще может «твориться история». Сейчас гражданство (как статус) — лишь *средство* быть свободным, в иных условиях оно — сам *способ* быть свободным⁴². Разница воистину огромна!

Но где и как реализуется та свобода, для которой гражданство — средство? Есть ли у нее какой-то смысл помимо удовлетворения эгоистических устремлений индивидов, наделенных такой свободой? Служит ли

⁴² Подробнее об этом см.: Pocock J.G.A. The Ideal of Citizenship since Classical Times // The Citizenship Debates: A Reader... P. 34.

она хотя бы поддержанию в надлежащем состоянии того средства, которое сделало ее возможной, — «статусного» гражданства? Ответы на эти вопросы и стремятся дать те либеральные и «окололиберальные» концепции гражданства, которые связывают его с гражданским обществом.

II. Гражданское общество и «цивильное» гражданство

В данном разделе речь пойдет о тех концепциях гражданского общества, которые ведут свою родословную от А. Токвиля. В современной литературе существуют и другие семейства концепций гражданского общества (о некоторых из них, уходящих корнями в философию Г.В.Ф. Гегеля, мы будем говорить в третьей части данной книги). Но именно токвилевская ветвь является не просто доминирующей ныне в либеральной и «окололиберальной» литературе о гражданском обществе — она определяет тот способ рассмотрения гражданства и то понимание его связи с гражданским обществом, которые являются предметом нашего внимания в этом разделе.

Той инновацией А. Токвиля, которая сыграла ключевую роль в формировании современных концепций, апеллирующих к его идеям, стало аналитическое различие политического и гражданского общества (хотя сам А. Токвиль практически не пользуется данным термином). Политическое общество мыслилось как образованное отношениями между государственными органами управления и гражданами, тогда как гражданское общество — отношениями между самими гражданами⁴³. В рамках последнего и возникают все те «вторичные ассоциации», которым А. Токвиль приписывал решающую роль в поддержании добродетелей гражданской нравственности. Они же должны были служить бастионами сопротивления таким опасным,

⁴³ Глубокий анализ этой инновации А. Токвиля и ее значения для развития социологии см.: *Schleifer J.T. The Making of Tocqueville's Democracy in America. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1980. P. 7 ff; Bryant C.G.A. Civil Society and Pluralism: A Conceptual Analysis // Sisyphus. 1992. No. 1 (VIII). P. 109–111.*

с его точки зрения, тенденциям, как рост государственного централизма, возобладание индивидуалистических и утилитаристских ориентаций в культуре современного человека, его замыкание в сфере частной жизни в ущерб общественным делам и т.д.

Эта инновация А. Токвиля привела, как минимум, к трем последствиям, имеющим важнейшее значение для нашей темы.

Первое: гражданское общество изображалось как сфера горизонтальных отношений (в принципе, равных граждан), противопоставленных вертикальным отношениям, характерным для политического общества.

Второе: гражданское общество отделялось от власти как атрибута политического общества. На долю первого оставалось, конечно, «влияние» на деятельность государства посредством прежде всего культивирования «общественного духа» и гражданского воспитания людей. Но такое воспитание уже имело мало общего с классическим гражданским воспитанием, суть которого и состояла в том, чтобы воспитывать тех, кто *правит* — согласно демократической формуле «править и быть управляемым» (поочередно и с соблюдением условия «уметь править *свободными* и подчиняться в качестве *свободного* человека»).

Третье: именно гражданское, а не политическое общество оказывается обителью свободы. Здесь важно не только разведение и даже противопоставление свободы и власти, немислимое в классической традиции. Чем еще для нее могла быть свобода, как не самовластием (автономией) свободных, которое, конечно, всегда и необходимым образом предполагало их власть над другими, несвободными⁴⁴? Именно вследствие такого разведения свободы и власти гражданское общество оказалось одновременно высшей целью общественной

⁴⁴ Необходимость связи свободы-как-самовластия с властью над несвободными другими, конечно, является огромной политико-философской и этической проблемой. Мы вернемся к ней позднее в аспекте ее значения для теории гражданства.

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

жизни и самоцелью для самого себя — ведь свобода признавалась высшей ценностью человеческой жизни. И в то же время *безвластное* гражданское общество оказывалось унижительно зависимым от государства и обреченным отбиваться от его централизаторских поползновений. Да и как оно могло это делать, не обладая властными ресурсами, хоть отдаленно сопоставимыми с теми, какие были в распоряжении у его визави?

Операционализацией этих положений применительно к теории гражданства стала ее разработка Т. Парсонсом⁴⁵.

Во-первых, хотя гражданство, несомненно, является определением права и, более конкретно, — ответвлением конституционализма, в качестве условий равного участия оно практикуется в рамках того, что Т. Парсонс именует «социетальным сообществом» (*societal community*), а не в государстве⁴⁶.

⁴⁵ Этим мы вовсе не хотим сказать, что Т. Парсонс создавал теорию гражданства, непосредственно «опираясь» на А. Токвиля или «применяя» его взгляды к предмету своего исследования. Нет, А. Токвиль входит в рассуждения Т. Парсонса теми *общими местами* либерального мышления, которые в свое время были (отчасти) инновациями первого и которые для второго стали организующими мысль стереотипами. Почти то же самое можно сказать о том, каким образом сам Т. Парсонс входит в позднейшее либеральное теоретизирование гражданства и гражданского общества, разве что в этом случае рецепция классического источника имеет более очевидный и отрефлексированный характер (см.: Козн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. С. 187 и далее).

⁴⁶ См.: *Parsons T. Full Citizenship for a Negro American? // Parsons T. Politics and Social Structure. N.Y.: Free Press, 1969. P. 253.* При этом следует уточнить, что для Т. Парсонса законы — это уже не инструменты государственной политики, а особая плоскость, на которой осуществляется взаимодействие между государством и «социетальным сообществом», а также — момент опосредования этого взаимодействия. Законы, таким образом, утрачивают политический характер, тоже разводятся с властью и как бы возвышаются и над государством, и над гражданским обществом. Вследствие этого они уже не могут быть поняты как моменты и способы той *конкретизации* прав, о которой шла речь в предыдущем разделе данной книги.

Во-вторых, «социетальное сообщество» как сфера практики субъективных прав *граждан в качестве частных лиц* получает нормативный и функциональный приоритет над государством. Нормативный приоритет «сообщества» вытекает из того, что оно оказывается сферой свободы вследствие отождествления субъективных, «негативных» гражданских прав со «свободами», тогда как функциональный приоритет обусловлен тем, что эти права обеспечивают стабилизацию структурной дифференциации между государством и «социетальным сообществом»⁴⁷.

В-третьих, это «сообщество», не обладая никакой властью, воздействует на «политию» (которой принадлежит государство) исключительно посредством «влияния». Однако именно в понимании «влияния» современные либеральные теории гражданского общества отходят от Т. Парсонса. Дело в том, что у последнего «влияние» — наряду с деньгами, властью и «приверженностью ценностям» и в логике их *взаимной конвертируемости* — является одним из четырех символических генерализированных средств, опосредующих взаимодействия между четырьмя «подсистемами» общества (в число которых входят «полития» и «социетальное сообщество»). Получается, что все эти четыре «генерализированных средства» *аналогичны* в том, как они производят и кодифицируют действия «акторов» и их адаптацию к взаимосвязям, возникшим *независимо от их сознания*. С точки зрения современных либеральных теоретиков, такая аналогия

⁴⁷ См.: *Parsons T. The System of Modern Societies...* P. 21. Примечательно, что политические права, реализуемые в основном в сфере государства, Т. Парсонс характеризует как «позитивные права равного участия», а не «свободы». Социальные права Т. Парсонс вообще отказывается считать «правами» (признавая большое значение того, что обозначается этим понятием, для жизни современных обществ) — их обладатель есть *клиент welfare state*, а не гражданин (см.: *Parsons T. Polity and Society: Some General Considerations // Parsons T. Politics and Social Structure...* P. 507).

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

между деньгами и властью, с одной стороны, «влиянием» и «приверженностью ценностям», — с другой, девальвирует уникальное моральное значение гражданского общества (у Т. Парсонса — «социетального сообщества»). Такая аналогия редуцирует (якобы) характеризующие гражданское общество «нравственно-рациональные» и «ненасильственные» коммуникации к тем «инструментальным» («асимметричным», «целерациональным» и т.п.) отношениям, которые присущи сферам политики и экономики⁴⁸. Нравственно рафинированные представления о гражданском обществе и делают его сферой практики гражданства как сугубо нравственного явления. В качестве такового гражданство полностью свободно от той второй его стороны, которую мы в предыдущем разделе назвали «антидемократической». Представления о влиянии гражданского общества на «политику» также нравственно рафинируются. Оно оказывается уже исключительно «духовно-интеллектуальным» и не «испачканным» ролью в нем денег и (негосударственной) власти⁴⁹.

В-четвертых, Т. Парсонс отрицает функциональную необходимость и даже практическую возможность

⁴⁸ Такую критику концепции «влияния» Т. Парсонса см.: Козн Дж., Арато Э. Указ. соч. С. 192 и далее. Отметим, однако, что Т. Парсонс и сам пытался показать различия между деньгами и властью, с одной стороны, и «влиянием» и «приверженностью ценностям» — с другой. Эти различия состоят в том, что первые принуждают посредством изменения *ситуаций*, в которых находятся объекты воздействия, вторые же — за счет изменения их *намерений* (см.: *Parsons T. On the Concept of Influence // Parsons T. Politics and Social Structure...* P. 410). Конечно, в свете феноменологических теорий насилия само такое разделение «ситуаций» и «намерений» выглядит наивным. Шаткость парсонсовской концепции «влияния» усугубляется тем, что первостепенными средствами «влияния» в ней выступают «prestиж» и «репутация» («влиятельных лиц»), а отнюдь не «сила лучшего довода», как у Ю. Хабермаса и его сторонников. При этом остается совершенно неясным, *чем* «prestиж» и «репутация» в качестве средств подчинения воли объектов воздействия и изменения их намерений «лучше» власти и денег.

⁴⁹ См.: Козн Дж., Арато Э. Указ. соч. С. 194.

распространения прав гражданства на сферу экономики. Этим он не только отвергает то, что получило название «демократического участия в экономической жизни»⁵⁰, но и предвещает позднейшее игнорирование маршалловского вопроса о том, каким образом развитие гражданства модифицирует капитализм. «Социетальное сообщество» взаимодействует с экономикой, как и с «политией», в логике благотворного взаимодополнения, но без вмешательства во «внутренние дела» друг друга⁵¹. Напряжение в отношениях между гражданством и капитализмом, которое задавало динамику и обуславливало драматизм и увлекательность нарратива Т.Х. Маршалла, полностью исчезает у Т. Парсонса. Капитализм обретает невинность «рыночной экономики», посягнуть на которую дерзнут разве что одержимые утопиями революционные маньяки, а гражданство предается нарциссизму в комфортной и безопасной заводи гражданского общества, позволяя себе время от времени тревожить слух бюрократов и менеджеров тихими lamentациями и советами «пикейных жилетов».

Связь между гражданином и гражданским обществом, как она предстает в рассматриваемых в этом разделе концепциях, не есть *производственное* отношение. Она не описывается как та, в которой субъект деятельности (гражданин) производит общественную

⁵⁰ См.: *Parsons T. Polity and Society: Some General Considerations...* P. 500–502.

⁵¹ См.: *Parsons T. The System of Modern Societies...* P. 114. Знаменитый тезис Ю. Хабермаса о «колонизации» жизненного мира административной и рыночной системами (посредством проникновения в него присущей им инструментальной рациональности и подчинения его влияниям денег и власти), конечно, указывает на их вмешательство в его «внутренние дела». Однако весь освободительный пафос «деколонизации» по сути дела сводится к восстановлению парсонсовского мирного сосуществования подсистем общества и благотворной кооперации между ними. Ни о какой антикапиталистической «колонизации» экономики со стороны гражданского общества, проводимой под флагом экспансии гражданских прав и «демократического участия», речь, согласно Ю. Хабермасу, в принципе не может и не должна идти!

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

форму собственной деятельности (гражданское общество) в той же мере, в какой эта форма обуславливает социально-исторический способ бытия деятеля (в качестве гражданина), — по аналогии с производственным отношением между наемным работником и капиталом. Это еще одна (причем важнейшая!) либеральная инновация: в античности связь гражданина и полиса, несомненно, была если не производственным, то воспроизводственным отношением⁵². Сейчас же связь между гражданином и гражданским обществом предстает отношением симбиоза между весьма странным обитателем гражданского общества и не менее странной средой, или пространством, его обитания, т.е. гражданским обществом. Присмотримся к такому симбиозу.

Кто же этот странный обитатель гражданского общества? Дж. Коэн и Э. Арато называют его «частным гражданином»⁵³. Сам этот термин с точки зрения классической теории (не только античной, но и новоевропейской) — оксюморон, образец противоречия в определении. С ее точки зрения, человек, конечно, может быть и гражданином, и частным лицом. Но эти его ипостаси не просто существенно различаются — между ними происходит конфликт, который, как считал, к

⁵² Нарастающие сбои такого воспроизводственного процесса, начиная с Сократа (если верить платоновской «Апологии»), фиксировала критическая мысль периода заката полисной организации античной жизни. Остановка этого процесса и привела к распаду полисной организации в той же мере, в какой и к исчезновению политико-демократического гражданства и замене его юридически-имперским гражданством. Как остроумно и точно заметил Д. Покок, формула первого — «управлять и быть управляемым», формула второго — «судиться и быть судимым». Равенство в осуществлении власти сменилось «равенством перед законом», который как деспот возвысился над «равными» перед ним (см.: Pocock J.G.A. *The Ideal of Citizenship...* P. 37–38).

⁵³ Коэн Дж., Арато Э. Указ. соч. С. 758. В русском переводе книги Дж. Коэн и Э. Арато *private citizen* передается как «частное лицо».

примеру, Ж.-Ж. Руссо, разрывает *современного* человека и обуславливает трагизм его существования⁵⁴. Разумеется, имелись разные подходы к тому, *что* делать с этим конфликтом и *как* его можно ввести в рамки, позволяющие стабилизировать современное общество. Но мало кто из крупных мыслителей отваживался делать вид, будто этого конфликта нет или будто он уже погашен в кентавре, называемом «частный гражданин». В тех же случаях, в которых понятие «частный гражданин» обозначало не мифологическое существо, а социологически уловимое явление современного мира, оно имело коннотации, вряд ли приемлемые для Дж. Коэн, Э. Арато и других теоретиков гражданского общества.

Так, у Й. Шумпетера «частный гражданин» — это законченно «приватизированный индивид». В качестве такового он утратил способность мыслить и действовать политически и руководствуется сугубо утилитарно-экономическими эгоистическими соображениями. Он — носитель «сфабрикованной элитами воли», политический «примитив». Это — типичный избиратель в условиях капиталистической демократии⁵⁵. «Частный гражданин» есть то убогое обличье, в котором сформированное капитализмом частное лицо является в сферу политики, обнаруживая полную неспособность «быть гражданином», неспособность не только *как-либо* «управлять», но и «быть управляемым» в качестве *свободного*. Поэтому реально суще-

⁵⁴ «Несчастье людей, — пишет Ж.-Ж. Руссо, — заключается в противоречии, существующем между... нашими обязанностями и нашими склонностями, между природой и общественными установлениями, между *человеком и гражданином*. Сделайте человека чем-нибудь одним, и вы сделаете его счастливым, насколько это для него возможно. Отдайте всего человека государству или же предоставьте его полностью самому себе, но если вы делите его сердце на части, то оно разрывается...». Руссо Ж.-Ж. О счастье народа. Параграф 2 // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 429–430.

⁵⁵ См.: Шумпетер Й. Указ. соч. С. 349–350.

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

ствующая демократия есть «правление политиков», а отнюдь не народа⁵⁶. Конфликт между гражданином и частным лицом, таким образом, разрешается, но ценой его оказывается не только *ненужность* гражданского общества, но и *упразднение всякого демократического участия* народа в политике, за исключением разве что участия в ритуалах периодического избрания новых правителей. Если политическая свобода все же неотделима от (тех или иных форм) участия в политике и власти, то упразднение демократического участия означает упразднение и ее — при возможном сохранении свободы как юридической защищенности частных лиц в рамках, определенных существующими законами.

Для либеральных теоретиков гражданского общества и гражданства этого, конечно, мало, и признать (вслед за Й. Шумпетером и ему подобными) упразднение *политической* свободы в условиях капиталистической демократии они не готовы. Где-то, если уж не в сфере насковозь бюрократизированной институциональной политики, свобода, пусть не политическая, а *как бы* политическая, все же должна существовать! Этим «где-то» с его «как бы» политической свободой и оказывается гражданское общество в качестве среды и пространства обитания «частных граждан». Они и есть «*как бы* граждане», потому что практикуют «*как бы* политическую» свободу. Эквивалентность этих «как бы» определяет логику связи граждан (в качестве «частных граждан») и гражданского общества (в качестве сферы действия «как бы политической» свободы). Говоря проще, гражданское общество (в этом понимании) есть *эрзац полиса*. Это — сфера *прямой демократии для «частных граждан»*⁵⁷. Неспособные

⁵⁶ См.: Там же. С. 372.

⁵⁷ А. Агт без экивоков отождествляет гражданское общество с прямой демократией (см.: Agh A. Citizenship and Civil Society in Central Europe // The Condition of Citizenship / B. Steenbergen (ed.)... P. 123.). Но это — лишь экспликация общих представлений и устремлений либеральных и «окололибе-

участвовать во власти, они довольствуются *неполитической* свободой (свободой, разведенной с властью). Утешением же служит вера в то, что, практикуя эту свободу, они все же могут как-то «направлять» власть посредством чего-то вроде того «влияния», о котором писал Т. Парсонс.

Присмотримся внимательнее к тому, что выше было названо эквивалентностью между «частным гражданином» и гражданским обществом как средой «как бы политической» свободы.

В логике рассматриваемых либеральных и «окололиберальных» теорий⁵⁸ Б. Барбер точно определяет гражданское общество следующим образом. Это — «“приватная” сфера, занимающаяся “публичными” благами»⁵⁹. Ее особенность заключается в том, что она соединяет «добродетель частного сектора — свободу» с «добродетелью публичного сектора — заботой об общем благе». Забота об общем благе есть та ключевая для публичного сектора добродетель, в которой государство и иные *собственно политические* институты не особенно преуспели. И, видимо, имеют мало шансов преуспеть. В противном случае такой приватной сфере, как гражданское общество, не пришлось бы взваливать на себя тяжкое бремя попечения о том, чем вроде бы должны были *по их определению* заниматься публично-политические (демократические!) институты. Но, выполняя работу *за других*, адекватно

Окончание сн. 57

ральных» теоретиков гражданства и гражданского общества. Те же Дж. Коэн и Э. Арато видят суть своей «радикально-демократической» теории в обосновании «прямого участия граждан» в общественной жизни, разумеется, в формате гражданского общества (см.: Коэн Дж., Арато Э. Указ. соч. С. 752).

⁵⁸ К числу последних мы относим «мягкие» версии «республиканизма» и «коммунитаризма», представленные, к примеру, концепциями того же Б. Барбера и М. Уолцера (о взглядах которого на гражданское общество речь пойдет далее).

⁵⁹ Barber B.K. The Search for Civil Society: Can We Restore the Middle Ground between Government and Markets? // New Democrat. 1995. March/April. P. 13.

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

делать ее гражданское общество не может из-за своего безвластия. Поэтому общее благо и при подключении гражданского общества к усилиям государства оказывается как бы «бесхозным». Можно, конечно, уповать на то, что нечто подобное пресловутой «невидимой руке» свободного рынка все равно реализует это благо «за спинами» всех участников общественной жизни. Но в таком случае (если мы можем в него поверить) гражданство и гражданское общество как арена его осуществления оказываются совершенно не у дел: агентом «невидимой руки» является, конечно же, «экономический человек», а не гражданин⁶⁰.

Однако вследствие чего и благодаря чему из всех частных сфер общественной жизни лишь только гражданскому обществу приписывается способность заниматься «публичными благами»? Что делает его в этом отношении отличным от, скажем, частнокапиталистической экономики или так называемой сферы интимной жизни? Ответы на такие вопросы и пускают в дело токвилевский нарратив о «вторичных ассоциациях» и их великих цивилизующих эффектах (в его бесконечных позднейших аранжировках).

Суть нарратива такова. Вступая во всевозможные добровольные ассоциации, которые не подчинены обслуживанию утилитарных интересов и инструментальных целей, связываемых обычно с деньгами и властью, люди проявляют и развивают способность *действовать свободно* (так сказать, в логике кантовского «незаинтересованного интереса»). Благодаря этому они в той или иной мере перестают относиться друг к другу «только как к средству». Соответственно между ними выстраиваются отношения неиерархического типа, регулируемые нравственными нормами (в противоположность тем отношениям, которые регулируются экономической целесообразностью и дифференциалами политической и административной власти). Вследствие этого

⁶⁰ Подробнее об этом см.: *Ignatieff M. The Myth of Citizenship // Theorizing Citizenship... P. 61 ff.*

гражданское общество — как (потенциально) безграничная совокупность таких добровольных и в принципе неиерархических объединений — характеризуется в качестве «пространства свободной от принуждения ассоциированности людей»⁶¹. На таком «свободном от принуждения» пространстве происходит двоякий процесс. С одной стороны, вырабатывается то, что Р. Патнем назвал «социальным капиталом», — «сетевые структуры [общения], нормы и общественное доверие, которые способствуют координации и кооперации деятельности ради общей пользы»⁶². С другой стороны, цивилизуется участвующий во всем этом индивид. Из узколобого атомизированного эгоиста он превращается в «общественника» и «активиста» с широким интеллектуальным горизонтом и приверженностью ценностям «хорошего общества»⁶³. Он становится «частным гражданином» — индивидом, занимающимся (в течение некоторой части своего досуга) общественными, хотя не обязательно и не напрямую политическими, делами⁶⁴.

⁶¹ *Walzer M. The Concept of Civil Society // Toward a Global Civil Society / M. Walzer (ed.). N.Y.—Oxford: Berghahn Books, 2002. P. 7.*

⁶² *Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon & Schuster, 2000. P. 19.*

⁶³ Едва ли большим преувеличением является утверждение о том, что все (современные) споры о гражданском обществе представляют собою обсуждение его в качестве «институтов, которые формируют или культивируют характер» гражданина (см.: *Lomasky L.E. Civil Enough. Toward a Liberal Theory of Vice (and Virtue) // Civil Society, Democracy, and Civic Renewal / R.K. Fullinwider (ed.). Lanham, ME: Rowman & Littlefield, 1999. P. 273*).

Пафосное описание того, как гражданское общество формирует характер человека, позволяющий ему быть гражданином, см.: *Glendon M.A. Rights Talk: The Impoverishment of Political Discourse. N.Y.: Free Press, 1991. P. 109.*

⁶⁴ Можно сделать уточнение, что некоторые из рассматриваемых авторов резервируют понятие «гражданин» для той ипостаси индивида, в которой он непосредственно участвует в политике. Но суть дела от этого не меняется. Как пишет М. Уолцер, «гражданское общество проверяется его способностью производить граждан (действующих в сфере полити-

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

Данное представление о гражданском обществе и его цивилизаторской миссии базируется на нескольких весьма сомнительных посылах. Отметим те из них, которые имеют самое прямое отношение к нашему исследованию.

1. С социологической точки зрения совсем наивным является представление о том, что принцип добровольности «хорош» сам по себе, что воплощающие его ассоциации непременно служат либеральным целям и ценностям, как думают многие из наших авторов. На основе этого принципа возникают и расистские, агрессивно националистические, религиозно-фундаменталистские, хулиганствующие, фанатские и всевозможные террористические и экстремистские структуры. В плане их сетевого характера, культивирования доверия между их членами, приверженности общим, причем «постматериалистическим», ценностям и т.д. они, несомненно, отвечают всем критериям организаций гражданского общества⁶⁵. Только эти ценности оказываются не либеральными, а деятельность таких структур — вредоносной для либеральных демократий. От парадокса децивилизующего и антилиберального гражданского общества можно попытаться уйти, вводя следующее ограничение: лишь добровольные ассоциации, придерживающиеся либеральных ценностей, могут считаться членами гражданского общества⁶⁶. Но такое ограниче-

ки. — Б.К.), чьи интересы хотя бы иногда простираются дальше их самих и круга их друзей...» (*Walzer M. Op. cit. P. 25*). Так и понимается цивилизаторская миссия гражданского общества по отношению к обитателям современного мира.

⁶⁵ Э. Гатмен, к примеру, убедительно показывает, что таким критериям соответствует Ку-Клукс-Клан, который вообще можно считать образцовой организацией гражданского общества (см.: *Gutmann A. Freedom of Association: An Introductory Essay // Freedom of Association / A. Gutmann (ed.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. P. 6*).

⁶⁶ Так, согласно Н. Розенблум только группы, активно и непосредственно защищающие либеральные ценности, являются ценными с точки зрения гражданского общества (см.: *Rosenblum N. Membership and Morals: The Personal Uses of Pluralism in America. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. P. 36–41*).

ние ведет к новым парадоксам. Уже не спонтанность ассоциативной жизни, а верность определенной *идеологии* становится критерием членства в гражданском обществе. И не государству ли это ограничение отводит роль демиурга «правильного» гражданского общества, т.е. той силы, которая *на деле* отделит агнцев от козлиц?

2. Откровенным морализмом отдает и представление о гражданском обществе как о «пространстве свободной от принуждения ассоциированности людей», предполагающее иммунитет гражданского общества к «влияниям» денег и власти. Чтобы служить защитой от принуждения, этот иммунитет должен проявляться в *независимости* гражданского общества от той экономической и политической среды, в которой оно функционирует, т.е., говоря языком социологии, оно должно быть показано в качестве «независимой переменной» по отношению к политике и экономике. Очевидно, что показать это ни теоретически, ни эмпирически совершенно невозможно⁶⁷. Это признают и некоторые более трезво мыслящие теоретики гражданского общества. Оно не может в целом не функционировать в логике той экономической и политической среды, которой принадлежит. «Предоставленное самому себе, — пишет тот же М. Уолцер, — гражданское общество генерирует властные отношения, пронизанные радикальным неравенством. Бросить вызов им может только власть государства»⁶⁸. Получается, что спасти гражданское

⁶⁷ Подробнее об этом см.: *Xiorong Li. Democracy and Uncivil Societies: A Critique of Civil Society Determinism // Civil Society, Democracy, and Civic Renewal...* P. 409. Напротив, сведения, показывающие *прямую зависимость* гражданского общества, включая его самых знаменитых представителей, таких как Гринпис, Фонд защиты дикой природы, Международная амнистия и т.д., от корпоративного бизнеса и национальных и наднациональных бюрократических структур, имеются в изобилии (см.: *Civil Society and Global Finance / J. Aart Scholte (ed.).* L.—N.Y.: Routledge, 2002. Part 3).

⁶⁸ *Walzer M. Op. cit.* P. 23.

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

общество от самого себя, сделать его соответствующим либеральному понятию о нем и его цивилизующей миссии способно только государство. О каком иммунитете гражданского общества от «влияния» власти (и денег) можно после этого говорить?!

3. Схожим образом морализм проявляется в представлении о гражданском обществе как сфере (преимущественно) ценностно-рациональных действий, в противоположность сферам экономики и политики, где (якобы) господствует целерациональность. Соответственно, «частный гражданин» предстает частным лицом, которое в части своего досуга, отданной общественным делам, оставляет позади целерациональность и переключается на логику ценностной рациональности. Таким образом, веберовские *Zweckrationalitat* и *Wertrationalitat* из идеальных типов, предназначенных зафиксировать моменты социального действия, которые в действительности всегда находятся в том или ином сочетании и взаимосвязи, превращаются в онтологические характеристики разных сфер общественной жизни и населяющих их социальных типажей. В результате исследование подменяется постулированием. Уже не нужно специально изучать то, каким образом, благодаря чему и в каких «пропорциях» *Zweckrationalitat* и *Wertrationalitat* смешиваются в тех или иных практиках, которые считаются присущими экономике, политике или гражданскому обществу. Не нужно специально рассматривать и то, каким образом и благодаря чему эгоистическое частное лицо обретает способность (пусть на время и в специфических обстоятельствах) быть хотя бы «частным гражданином»⁶⁹. Достаточно *декларировать* то, что,

⁶⁹ Лишь очень редко в современной литературе по гражданскому обществу можно встретить недовольство обычным игнорированием «материальных факторов» при объяснении того, почему люди вступают в «добровольные ассоциации», и того, почему эти ассоциации обладают столь различным нравственным и политическим качеством. Точнее было бы сказать, что идеалистическое и моралистическое *объяснение*

вступив в сферу добровольной ассоциативной жизни, оно уже служит общим целям. А вне ее оказывается во власти инструментальной рациональности. *Придание Zweckrationalität и Wertrationalität значения онтологической дихотомии и устраняет тот трагический конфликт между частным лицом и гражданином, который описывал Руссо (см. сноску 54). Ведь благодаря этому из ипостасей современного человека, которые присущи ему всегда и во всех видах его деятельности (хотя в зависимости от ее конкретного характера они проявляются по-разному), частное лицо и гражданин оказываются разными ролями, которые он играет на различных подмостках общественной жизни, ловко перемещаясь с одних на другие.*

4. Совершенно непонятно, почему добровольные ассоциации гражданского общества должны непременно формировать и культивировать тот «правильный» характер, который необходим гражданину для служения общественным целям. Для огромного большинства из них формирование такого характера вовсе не является главной или хотя бы второстепенной задачей. Почему этим должны (да и как могут?) заниматься общества любителей пива или объединения аквалангистов-любителей? На каком основании присоединение к секте мистиков должно рассматриваться в качестве подготовки к служению общественным целям, а не как бегство от социальной действительности? Каким образом навыки и привычки самоорганизации, позволяющие устраивать замечательные пикники, трансформируются в способность бороться с проявлениями неравенства и дискриминации хотя бы на уровне городка, где проживают эти любители хороших пикников? Формирование и культивирование «правильного» гражданского характера ни в коем случае не является необходимой или «естественной»

Окончание сн. 69

того и другого вообще невозможно (см.: *Chambers S., Kopstein J. Bad Civil Society // Political Theory. 2001. Vol. 29. No. 6. P. 845–848*).

функцией гражданского общества. Его институты очевидным образом формируют у своих членов совершенно разные характеры, в том числе и такие, которые являются антиобщественными, «аномийными» или политически несовместимыми. Прославляемый плюрализм гражданского общества следует домыслить до конца — до качественного многообразия его культурных и политических *следствий*, не редуцируемых к непонятно откуда взявшемуся общему знаменателю «правильного» гражданского характера.

5. Но главная проблема рассматриваемых теорий гражданства и гражданского общества заключается даже не в этом. Если оно по определению является *приватной* сферой, то так называемые общественные цели, которые преследуют составляющие ее *приватные* ассоциации, по необходимости являются партикулярными, т.е. частногрупповыми, даже если они трансцендентируют частноиндивидуальные цели их членов. *Ничто не может априорно исключить ни разновекторной направленности и даже антагонистичности таких частногрупповых целей, ни их безразличия к «общему благу» данного общества, как бы ни понималось такое «благо».* Исключать это — значит втискивать социологию в смирительную рубашку моральной телеологии, чем обычно и занимаются рассматриваемые либеральные теории гражданства и гражданского общества. Они закрывают глаза на то, что «частный гражданин» — это, как правило, лоббист специфического частногруппового интереса (если этот интерес выходит на уровень политики). «Частный гражданин» может быть и индифферентным к политике ценителем удовольствий «хорошей компании»⁷⁰. Такой

⁷⁰ Сказанное может представляться неверным, ибо обычный способ, которым определенные структуры либерального гражданского общества легитимируют себя и наращивают свой символический капитал, состоит в том, чтобы представить себя рупором морального сознания как такового, а не выразителями каких-либо частных интересов. Нередко это приносит значительные политические (и финансовые)

«компанейский парень» может быть привлекательнее мизантропа или диккенсовского скряги Скруджа (до того, как тот перековался в «частного гражданина», занявшегося филантропией и добровольно ассоциировавшего себя с сирыми мира сего). Но это ли считать свидетельством прохождения гражданским обществом теста на способность производить подлинный «характер гражданина»?

М. Игнатъефф как-то остроумно заметил, что «симптомом кризиса гражданства... стало то, что основная часть политической риторики, исходящей как от левых, так и от правых политиков, адресуется электорату в качестве совокупности налогоплательщиков и потребителей, а не граждан»⁷¹. «Кризис гражданства» стал общим местом теоретических рассуждений о гражданстве в ведущих западных странах. Действительно, разные социологические опросы почти единодушно свидетельствуют о том, что за последние полвека произошло драматическое снижение всех основных показателей, которыми измеряются такие «качества гражданина», как осведомленность о политике, интерес к ней, личное участие в ней, готовность поступиться личной выгодой ради достижения «общих целей» и т.д.⁷² Это само по себе показывает, насколько в действительности эффективно гражданское общество как производитель «характера гражданина». А может

Окончание см. 70

дивиденды. В теоретическом отношении такие претензии, конечно же, несостоятельны. Но это само по себе не говорит о том, что деятельность таких организаций не может быть эффективной и в определенных ситуациях полезной для дела свободы (подробнее об этом см.: *Baker G. Problems in the Theorisation of Global Civil Society // Political Studies. 2002. Vol. 50. No. 5. P. 934–937*).

⁷¹ *Ignatieff M. The Myth of Citizenship. P. 71.*

⁷² Впечатляющие обобщения результатов таких опросов см.: *Glendon M.A. Rights Talk... P. 129; Heater D. Citizenship: The Civic Ideal... P. 215; Brittan S. The Economic Contradictions of Democracy // British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5. No. 2. P. 133 ff* и др.

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

быть, это подтверждает известные выводы «коммунистаристов» (Р. Беллы, Р. Патнема и др.) об упадке самого гражданского общества, по этой причине и не способного «производить граждан»...

Как бы то ни было, примечательно то, что государство, как правило, не спешит прийти на помощь гражданскому обществу в производстве граждан. У. Кимлика и У. Норман не без удивления спрашивают (и оставляют собственные вопросы без ответов) — почему, если гражданство отождествляется с цивилизованностью, не сделать законом поведение в духе «добротного самаритянина»? Почему, если участие в политике является ключевой характеристикой гражданина, не последовать примеру Австралии и Бельгии и не сделать голосование обязательным? Почему, если столь важен «гражданский дух», не ввести обязательную национальную службу, не говоря уже о возврате к всеобщей воинской повинности (в тех странах, где она отменена)? Почему, если гражданство предполагает равенство и солидарность граждан, не запретить частные школы, для которых (в отличие от государственных) требования интеграции поверх расовых и религиозных различий не являются обязательными? (От себя добавим, что частные школы к тому же выражают и закрепляют классовые и имущественные барьеры между гражданами.) Все эти и другие практические вопросы такого рода деликатно обходятся либеральными теоретиками гражданства и гражданского общества, предпочитая рассуждать о «мягких» и «ненавязчивых» (unobtrusive) формах поощрения «гражданского духа», о неадекватности которых свидетельствуют сами масштабы и глубина «кризиса гражданства»⁷³.

Но не является ли «кризис гражданства» надуманной проблемой, порожденной скорее неудовлетворенными «нормативными ожиданиями» и ностальгией по «славному прошлому» (обычно мифологичному и

⁷³ См.: *Kymlicka W., Norman W. Return of the Citizen... P. 300–301.*

воображаемому), чем «реальной трудностью», с которой сталкиваются капиталистические демократии⁷⁴? Похоже, что он — не «надуманная проблема». Многочисленные дисфункции (повсеместно) и надвигающееся банкротство (в ряде ведущих стран, начиная с США) государства благосостояния (welfare state) вызваны в том числе потребительски-свокорыстным отношением к нему значительной части реципиентов социальных бенефитов, иными словами, — «антигражданскими» злоупотреблениями социальными правами. В противоположность ожиданиям Т.Х. Маршалла и задумкам конструкторов welfare state оно не упразднило ниши бедности, а скорее законсервировало их, не освободило от экономической зависимости, а придало ей форму зависимости от бюрократии, не возвысило к полноценному участию в гражданской и культурной жизни, а способствовало нарастанию консюмеризма и политической апатии, причем прежде всего — среди малоимущих и угнетенных⁷⁵. Возникла порочная структура патронажно-клиентельных отношений, которая обуславливает эрозию «человеческого капитала» на стороне клиентов и нарастающее бессилие и финансовую несостоятельность на стороне патронов⁷⁶. Складывается впечатление, что в настоящее время ни

⁷⁴ Известные основания для такого предположения есть. Л. Берлант весьма убедительно показывает, что публичная сфера (аллюзия к Ю. Хабермасу), называемая им «псевдопубличной», есть «ностальгическое видение гражданства», полное индивидуалистических и консервативных ценностей, которое конструирует фундаментально «приватизированный мир работы и семейной жизни» (см.: *Berlant L. The Queen of America Goes to Washington City: Essays on Sex and Citizenship.* Durham, NC: Duke University Press, 1997. P. 5). Однако думается, что за «кризисом гражданства» может стоять и другое содержание, не сводимое к «ностальгическому видению».

⁷⁵ См.: *Gunsteren van H. Four Conceptions of Citizenship // The Condition of Citizenship / B. Steenbergen (ed.)... P. 37–39.*

⁷⁶ Яркое описание характера такой структуры и социально-политических следствий ее функционирования см.: *Roche M. Rethinking Citizenship.* Oxford: Polity Press, 1992. P. 31–37.

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

левые, ни правые не имеют понятия, как выйти из этого порочного круга.

Не менее остро стоит и проблема демократической стабилизации гражданских сообществ⁷⁷. Она порождается тем, что вследствие различных форм дискриминации, маргинализации и связанной с ними экономической эксплуатации определенные группы, де-факто принадлежащие данному обществу, ощущают себя «гражданами второго сорта» или вообще негражданами, т.е. париями. В некоторых случаях (например, нелегальные мигранты) они и юридически являются негражданами. Обычно такие группы охватываются понятием «угнетенные, или дискриминируемые, меньшинства». Списки их у разных авторов существенно разнятся, но, складывая такие «меньшинства» вместе, мы обнаружим, что они могут составлять до половины (а иногда и много больше) населения соответствующих стран⁷⁸.

⁷⁷ Я буду рассматривать ее в рамках государств и применительно к ним, абстрагируясь от широко обсуждаемых ныне проблем наднационального гражданства, будь то в региональном или глобальном масштабах. Региональное гражданство, к примеру, «европейское гражданство» в рамках ЕС, до сих пор остается «проектом» или, в лучшем случае, тенденцией, которую нельзя описывать в качестве «состоявшегося явления» (о «европейском гражданстве» как тенденции и о ее демократическом потенциале см.: *Tassin E. Europe: A Political Community? // Dimensions of Radical Democracy: Pluralism, Citizenship, Community / C. Mouffe (ed.). L.: Verso, 1992*). Что касается «глобального гражданства», то я согласен с теми критиками этой идеи, которые считают ее космополитической утопией, неосуществимой в той же мере, в какой и нежелательной. Демократической антитезой «глобального гражданства» может и должно быть то, что Б. Парекх называет «глобально ориентированным национальным гражданством» (см.: *Parekh B. Cosmopolitanism and Global Citizenship // Review of International Studies. 2003. Vol. 29. No. 1. P. 3, 12*).

⁷⁸ Один из самых развернутых списков такого рода представляет А.М. Янг. У нее к угнетенным меньшинствам (применительно к США) относятся женщины, черные, коренные американцы (индейцы), испаноговорящие американцы, американцы азиатского происхождения, гомосексуалисты, лесбиянки, рабочий класс, бедные, престарелые, умственно

Протесты «угнетенных меньшинств», являясь важным импульсом демократического развития западных обществ, создают в них немалое политическое напряжение, подчас выливающееся в масштабное и бессмысленное насилие (вспомним о пожарищах в пригородах Парижа, о побоищах мигрантов и правых националистов в Англии и Германии и т.д.)⁷⁹. В стратегическом плане центральным оказывается следующий вопрос: возможно ли удовлетворение законных (с демократической точки зрения) требований «меньшинств» без разрушения классической концепции гражданства, на которой строятся западные политики и которая немыслима без равенства прав «всех» граждан?

Теории особых «групповых прав» исходят из отрицательного ответа на этот вопрос и выражают готовность пожертвовать «всеобщим» («универсальным», «классическим») гражданством ради предполагаемого устранения или ослабления угнетения «меньшинств». В этих целях выдвигается требование, чтобы члены определенных групп были инкорпорированы в политическое сообщество не только в качестве индивидов, равных в гражданском отношении всем другим участникам данного сообщества, но и с учетом их принадлежности к таким группам, которая наделяет их *особыми, но признанными всеми остальными правами*. Такое «гражданство, дифференцированное по группам», действительно, находится в вопиющем противоречии с равным и универсальным гражданством, которое принесла Современность и на котором строились современные политики (а не только «нации-государства») ⁸⁰.

Окончание сн. 78

и физически неполноценные. Это уже — огромное большинство населения США (см.: *Young I.M. Polity and Group Difference: A Critique of the Ideal of Universal Citizenship // Ethics. 1989. Vol. 99. No. 2. P. 261*).

⁷⁹ См.: *Жижек С.* Некоторые политически некорректные размышления о насилии во Франции и не только // *Логос. 2006. № 2. С. 3–25.*

⁸⁰ Классическое объяснение противоположности современного и досовременного (античного и средневекового) гражданства дает М. Вебер. Последнее является «классовой кате-

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

Пожалуй, наиболее энергичную и теоретически проработанную защиту идеи «групповых прав» можно найти в работах А.М. Янг. Схематично (опуская много сильных доводов и точных наблюдений) эту защиту можно представить так. Исходный пункт — более-менее стандартный «лево-ницшеанский» аргумент о том, что никакое общее понятие (в данном случае «универсальное гражданство») не может быть политически и этически нейтральным. Оно всегда есть чья-то «перспектива», конкретнее — «перспектива» господствующих. За этим следует главное: «В обществах, в которых есть привилегированные и угнетенные группы, настаивать на том, чтобы все индивиды в качестве граждан абстрагировались от своих специфических связей и принадлежностей и приняли общую точку зрения, значит усиливать привилегии. Ведь именно перспективы и интересы привилегированных имеют тенденцию доминировать в едином и публичном, маргинализируя и заглушая перспективы и интересы других групп». И заключение: «Решение [этой проблемы], хотя бы отчасти, заключается в том, чтобы обеспечить институциональные средства для эксплицитного признания угнетенных групп и их представительства [в органах власти]»⁸¹. Такие «институциональные средства» и есть «групповые права».

При этом делается важная оговорка. Требования «меньшинств», несомненно, имеют частногрупповой характер. Но считается, что они *не* противоречат требованиям и устремлениям «других», не конкурируют с ними на «политическом рынке» подобно частногрупповым *интересам*. Поэтому полагают, что они не под-

горией» по своей сути — именно членство в определенных социальных группах делало человека гражданином, причем гражданином *той или иной разновидности* (см.: Weber M. Citizenship in Ancient and Medieval Cities // The Citizenship Debates: A Reader... P. 44 ff).

⁸¹Young I.M. Polity and Group Difference: A Critique of the Ideal of Universal Citizenship. P. 257, 259.

рывают «гражданский дух», понимаемый радикальными плюралистами уже скорее как «взаимность», а не как служение «общему благу» (в нем теоретики такого рода видят еще одну инкарнацию «единого и публичного», ложно претендующую на то, чтобы быть выше всех частных точек зрения). Ведь эти требования, как считается, предполагают в первую очередь — признание ущемленной *культурной идентичности*, а не удовлетворение особого *интереса*⁸². Довольно неожиданным, на первый взгляд, образом в этой теории, мыслящей себя как радикальное отрицание рассмотренных ранее либеральных концепций «цивильного гражданства», всплывает дихотомия, весьма напоминающая присущую им дихотомию *Zweckrationalitat* и *Wertrationalitat*. На сей раз это пара «интерес — идентичность». Такое любопытное и неожиданное сходство явно нуждается в объяснении, и мы к этому еще вернемся.

Рамки данной работы не позволяют дать обстоятельную философско-методологическую критику идеи «групповых прав»⁸³. Остановимся лишь на одном моменте, имеющем непосредственное отношение к нашему исследованию. Идея «групповых прав» представляет собой довольно точный диагноз неспособности гражданского общества, каким оно выглядит в рассмотренных в этой части нашей работы либеральных концепциях, производить «цивильное гражданство». Во всяком случае, то «цивильное гражданство», которое способно служить демократическому решению острейших политических проблем современной жиз-

⁸² См.: *Young I.M.* Op. cit. P. 257–258.

⁸³ Ее можно найти в других источниках. См.: *Taylor C.* Multiculturalism and “The Politics of Recognition”: An Essay. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992. P. 51–61; *Phillips A.* Democracy and Difference: Some Problems for Feminist Theory // *Political Quarterly*. 1992. Vol. 63. No. 1. P. 79–90; *Kymlicka W.* Liberalism and the Politicization of Ethnicity // *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 1991. Vol. 4. No. 2. P. 239–256 и др.

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

ни. «Групповые права» и есть те «институциональные средства», которые предназначены быть альтернативой оказавшемуся столь политически неэффективным либеральному «цивильному гражданству». Вернее, они должны *по-своему* «цивилизовать» те общественные отношения, которые либеральное гражданство оставило «нецивилизованными», т.е. отношениями угнетения и маргинализации. Но в том и парадокс, что, стремясь к этому, идея «групповых прав» оказывается не только в идеологическом плену у либеральных теорий гражданства, но и делает по сравнению с ними *попятное движение*. Она капитулирует перед «универсальным», т.е. современным «всеобщим» гражданством, каким оно предстает в его обусловленности капитализмом.

В самом деле, «всеобщие» права уже не видятся в качестве тех «орудий двойного назначения», продуктов и выражений диалектики освобождения и господства, о которых мы писали в первой части настоящей работы.

Они не предстают теми политико-идеологическими «площадками», на которых разворачивается борьба вокруг интерпретации прав, т.е. в действительности — вокруг реального предметного содержания абстрактных прав (их «конкретизаций», как мы обозначили это ранее), чем и определяется то, могут ли они в *данной исторической ситуации* служить целям освобождения угнетенных и демократизации общества. Получается, что «всеобщие» права как *таковые* по сути признаются бесполезными в качестве средств реализации демократических требований «меньшинств», т.е. эти права безоговорочно принимаются *вместе с теми их нынешними конкретизациями*, которые и делают их «орудиями господства», направленными против «меньшинств». *Вместо политической борьбы за изменение предметного содержания «всеобщих» прав идея «групповых прав» предлагает ввести новые статусы как исключения из «всеобщих» условий гражданства и*

особенные формы защиты угнетенных «меньшинств» как особенных групп. Это равнозначно неверию в их способность не только выразить свои требования на «универсальном» языке морально должного и политически рационального, но и практически превратить их в то должное и рациональное, осуществления которого требует «все общество», т.е. та широкая коалиция общественных сил, которая в состоянии политически позиционировать себя в качестве «всего общества». Это я и назвал «капитуляцией перед “универсальным”», экспропрированным господствующими посредством соединения его с той предметной конкретизацией, которая воплощает условия их господства.

Идея «групповых прав» оказывается в плену либеральных концепций гражданства, поскольку она продолжает их игры с отождествлением гражданства со *статусом*, к чему в лучшем случае может прибавляться рассмотрение гражданства как практикования «цивильности» в *приватной* сфере гражданского общества (о чем шла речь в данной части работы). Но от всего этого — дистанция огромного размера до понимания гражданства в качестве *политической практики*, способной менять «всеобщие» устои государственной и общественной жизни, к числу которых, несомненно, относятся конкретизации абстрактных прав гражданства.

При игнорировании конкретизаций, которые придают ему действительный политико-исторический смысл, значение и определяют его функции в данной общественной системе, статус, в самом деле, оказывается, как выразился М. Манн, «самым пустым социологическим термином»⁸⁴. И это в полной мере относится к таким особым статусам, как «групповые права». Разве не известно из истории, что «меньшинства» добивались улучшения своего положения не благодаря

⁸⁴ Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 222.

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

введению таких статусов, а при помощи массовой политической борьбы и опираясь на широкие коалиции? Что такая борьба шла за «всеобщие» права (а не за исключения из них) *посредством* изменения их конкретизаций, т.е. того, *что* эти права реально означали в данном обществе, *как* они практиковались, *на кого* и *в какой мере* (де-факто) распространялись? Ведь для чартизма, который выражал устремления малоимущих классов индустриализировавшейся Англии и добивался *всеобщего* избирательного права, это верно в той же мере, в какой и для нацеленного на преодоление расовой дискриминации движения за *всеобщие* гражданские права в США в середине XX в.! А в конце того же века новым подтверждением тому же стало антикоммунистическое сопротивление в Центральной и Восточной Европе, требовавшее соблюдения тогдашними режимами *всеобщих* прав человека. Разве не понятно, что игра с особыми статусами угнетенных — коронный прием стратегии «разделяй и властвуй»? Сколь успешно и многократно применяли ее господствующие классы в разных исторических ситуациях! Разве трудно понять, что без изменения социально-экономических основ данного общества «угнетательские» конкретизации «всеобщих» прав непременно проявят себя и в «групповых правах», будь они даже введены? Подобно тому, как американские *affirmative actions* отнюдь не привели к ликвидации социальной приниженности афроамериканцев как *особой* социальной группы, но способствовали тому ее классовому расслоению, в котором (по меркам общества как целого) *нет ничего особенного*. Наконец, разве не очевидно то, что *наделение* того или иного «меньшинства» особым статусом закрепляет (на философском языке — «эссенциализирует») ту его идентичность, которая исторически создана его угнетением и должна быть преодолена, если это угнетение упраздняется? Те же афроамериканцы в качестве *особой* группы — это, ко-

нечно, не лица с определенными соматическими признаками, не говоря уже об особом «умственном или эмоциональном складе» (последняя квалификация имеет откровенно расистский характер). Это — исторический конструкт, произведенный определенной системой угнетения и аналогичный в этом плане таким конструктам, как «холопство», «варварство» или «пролетариат». Признание его в качестве имеющего «равное достоинство» с другими исторически сконструированными идентичностями помогает обуздать бытовой расизм (что неплохо само по себе), но никак не способствует устранению этого конструкта как явления структурной организации данного общества.

Но ответы на все эти вопросы не очевидны для сторонников идеи «групповых прав» именно вследствие той дихотомии «интересов и идентичности», о которой мы говорили выше. Идея «групповых прав» исключает понимание того, каким образом эти права, даже введенные как статусы, воспроизводят «угнетательские» конкретизации «всеобщих» прав. Она мешает прояснить, почему «групповые права» скорее пролонгируют угнетение, возможно, «цивилизовав» его, чем послужат его ликвидации. Ведь борьба за «признание идентичностей», разведенных с интересами и даже противопоставленных им, не только *разделяет* борющихся, которым лишь остается уповать на моральное сочувствие других их борьбе. Она *не* ставит под вопрос политэкономия данного общества, его реальные основы, как это делает любая серьезная борьба за «всеобщие» права, которая, впрочем, всегда подвижима определенными *интересами*. То, что интересы в контексте борьбы за всеобщие права предстают в «снятом виде» (это «снятие», как мы знаем из марксистско-грамшианской теории гегемонии, и есть важнейшее условие политической эффективности такой борьбы) есть не отрицание, а подтверждение сказанного. Старый вопрос Т.Х. Маршалла о том, *как* гражданство воздействует

II. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСТВО

на капитализм, остается обойденным и в рамках будто бы леворадикальной концепции «групповых прав». В этом плане она ничем существенным не отличается от либеральных теорий гражданства. И столь же мало пригодна для понимания гражданства как политической практики.

III. Гражданское общество и «политическое» гражданство

Если воспользоваться вокабуляром классической философии Нового времени, то уход от вопроса о воздействии гражданства на капитализм (и наоборот) можно передать как игнорирование проблемы взаимоотношения «буржуа» и «гражданина», являвшейся, несомненно, центральной для политической и этической мысли ранней современности, по крайней мере, — от Ж-Ж. Руссо до Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса. «Буржуа» — это типичный обитатель и продукт гегелевского «царства нужды» рыночно-капиталистической экономики. Это — неутомимый «максимизатор» собственной частной выгоды. Капиталистическая система атрибутирует ему способность рационально судить о наиболее целесообразных путях и средствах достижения данной цели⁸⁵. «Буржуа» — это модальность существования современного человека. В ней он относит себя ко всем возможным явлениям современной жизни, а не к сугубо экономическим, т.е. тем, которые имеют место в определенной институционально организованной

⁸⁵ То, что его суждения об этом сплошь и рядом оказываются неверными, и даже то, что, будучи верными, они, как настаивает Ф. Хайек, обуславливаются не столько индивидуальной способностью рационального рассуждения, сколько восприятием таким «буржуа» скрытого и рассеянного «знания», воплощенного в традициях, обычаях и правилах «спонтанного (рыночного) порядка», которым «буржуа» бессознательно следует, не ставит под сомнение приведенное выше определение. Ведь способность рационально судить об оптимизации целей и средств не есть онтологическая характеристика «буржуазного» индивида и его разума. Напротив, «вера» в такую способность есть условие работы капиталистической системы, которую она поэтому культивирует в своих функционерах (атрибутирует им рациональность) наряду с другими элементами «товарно-фетишистского» сознания.

сфере производства и распределения богатства. О глубине понимания этого обстоятельства свидетельствует новаторское определение Дж.С. Милля «политэкономии» не по ее предметной области (экономике), а по тому специфическому углу зрения, под которым она рассматривает действительность и который является точкой зрения *homo oeconomicus*, т.е. «буржуа»⁸⁶.

Конечно, Дж.С. Милль многократно подчеркивает — эта точка зрения не учитывает многих других мотивов поведения человека, понятие *homo oeconomicus* не покрывает всей «полноты человеческой природы, какой она предстает в общественном состоянии», истины политэкономии верны только для тех сфер человеческой жизни, в которых приобретение богатства является «главной и признанной целью», и т.д.⁸⁷ Но в том и дело, что если в принципе точка зрения «буржуа» не замкнута сферой «экономики», то нет никаких онтологических, опирающихся на «сущность вещей» гарантий против ее распространения на любые другие (потенциально все) дела и отношения обитателей современного общества. И такое распространение произошло и происходит. Обретение «политэкономией», а ныне — неоклассической математизированной экономической теорией — статуса «королевы» общественных наук и превращение ее в образец «научности» лишь отражает это положение дел⁸⁸. Тем самым при-

⁸⁶ См.: Mill J.S., *Essay V. On the Definition of Political Economy, and on the Method, of Investigation Proper to It* // Mill J.S. *Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy*. L.: The London School of Economics and Political Science, 1948. P. 129, 137–139.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Соответственно другие общественные науки, предметные области которых вроде бы находятся за рамками экономики, все более концептуально и методологически уподобляются экономической науке, т.е. становятся «экономорфными» — во всяком случае, в своем мейнстриме. Своего рода классическое обоснование универсального значения экономических моделей для анализа всего спектра человеческого поведения дал Г. Беккер, за что и удостоился Нобелевской премии (см.: Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 1).

знается, что «буржуа» — это не одна из ролей, которую современный индивид играет в современном обществе. Это алгоритм исполнения всех его общественных ролей, конкретную драматургию которых, конечно же, пишут все те «другие» мотивы поведения человека, от которых сознательно абстрагировался Дж.С. Милль в своем описании *homo economicus*⁸⁹.

Но всех ли ролей? Это — центральный вопрос классической политической философии Нового времени. С точки зрения ее, возможно, мейнстримного направления (или направлений), для которого решение проблемы создания и сохранения общественного порядка виделось в культивировании «просвещенного эгоизма» новоиспеченных «буржуа» как типичных обитателей современного общества, ответ на поставленный вопрос был в принципе утвердительным, хотя и с той существенной оговоркой, какую предполагает концепция «просвещенного эгоизма». Эгоизм грубый, замкнутый на достижении «ближайших целей» любой ценой, а потому делающий общественную жизнь невозможной, должен быть превращен в эгоизм стратегический. Последний учитывает необходимость существования общежития в качестве первейшего условия достижения тех же «ближайших целей» (в их

⁸⁹ В свете этого сомнительным представляется популярный ныне тезис о «децентрализованной» личности современного (или уже «постсовременного») человека, об отсутствии у него «принципа», как-то объединяющего все его «функционально дифференцированные роли». Так, возражая против классической либеральной дихотомии «гражданин — власть», Н. Луман справедливо подчеркивал, что гражданин сталкивается с *разными* властями, исполняя *разные* функциональные роли — налогоплательщика, избирателя, лоббиста, лица, подписывающего те или иные петиции, и т.д. (см.: *Luhmann N. The Differentiation of Society*. N.Y.: Columbia University Press, 1982. P. 153). Однако разве все эти роли не интегрированы общим принципом «экономической рациональности», разве не в качестве «буржуа» исполняет их современный человек в *нормальных* условиях? И разве не удостоверяется это тем, как разные власти, опять же в нормальных условиях, *одинаково* воспринимают его в этом «буржуазном» качестве, каково бы ни было конкретное содержание обращенных к ним требований?

социально приемлемом виде), а потому готов отчасти поступиться, как любил выражаться Д. Юм, непосредственным ради более отдаленного, но и более надежного. Взгляды на методы воспитания «просвещенного эгоизма» существенно различались у сторонников этой концепции. Например, в теориях представителей «шотландского просвещения», у французских *les Philosophes des Lumières* и в раннем утилитаризме. Но суть дела от этого — в интересующем нас плане — не меняется: носитель «просвещенного эгоизма» есть тот же «буржуа», но рафинированный «галантным обществом». Впрочем, в определенных условиях, например в современных российских, и такое рафинирование есть достижение, о котором остается только мечтать.

Однако другое направление классической мысли Нового времени, которое в рамках данной работы будет представлено лишь Ж-Ж. Руссо и Г.В.Ф. Гегелем, дает отрицательный ответ на указанный выше вопрос. У современного человека есть или должна быть хотя бы одна «общественная роль», которая не принадлежит «буржуазной» модальности его существования. Это роль гражданина⁹⁰. Кто такой «гражданин»?

⁹⁰ Говоря «одна такая роль», я отвлекаюсь от описания Г.В.Ф. Гегелем «субстанциального (аграрного) сословия» и «универсального класса» чиновничества. На мой взгляд, это — не только наименее интересные и убедительные элементы его конструкции «современного государства», но и такие элементы, которые заведомо стоят у Г.В.Ф. Гегеля вне модальности существования «буржуа», а потому в отношении их не возникает проблема преодоления «буржуазности» «гражданственностью». Я также обхожу описание существования современного человека в качестве «семьянина». Оно, согласно Г.В.Ф. Гегелю, также не принадлежит в своей основе модальности «буржуазности». Вспомним его полемику против «позорной» кантовской трактовки брака как института, базирующегося на договоре (см.: *Гегель Г.В.Ф. Философия права*. М.: Мысль, 1990. Параграф 75. С. 129). Поскольку семья в логике диалектики «объективного духа» «снимается» гражданским обществом как сферой «буржуазности», «гражданин» остается единственной общественной «ролью» современного человека, которая не поглощается «буржуазностью». Более того, по мысли Г.В.Ф. Гегеля ей отводится функция «снятия» «буржуазности».

На самом базисном уровне определения «гражданин» — это человек, который, как пишет Г.В.Ф. Гегель, «работает для всеобщего, имеет последнее своей целью», служит «общему благу»⁹¹. На этом уровне мы имеем классическое «республиканское» понимание гражданственности, которое теоретики Нового времени заимствуют у античности. Но такое заимствование еще не содержит ответа на важнейший вопрос: каким образом и вследствие чего современный человек, т.е. «буржуа», будет «работать» для всеобщего, если в само определение «буржуа» входит преследование частных, а не всеобщих целей?⁹²

При этом обратим внимание на следующее. Обладание гражданскими, а также политическими и даже социальными правами, в той мере, в какой Г.В.Ф. Гегель затрагивает или предугадывает их в своей «Философии права», никак само по себе не решает проблему гражданственности в указанном выше *деятельностном* (в качестве «работы») и «республиканском» ее понимании. Обладание такими правами — нормальное условие существования «просвещенного буржуа», но не более того. Именно поэтому описание «право-

⁹¹ Гегель Г.В.Ф. Йенская реальная философия // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 360. В дальнейшем, говоря о гегелевской концепции гражданина, мы будем иметь в виду именно это его определение, т.е. понимание гражданина, используя язык «Философии права», «в качестве политического члена государства как государства политического» (см.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 435. Приложение к параграфу 187). Известно, что Г.В.Ф. Гегель использовал термин «гражданин» и для обозначения «буржуа» как обитателя гражданского общества, впрочем, всякий раз оговаривая это особо (см.: Там же. Параграфы 187, 190 и др.).

⁹² Глубокой и предельно острой формулировкой этой проблемы является известный тезис Г.В.Ф. Гегеля о том, что современное государство не может быть «прекрасной гармонией», какой оно, во всяком случае — в идеале, было в Античности. Оно может быть только «хитростью», способной справиться с «развратом, распутством, порочностью отдельных индивидов» (см.: Там же. С. 362–363).

судия» и «полиции» (как раннего предвосхищения welfare state⁹³) дано в части «Гражданское общество», посвященной описанию «буржуазной» модальности существования современного человека, а не в части «Государство». Это позволяет уяснить смысл понятия «гражданин», каким оно предстает у Т.Х. Маршалла и у многих позднейших теоретиков гражданства, отталкивающих от его наследия (в частности, у тех, о которых шла речь во второй части данной работы).

Как справедливо пишет М. Роч, «универсум гражданства», описанный Т.Х. Маршаллом, есть «сфера, в которой заявляющие свои права граждане обслуживаются государственными институтами права, парламентской демократии и социального обеспечения». Вследствие этого стирается граница между «гражданином» и «клиентом», и первый выступает в том же деморализованном и деполитизированном состоянии, которое характерно для второго. О гражданстве, предполагающем деятельное участие в жизни политического сообщества, т.е. о «работе для всеобщего», в этих условиях не приходится говорить⁹⁴. «Универсум гражданства» Маршалла есть, таким образом, описание законченного мира обитания «буржуа». Это мир, в котором «буржуазной» логике обслуживания частных интересов «окончательно» подчиняются и неэкономические институты, хотя ценой такого подчинения оказывается частичная модификация «строго капиталистической» логики функционирования собственно экономических институтов (это и схватывает термин «смешанная экономика»). Получается, что обобщенная до масштабов всего общества «буржуазность» вступает в известный конфликт с «чистым капитализмом» (политически нежизнеспособным именно вследствие своей «чистоты»). Это, несомненно, важное открытие,

⁹³ Подробнее об этом см.: Avineri S. Hegel's Theory of the Modern State. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. P. 101 ff.

⁹⁴ См.: Roche M. Rethinking Citizenship. Oxford: Polity Press, 1992. P. 21, 31, 32, 34–37.

которое в иносказательной форме нарратива о гражданстве делает Т.Х. Маршалл⁹⁵. Но в отношении *деятельностного* гражданства оно скорее объясняет его невозможность — именно тем, что показывает *универсальность* «буржуазной» модальности существования современного человека.

Важнейшим условием универсализации «буржуазности» и выступает универсализация того комплекса прав, который описывает Т.Х. Маршалл. Такой комплекс и есть «юридическое гражданство», т.е. обладание правами и их «законное» удовлетворение. Вопрос в том, как оно связано с «политическим гражданством», о котором писали Ж.-Ж. Руссо и Г.В.Ф. Гегель.

Конечно, этот вопрос встает в историческом плане: какие виды и каким образом организованной политической борьбы привели к утверждению нынешнего комплекса «юридического гражданства»? Хотя дебаты по данному вопросу продолжаются (мы отчасти касались их в первой и второй части настоящей работы), есть основания думать, что без тех форм «политического гражданства», которые демонстрировали протестующие низы, современное «юридическое гражданство», пусть в качестве компромисса с верхами, было бы невозможным⁹⁶. Но этот вопрос имеет не только исто-

⁹⁵ Разумеется, до Т.Х. Маршалла к выводу о невозможности «чистого капитализма» своими специфическими теоретическими путями приходили столь разные мыслители, как Р. Люксембург, Й. Шумпетер и др. Хороший аналитический обзор дискуссий о роли «некапиталистических элементов» в поддержании жизнеспособности капитализма см.: Kumar K. Pre-capitalist and Non-capitalist Factors in the Development of Capitalism: Fred Hirsch and Joseph Schumpeter // *Dilemmas of Liberal Democracies* / A. Ellis, K. Kumar (eds). L.: Tavistock, 1983. Оригинальность Т.Х. Маршалла в свете этого заключается именно в том, что он показал гражданство в качестве такого необходимого капитализму «некапиталистического элемента».

⁹⁶ О четырех основных исторических моделях такого компромисса, порожденных разными стратегиями борьбы и взаимодействия верхов и низов, см.: Turner B.S. *Outline of a Theory of Citizenship...* P. 200 ff.

рическое значение. Практика прав — это всегда нечто политически оспариваемое, и то, *что* есть права в действительности, определяется дифференциалами власти (политической, символической, экономической) тех сил, которые от той или иной практики соответствующих прав могут получить ту или иную выгоду. Если за правом, точнее, той или иной его интерпретацией, не стоит сила, способная его отстаивать, причем именно в качестве «универсального», то оно будет «увядать» или «прогибаться» в пользу противостоящей и более мощной силы. Это сейчас хорошо видно на примере связи между упадком организованного рабочего движения и «увяданием» welfare state, т.е. широкого спектра социальных прав (см. сноску 13). И это наводит на мысль о том, что в отрыве от «политического гражданства», не будучи «обеспеченным» им, «юридическое гражданство» является, по меньшей мере, не гарантированным иначе, как на условиях политически господствующих сил. Вероятно, это и есть самая глубокая причина того почти общепризнанного «кризиса гражданства», о котором шла речь в предыдущем разделе. Сказанное лишь подтверждает старую мысль о том, что потребление, в конечном счете, зависит от производства и обуславливается им: потребление прав в модальности «юридического гражданства» оказывается под вопросом, если оно не обеспечено производством прав в модальности «политического гражданства». Но что делает такое производство возможным?

Различия между Ж.-Ж. Руссо и Г.В.Ф. Гегелем в подходах к этому вопросу примечательны и поучительны для нас сегодня. Суть их состоит в следующем. С точки зрения Ж.-Ж. Руссо, «буржуа» и «гражданин» — это взаимоисключающие определения современного человека. Быть и тем, и другим невыносимо (см. сноску 54): необходим выбор в логике «или-или», и от этого выбора, если он практически возможен, в отношении чего Ж.-Ж. Руссо обнаруживает большие сомнения, зависит судьба современного человека и общества. Но *что* дает возможность *выбирать* между этими опре-

делениями современного человека, остается неясным, не говоря о том, *что* позволяет, или заставляет, склониться в пользу «гражданина»?⁹⁷. Очевидно, что такой выбор предполагает обладание добродетелями (хотя, с другой стороны, обладание ими делает такой выбор *фиктивным* в смысле его predeterminedности). Но откуда им взяться, если реальные условия современной жизни культивируют и поощряют нечто противоположное им? Это вопрос, не имеющий ответа, от которого Ж.-Ж. Руссо *уходит* посредством введения в свою теорию фантастической фигуры богоравного Законодателя, способного «изменять человеческую природу» и «создавать народ» как ассоциацию «граждан»⁹⁸.

Для Г.В.Ф. Гегеля, напротив, «буржуа» и «гражданин» связаны формулой «и-и». «Гражданин» *выводится* из «буржуа» поступательной логикой снятия противоречий, определяющих существование обитателя «цар-

⁹⁷ Пожалуй, наиболее последовательную попытку ответить на эти вопросы Ж.-Ж. Руссо предпринял в так называемом первом наброске «Общественного договора», в полемике с «жестоким мыслителем» из эссе Д. Дидро «Естественное право» и с самим Д. Дидро. Ж.-Ж. Руссо не принимает предложенный Д. Дидро способ укротить логически безупречный и доведенный до предела «буржуазный» эгоизм «жестокоего мыслителя» посредством «чистого акта разума, который размышляет, меж тем как страсти молчат...». Такой «чистый акт разума», согласно Д. Дидро, совпадает с актом «общей воли» человечества (см.: *Дидро Д. Естественное право // Избранные произведения*. М.—Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1951. С. 348).

Пусть даже чистый акт разума, представляющий общую волю, будет возможен в каждом индивидуе, — допускает Руссо. Но что заставит мои «страсти», стремящиеся к моей частной выгоде, подчиниться этому акту и «замолчать»? Как возможно «отделить себя от себя самого»? (Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Опыт о форме Республики (первый набросок) // Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 308–309). Именно в *отделении* себя «буржуа» от себя как нравственно разумного «гражданина» Ж.-Ж. Руссо видит решение проблемы, бьется, но не справляется с ней, а потому оставляет ее и все связанные с ней рассуждения за рамками окончательной версии «Общественного договора».

⁹⁸ См.: Там же. С. 333.

ства нужды». Но при этом — в соответствии с общим характером гегелевского «снятия» — «буржуазность» последнего удерживается как аспект и составляющий элемент более высокого нравственного синтеза, каким предстает «конкретный», т.е. многосторонний член «современного государства». Гражданское общество во всей его многосложной институциональной организации и есть та *форма практики*, в рамках и благодаря которой осуществляется (хотя не завершается) такое выведение «гражданина» из «буржуа». По сути дела все гегелевское гражданское общество должно быть понято в качестве процесса укоренения всеобщего в особенном. Это — колоссальный образовательный процесс (приходящий на смену образовательному процессу античного полиса), благодаря которому индивид обретает способность желать достижения своих частных целей, в то же время имея цели всеобщие в качестве предмета своей воли⁹⁹. Это, как мы знаем, и есть «работа для всеобщего», т.е. дело «гражданина».

В связи с этим отметим следующее.

Первое. Г.В.Ф. Гегель избавляется от руссоистской химеры Законодателя именно посредством описания *производства* «гражданина» как формы практики современного общества.

Второе. Эта практика не есть нравственное совершенствование (культивирование добродетелей) как нечто самодостаточное и самоцельное. Напротив, она вытекает из «низкого», из противоречий «царства нужды». В известном смысле она есть *функция* «разрешения» таких противоречий. И протекает она скорее в юмовской логике «непреднамеренных следствий», чем в кантовской логике сознательного (и героического) осуществления долга.

Третье. Стихия такой практики — борьба. В гегелевской «Философии права» тема «борьбы за признание», классически развитая во фрагменте о «диалектике раба

⁹⁹ Translator's Notes // Hegel's Philosophy of Right / transl. T.M. Knox. L.: Oxford University Press, 1967. P. 353–354.

и господина» в «Феноменологии духа», не только многократно воспроизводится, но и входит в основание таких ключевых понятий теории гражданского общества, как собственность, контракт, корпорация и т.д.¹⁰⁰

Четвертое. Поскольку в центре внимания Г.В.Ф. Гегеля находится практика производства «гражданина», исток которой — противоречия «царства нужды», а *modus operandi* — борьба, постольку его концепция гражданского общества как формы осуществления такой практики объемлет те сферы, разграничение которых считается одним из важнейших «достижений» постгегелевской теории гражданского общества. Речь идет в первую очередь о различении «экономики» и «гражданского общества» (или публичной сферы) в так называемой «трехуровневой модели» современного общества¹⁰¹, пропагандируемой Ю. Хабермасом и его многочисленными последователями.

Пятое. Именно в гегелевской концепции гражданского общества как практики производства гражданина эти два понятия оказываются в необходимой теоретической (а не случайной и «эмпирической») связи: «гражданин» является необходимым продуктом гражданского общества в той же мере, в какой и условием его воспроизводства — именно как гражданского общества. Классическое античное взаимополагание этих понятий оказывается восстановленным, хотя институциональные механизмы и политическая логика такого взаимополагания являются в современном обществе качественно иными, чем в древнем полисе.

¹⁰⁰ См.: Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. Параграфы 57, 71, 253.

¹⁰¹ Такими уровнями считаются экономика (рынок), гражданское общество и государство. Емкий обзор дебатов вокруг «трехуровневой модели» и описание ее историко-философских корней см.: Howell J., Pearce J. *Civil Society and Development: A Critical Exploration*. Boulder, CO: Lynne Rienner Pub., 2002. Chapter 3 (“Civil Society, the State, and the Market: A Triadic Development Model for the Twenty-First Century”).

III. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И «ПОЛИТИЧЕСКОЕ»...

Сколь бы парадоксальным это ни казалось на первый взгляд, в *методологическом* отношении современные либерально-демократические концепции гражданства и гражданского общества (типа тех, которые мы рассматривали во второй части нашей работы) значительно ближе к Ж.-Ж. Руссо, чем к Г.В.Ф. Гегелю. И это при всем их подчеркнутым идеологическим дистанцированием от радикального демократизма и бескомпромиссного республиканизма французского мыслителя¹⁰². Действительно, им присуще то же стремление *отделить* «буржуа» от «гражданина» (в противоположность гегелевскому «выведению» второго из первого), которое безуспешно пытался реализовать Ж.-Ж. Руссо. Именно в этих целях проводится разграничение «экономики» и «гражданского общества». Оно позволяет объявить гражданское общество «первичной и основной сферой осуществления гражданства»¹⁰³. Конечно, ценой такого маневра оказывается теоретически *невозможное* изображение гражданского общества в качестве «независимой переменной», т.е. той уникальной (и фантастической) сферы общественного жизни,

¹⁰² Такое дистанцирование в первую очередь вызвано ассоцированием Ж.-Ж. Руссо с истоками «тоталитарной демократии», если воспользоваться термином Я. Талмона, все же имеющем хождение (при всей его критике) в современном политико-философском дискурсе. (Об освоении и переработке понятия «тоталитарная демократия» в современной политической теории см. отличный сборник: *Totalitarian Democracy and After* / Y. Avieli et al. (eds). L.: Frank Cass, 2002. Особенно статьи Д. Данна и М. Уолцера.) Но и не привязывая Ж.-Ж. Руссо напрямую к «тоталитарной демократии», либерально-демократические теоретики стремятся подчеркнуть односторонний и упрощенный характер его концепции, которая, в лучшем случае, описывает лишь один элемент (активное участие в политической жизни), входящий в тот сложный синтез, которым является «хорошая жизнь» современного гражданского общества. Об этом см.: *Walzer M. The Concept of Civil Society*. P. 9 ff.

¹⁰³ См.: *Elshstain J.B. A Call to Civil Society // Society*. 1999. Vol. 35. No. 1. P. 11–19; *Abowitz K.K., Harnis J. Contemporary Discourses of Citizenship // Review of Educational Research*. 2006. Vol. 76. No. 4. P. 658.

которая защищена от «влияний» других сфер — той же капиталистической экономики¹⁰⁴.

В либерально-демократических концепциях, как и у Ж.-Ж. Руссо, добродетели оказываются самодостаточными и самоценными, а отнюдь не функциями разрешения противоречий «грубой жизни» «царства нужды». Невозможность вывести добродетели из практики толкает современных либерально-демократических теоретиков на руссоистский путь их сознательного культивирования и насаждения вопреки «развращающему» влиянию окружающей среды. У Ж.-Ж. Руссо этим занимался богоравный Законодатель. Сейчас эта роль отводится либо самодеятельным добровольным ассоциациям гражданского общества, либо, поскольку их способность культивировать добродетели по меньшей мере неочевидна и эмпирически ничем не гарантирована¹⁰⁵, — школам и специальным образовательным

¹⁰⁴ Подробнее об этом см.: *Xiaorong Li. Democracy and Uncivil Societies*. P. 409. В действительности ламентации либерально-демократических теоретиков гражданского общества по поводу «проникновения» в него «искажающих» влияний денег и политико-административной власти — почти общее место литературы такого рода. Однако суть данной теоретической позиции состоит в том, что такие влияния полагаются, во-первых, приходящими именно извне и искажающими добровольные отношения, якобы характеризующие собственную «природу» гражданского общества, во-вторых, хотя бы «в принципе» устранимыми. Это позволяет мыслить гражданское общество, так сказать, в соответствии с его понятием, в качестве сферы осуществления «чистого ненасилия». Характерное и влиятельное представление таких взглядов см.: *Keane J. Violence and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 39, 92, 95–97. Очевидно, что все это прямо противоположно гегелевскому пониманию гражданского общества.

¹⁰⁵ Мы обсуждали этот вопрос во второй части нашей работы. В более общем плане стоит обратить внимание на следующее. Ряд исследований в жанрах исторической социологии и компаративной политики, которые показывают то, каким образом активные, плюралистические, успешно производящие и аккумулирующие «социальный капитал» гражданские общества не только не препятствовали, но спо-

программам¹⁰⁶. Остается непонятным, каким образом школа, даже если верить в то, что она (подобно гражданскому обществу) является независимой от окружающей среды «переменной», окажется в состоянии воспитать в чадах современных «буржуа» всю сумму тех кардинальных добродетелей, которые предписывают гражданам либерально-демократические теоретики¹⁰⁷. Более того, и в своей авторитарности современное либерально-демократическое насаждение добродетелей мало чем отличается от творения руссоистским Законодателем новой «человеческой природы». Первое воспроизводит, пусть в иной риторической аранжировке, тот же классический наставляющий и повелевающий жест, который хранители нравственных истин адресуют не понимающим их и безразличным к ним профанам. В этом не существует принципиальной разницы между «буржуа» XVIII и XX–XXI вв., как и между их самозванными наставниками¹⁰⁸.

собствовали подъему и победе нацизма и фашизма, кампаниям геноцида — вроде того, что произошло в Руанде или Сребренице, и т.д. В качестве примеров таких исследований см.: *Berman S. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic // World Politics. 1997. Vol. 49. No. 3; Sabetti F. Path Dependency and Civic Culture: Some Lessons from Italy about Interpreting Social Experiments // Politics and Society. 1996. Vol. 24. No. 1. P. 19–44; Rohde D. Endgame: The Betrayal and Fall of Srebrenica. N.Y.: Farrar, Straus, and Giroux, 1997 и др.*

¹⁰⁶ См.: *Gutmann A. Democratic Education. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987. P. 30, 40, 51, 53.*

¹⁰⁷ Списки таких добродетелей см.: *Galston W. Liberal Purposes: Goods, Virtues, and Duties in the Liberal State. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 221–224; Macedo S. Liberal Virtues: Citizenship, Virtue, and Community. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 234, 253 ff.*

¹⁰⁸ Э. Рубин справедливо пишет о том, что в современной либерально-демократической литературе о добродетелях гражданина проявляется стародавняя привычка привилегированных, хорошо образованных и обладающих «правильными» связями людей «помахивать пальцем и цокать языком по отношению к простым людям, которые не обнаруживают высоких добродетелей» (см.: *Rubin E.L. The Dan-*

Но удивительно то, что временами эти самые безразличные к высоким добродетелям «буржуа» в самом деле их обнаруживали, причем без изменения своей «человеческой природы» и даже без особых наставлений со стороны жрецов высокой нравственности. Они проявляли эти добродетели, т.е. «работали для всеобщего» не только в великих революциях современности, прославленных кампаниях гражданского неповиновения, мощных демократических движениях. Такие добродетели проявлялись в малозаметной и почти обыденной борьбе на местном уровне, во множестве тех «малых дел», как их называли Т. Масарик и В. Гавел, в которых частным и якобы неполитическим формам власти и господства оказывалось публичное сопротивление. Тем самым в микромасштабе достигалось то же, что в грандиозных масштабах делали великие судьбоносные события, — оспаривалась граница между публичным и приватным, политическим и неполитическим. И в первом, и во втором случае происходила деприватизация определенных форм частной власти и замена ее властью публичной. Последней же хотя бы в нормативном плане вменяется ответственность за «всеобщее»¹⁰⁹.

Можно сказать, что практическим определением «политического гражданства» выступает способность оспаривать и изменять «базисную» демаркацию социального пространства — прежде всего, как мы видели,

Окончание сн. 108

gers of Citizenship // *The Future of Citizenship* / J.V. Cipurut (ed.). Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 287).

¹⁰⁹ М. Сомерс убедительно показывает, что сам генезис современных гражданских прав осуществлялся на Западе посредством преодоления частной власти феодалов и распространения на ранее феодально зависимое население «публичной» власти короны и законов государства (см.: *Somers M. Rights, Rationality and Membership...* P. 86 ff). Современная борьба против загрязнения окружающей среды или за равноправие женщин также является борьбой против частной власти корпораций определять качество среды нашего обитания и частной патриархальной власти, порождающей угнетение женщин.

границу публичного и частного. Именно и только в этом плане современное «политическое гражданство» есть «автономия», причем в более решительном смысле данного понятия, чем тот, который был присущ классическому античному гражданству. Ведь само законодательство, возможное в его рамках, практически никогда не затрагивало принципиальных демаркаций античной социальной организации, границ между полисом и ойкосом, свободой и рабством, варварством и эллинством и т.д.¹¹⁰ В современности же оспаривание «базисных» демаркаций и их сдвиги стали определяющим и даже конституирующим признаком «политического гражданства».

Именно в этом пункте обнаруживаются значение и сопряженность двух ключевых вопросов — о связи, во-первых, гражданства и капитализма, во-вторых, «буржуа» и «гражданина». Нельзя сказать, что капитализм как таковой диктует некоторую определенную границу между публичным и частным, что его жизнеспособность зависит от сохранения такой границы неизменной. Реальная история капитализма, которая в огромной мере есть история определявшей его облик общественно-политической борьбы, несомненно, знала крупные подвижки границы между публичным и частным. Можно сказать, что виды капитализма (исторические и современные) в большой степени определяются тем, где именно пролегает эта граница. Однако капитализм является собой постольку, поскольку сохраняется частная, неполитическая власть и ее хотя бы «рамочный» контроль над властью политической¹¹¹. Поэтому любой вид капитализма кон-

¹¹⁰ Поздний Рим, как известно, затронул некоторые из этих границ, в особенности — широким распространением в рамках империи римского гражданства. Но это оказалось возможным именно вследствие упразднения «политического гражданства» и замены его «юридическим».

¹¹¹ Это блестяще и остроумно показано в статье Ч. Линдблома «Рынок как тюрьма» (см.: *Lindblom C.E. The Market as Prison // The Journal of Politics. 1982. Vol. 44. No. 2; Jessop B. Capitalism*

сервативен в том смысле, что он стремится, как минимум, к сохранению существующей границы между публичным и приватным. Максимумом же является такое ее передвижение, которое расширяет зону приватного за счет публичного (неоконсервативная революция и глобализация капитализма дали тому обильные примеры). Если «политическое гражданство» есть оспаривание демаркаций социального пространства и сопротивление частной власти, направленное на ее деприватизацию, то конфликт между *таким* гражданством и капитализмом, всегда принимающий конкретные очертания в зависимости от вида последнего, не только неизбежен, но и оказывается осью политической жизни. Конечно, в той мере, в какой такая жизнь продолжается, т.е. не гасится *деполитизацией*.

Здесь и выявляется самое принципиальное различие между «политическим» и «юридическим гражданством». Оно заключается, конечно же, не в том, что первое безразлично к правам, образующим содержание второго. Напротив, такие права — важнейшие условия и орудия тех практик, которые составляют «политическое гражданство». Различие между этими разновидностями гражданства подобно различию между производством и потреблением (которые ведь тоже взаимосвязаны в рамках общего воспроизводственного процесса). «Политическое гражданство» производит (модифицирует или трансформирует) организацию социального пространства, тогда как «юридическое гражданство» потребляет его наличные институциональные формы и существует в их рамках *как данности*. Поэтому сведение гражданства к «юридическому» исключает вопрос о связи гражданства и капитализма, который сам по себе имеет трансформационную «интенцию». Это и демонстрируют современные либерально-демократические концепции гражданства. Поэтому и маршалловская постановка данного вопроса оказывается противоречивой. Ведь говоря о современном положении дел (как оно сложилось после

Окончание см. 111

and Democracy: the Best Possible Political Shell? // Power and the State / G. Littlejohn et al. (eds). L.: Croom Helm, 1978.

Второй мировой войны), Т.Х. Маршалл сосредоточивается скорее на стабилизирующей роли гражданства в отношении капитализма и уже вследствие этого ограничивает свой анализ гражданства «юридической» («клиентельной») его разновидностью.

Интерференция категориальных пар «капитализм — гражданство» и «буржуа — гражданин» происходит следующим образом. Конечно, «буржуа» отнюдь не обязательно паладин «чистого» капитализма. Стремясь к максимизации своего частного интереса, он (в зависимости от обстоятельств места и времени) может надеяться достичь этого при помощи самых разных политико-экономических режимов и поэтому быть их «сторонником». Такие режимы — фашистские, нацистские, социал-демократические, традиционалистские олигархии, революционно-националистические и т.д. — могут сообщать капитализму всевозможные модификации. Или даже стремиться «отрицать» его. Однако характерной особенностью «буржуа» является неспособность к «добровольному» коллективному действию, даже если оно, как предполагается, отвечает его частному интересу и направлено на его удовлетворение. Поскольку лишь коллективное политическое действие обладает способностью трансформировать общественные структуры, постольку «буржуа» является человеком статус-кво, так сказать, по определению. Впрочем, это только иной путь объяснения его характера как неполитического существа. Но в современном мире статус-кво в огромном большинстве историко-политических контекстов (в каком бы пространственном масштабе их ни брать) есть капитализм, точнее, та или иная его модификация. По этой причине, т.е. в качестве человека статус-кво, а не вследствие сущностной приверженности капитализму, «буржуа» интерферирует с капитализмом в том виде, в каком он существует в данное время и в данном месте.

Логически строгое доказательство неспособности «буржуа» к коллективному политическому действию

является, по всей видимости, крупнейшим достижением течения, обозначающего себя как «теория рационального выбора»¹¹². Ведь ее персонажи — неутомимые рационально-расчетливые искатели и максимизаторы своего частного интереса — и есть хорошо нам известные «буржуа». М. Олсон классически формулирует тезис о неспособности «буржуа» к коллективному политическому действию следующим образом: «...Даже если все индивиды, составляющие большую группу, являются рациональными и преследующими свой интерес, и даже если они выиграют от достижения общего для них интереса или цели, действуя в качестве группы, они все равно не будут добровольно действовать сообща для реализации такого общего или группового интереса»¹¹³. Причина этого в том, что любое коллективное и уходящее в *неопределенное* будущее действие, подразумевающее некалькулируемые риски, невозможно без готовности приносить «жертвы», окупаемость которых неизвестна заранее. Идти на такие «жертвы» заведомо нерационально для рационального «буржуа». К тому же сама логика коллективного действия предполагает складывание таких «жертв» в «общую копилку», а рациональность «буржуа» всег-

¹¹² Конечно, речь может идти только о новом и развернутом доказательстве того, что в принципе было отлично известно уже классике политической философии Нового времени. Уже Т. Гоббс в качестве характерной черты «буржуа» фиксирует то, что они «в высшей степени тяготеют общественными делами и считают необходимым для занятия ими располагать полнейшим досугом...». Именно поэтому сразу после фантастического и логически необъяснимого акта заключения «общественного договора», в котором они выступают гражданами и *потому* — «единым народом», его «буржуа» возвращаются в свое «естественное» состояние частных лиц и становятся «разрозненной массой» (см.: *Гоббс Т. О гражданстве / Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1964. С. 344, 358*).

¹¹³ *Olson M. The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. P. 2.*

да будет побуждать его минимизировать свой вклад в нее в соответствии с формулой оптимизации затрат и выгод, что и порождает в качестве неустранимой пресловутую «проблему безбилетника» (the free rider problem). Поэтому коллективное политическое действие невозможно до тех пор, пока весомым фактором не выступит «сила принуждения, заставляющая их [рациональных индивидов] действовать соответствующим образом, или пока не возникнет стимул, адресованный членам группы в качестве индивидов, который бы срабатывал независимо от достижения общего или группового интереса и побуждал их принимать издержки и тяготы, неизбежные для осуществления групповых целей»¹¹⁴.

«Гражданина» отличает от «буржуа» именно готовность «добровольно действовать сообща для реализации общего интереса». Хотя понятие «добровольности» здесь нужно освободить от того метафизического противопоставления «принуждению», которое М. Олсон некритически заимствует из классической моральной философии. Конечно, «граждане», штурмовавшие Бастилию, шедшие за Ганди в его «соляной сатьяграхе», участвовавшие в марше на Вашингтон в августе 1963 г. или скандировавшие «мы — народ» в Лейпциге в 1989 г., были «принуждены» к таким действиям неудовлетворенностью своих конкретных, частных и зачастую очень земных и прозаических интересов. Если под «добровольностью» понимать (в духе И. Канта) действия и решения, продиктованные чистым сознанием нравственного долга и потому к интересам отношения не имеющие, то таких «добровольных» действий и решений в политическом мире мы, вероятно, не найдем совсем¹¹⁵. Самый идеалистический «гражданин» на-

¹¹⁴ Ibid.

¹¹⁵ Игнорирование этого, казалось бы, очевидного обстоятельства происходит в политической философии не столь редко и неизменно ведет к катастрофическим теоретическим следствиям. Наглядным примером тому может слу-

чинается с «буржуа» и неким образом включает его в себя. Такое включение тоже можно передать с помощью понятия «симбиотического процесса», которое Н. Луман использовал для того, чтобы преодолеть уна-

Окончание сн. 115

жить теория революции Х. Арндт с ее противопоставлением «хорошей» Американской революции «плохой» (террористической) Французской революции. В основе противопоставления — «социальный вопрос», вопрос удовлетворения материальных интересов, прежде всего бедных групп населения. Американская революция будто бы смогла абстрагироваться от него, а потому занималась «чистой политикой» государственного строительства и «прав человека», тогда как Французской революции это не удалось, вследствие чего в ее рамках «свобода капитулировала перед необходимостью» (см.: *Arendt H. On Revolution. N.Y.: The Viking Press, 1965. P. 54 ff*). Такое противопоставление не только зиждется на фундаменте, говоря прямо, вульгарных философских взглядов — чего стоит только натуралистическое понимание необходимого (и бедности) как *биологической* потребности, противопоставленной истории в качестве свободы! Оно обуславливает фантастическое искажение характера и логики событий, составивших Американскую и Французскую революции. Представлять Американскую революцию, изначально сделавшую вопросы налогообложения стержнем своей идеологии (“No taxation without representation”), свободной от детерминации экономической необходимостью и воплощающей «чистую политику» является верхом то ли наивности, то ли спекулятивного презрения к «материи истории». Более трезвые изображения Американской революции, конечно же, отчетливо фиксируют ее прозаические, материальные причины и механизмы (см.: *Draper T. A Struggle for Power: The American Revolution. N.Y.: Vintage Books, 1997. P. 183–212*). Но признаком ее величия (а не лицемерия, достойного осуждения!) является преобразование таких причин и механизмов в идеологию и политику «неотчуждаемых прав человека». Как концептуально не совсем точно пишет упомянутый выше Дрейпер, «...право совпадало с частным интересом; столкновение прав было столкновением интересов» (*Ibid. P. 212*). Неточность его заключается именно в том, что интересы, *сублимированные* в права, перестают с ними «совпадать»: борьба за права обретает собственную логику, не редуцируемую более к логике борьбы за интересы. В такой сублимации и состояло величие Американской революции — она продемонстрировала рождение «граждан» из «буржуа» и этим дала импульс всем эмансипаторским начинаниям последующих веков.

следованные от классической философии дихотомии между (предположительно рациональным и добровольным) согласием и принуждением, легитимностью и насилием и т.д.¹¹⁶

Однако суть вопроса в том и состоит, является ли принуждение «последним словом», заставляющим индивида участвовать в некотором «коллективном действии». Или оно есть только исходный импульс, дающий начало процессу, в котором индивид претерпевает политическое и нравственное развитие (Г.В.Ф. Гегель охарактеризовал бы его понятием *Bildung*), позволяющее ему признать данное «коллективное действие» своим делом и отнести к нему уже в логике *Wertrationalitat*, а не *Zweckrationalitat*. Олсоновский тезис о невозможности «добровольного» коллективного действия верен постольку, поскольку он отвлекается от возможности такого политического и нравственного развития, т.е. абстрагируется от возможности превращения «буржуа» в «гражданин». И М. Олсон имеет право на такую абстракцию, рассматривая «нормальное» (и в обыденном, и в фукоистском смысле данного термина) функционирование капиталистической демократии. Более того, одним из важнейших условий ее «нормального» функционирования и выступает *непревращение* «буржуа» в «гражданин».

Возможно, с точки зрения нормативных представлений о гражданстве как «должном», а также при рассмотрении негативных следствий «буржуазного» отношения к таким институтам капиталистической демократии, как *welfare state* или выборы, *непревращение* «буржуа» в «гражданин» предстает «кризисом гражданства» (мы обсуждали это понятие во второй части данной работы). В связи с этим в теоретической литературе идет спор о том, является ли политическая апатия «добродетелью» с точки зрения современной демократии или же она тяжелый недуг демократических

¹¹⁶ См.: Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 108–109.

политий¹¹⁷. В другом споре тезис правых о необходимости свернуть welfare state сталкивается с защитой его левыми. Для правых противодействовать распространению «культуры зависимости», несовместимой с гражданственностью, нельзя, если не остановить рост патерналистского welfare state. Для левых оно — гарант «социальных прав» как *современного* ядра универсальных прав человека¹¹⁸. Однако издержки есть необходимое условие любого производственного процесса. Поэтому нравственные и институциональные «издержки» воспроизводства капиталистической демократии, вызываемые непревращением «буржуа» в «гражданин», нельзя считать «кризисом». Однако кризис воспроизводства капиталистической демократии (типа того, который разразился в ряде стран в 30-е годы XX в.) может потребовать для своего разрешения превращения «буржуа» в «гражданин», и в этих условиях неосуществленность такой трансформации (в политически значимых масштабах), действительно, оказалась бы «кризисом гражданства». Иными словами, превращение «буржуа» в «гражданин» есть политически *необходимая* и при некоторых условиях *возможная* реакция на события определенного рода, а отнюдь не исполнение императива абстрактного морального (или, так сказать, морально-политического) разума. Зависимость такой реакции от конкретных обстоятельств места и времени обуславливает и то, что превращение «буржуа» в «гражданин» может *не* произойти даже там и тогда, где и когда от этого зависит судьба народов и государств. Нам ли в современной России, где появившийся в конце «перестройки» слабый импульс граж-

¹¹⁷ Отличный обзор и анализ спора о значении политической апатии для современной демократии см.: DeLuca T. The Two Faces of Political Apathy. Philadelphia: Temple University Press, 1995.

¹¹⁸ Хорошее представление о сути этого спора дают материалы Н. Берри и Р. Планта в кн.: Barry N., Plant R. Citizenship and Rights in Thatcher's Britain: Two Views. L.: IEA Health and Welfare Unit, 1990.

данственности иссяк после 1991 г. столь быстро, что мы не смогли сопротивляться дичайшей версии олигархического капитализма вкупе с клоунадной демократией, не зная это?

Здесь необходимо вернуться к Г.В.Ф. Гегелю. Его теоретическое решение проблемы превращения «буржуа» в «гражданина» указывает на железную логику работы системы, а не на событие. Да, он описывает деятельностное гражданство. Гражданское общество, осуществляющее такое превращение, предстает у него формой практики. Но практика эта, как она описана в «Философии права», — скорее функционирование институционального механизма, чем историческое творчество самостоятельных общественных сил. В самом деле, «современное государство» «Философии права»¹¹⁹ есть механизм *воспроизводства* состояния, знаменующего собою (пост-наполеоновский) «конец истории». Отличительной чертой этого состояния, как убедительно показывает А. Кожев, является *окончательное* решение проблемы превращения «буржуа» в «гражданина». Собственно, Французская революция 1789 г. мыслится как явление, кладущее конец самостоятельной истории «буржуа»¹²⁰. Она включает его в тот синтез Господина и Раба, который дает «истинного Гражданина» — «*работающего воина и воющего работника*». В результате возникает «осознанная, доступная пониманию и свободная от каких-либо противоречий действительность» «*всеобщего взаимного признания*», в которой «*все являются Гражданами в точ-*

¹¹⁹ Под этим имеется в виду не собственно «политическое государство», а государство как тотальность, как то, что Г.В.Ф. Гегель называет «*первичным*, внутри которого семья развивается в гражданское общество, а сама идея государства распадается на эти два момента...» (см.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. Параграф 256. С. 278).

¹²⁰ «Французская революция, — пишет Кожев, — несет гибель не Аристократам, но Буржуазии как таковой...». Кожев А. Введение в чтение Гегеля / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. С. 162.

ном смысле этого слова»¹²¹. Сложная институциональная конструкция гегелевского гражданского общества (вместе с его снятием в «политическом государстве») обеспечивает монотонное и *гарантированное* воспроизводство этого синтеза. Иными словами, «буржуа» вновь и вновь воспроизводится на уровне «царства нужды и рассудка», чтобы опять быть снятым в «гражданине» посредством раз и навсегда установленных институциональных механизмов. В этом смысле в условиях «конца истории», действительно, ничего *не случается*. Это я и назвал системно-логическим описанием превращения «буржуа» в «гражданина», противостоящим описанию его как события¹²².

Уже в конце своей жизни Г.В.Ф. Гегель мог сам удивиться в неокончателности того решения проблемы превращения «буржуа» в «гражданина», которое дала Французская революция. Этим и шокировал его английский Билль о (избирательной) реформе 1831 г. Ведь он узаконивал «буржуазный» характер политического процесса, при котором «избрание государственных деятелей в значительной степени определяется частными интересами и грязными соображениями денежной выгоды». С точки зрения Г.В.Ф. Гегеля, это, конечно же, предвещает «утрату политической свободы, уничтожение конституции и самого государства»¹²³ — политической свободы

¹²¹ См.: Кожев А. Указ. соч. С. 136, 142.

¹²² В рамках данной работы нет возможности излагать мою версию теории исторического события. В ряде существенных моментов она близка теории события А. Бадью, хотя не совпадает с последней (см.: Капустин Б. О предмете и употреблении понятия «революция». Критика политической философии. Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010. С. 149–170). Наиболее популярное и лапидарное представление теории события А. Бадью см.: Badiou A., Žižek S. Thinking the Event. Philosophy in the Present. Cambridge: Polity Press, 2009.

¹²³ Гегель Г.В.Ф. Английский билль о реформе 1831 г. // Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 375.

гражданина и государства как «ассоциации граждан», явленных синтезом Французской революции. Г.В.Ф. Гегель отчаянно пытается спасти свою теорию «современного государства» и окончательного решения им проблемы утверждения «истинного Гражданина» посредством указания на «очевидное отставание Англии от других цивилизованных государств Европы в области создания подлинно правовых институтов»¹²⁴. Коли так, то детерминация политического процесса игрой частных интересов (его «буржуазный» характер) есть признак отсталости и «несовременности». Сложно сказать, насколько серьезно сам Г.В.Ф. Гегель верил в такую характеристику политической жизни Англии (ее реальные архаические элементы, имеющие в основном декоративное значение, не могут служить оправданием такой характеристики)¹²⁵. Но несомненно то, что все «цивилизованные государства Европы», включая, разумеется, Германию, рано или поздно приходили к той «буржуазности» политической жизни, пионером на пути к которой была Англия. Благодаря

¹²⁴ Там же. С. 379.

¹²⁵ Еще более парадоксальными и противоречивыми выглядят гегелевские характеристики США. С одной стороны, это — «страна будущего», страна преуспевания, основанного на «гражданском порядке и прочной свободе», что суть ключевые признаки гражданского общества как определяющего элемента «современного государства». С другой стороны — это страна, где во всем преобладают частные интересы, а «к общему стремятся здесь лишь для достижения собственных выгод». Поэтому государство в Америке является «лишь чем-то внешним»; по сути дела говорить о «настоящем государстве» в этих условиях нельзя (см.: *Гегель Г.В.Ф. Философия истории*. М.—Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 80–83). Какое будущее (в логике гегелевской философии истории) может быть у такой страны и в каком смысле ее следует считать «современной», остается неясным. Интересную интерпретацию гегелевской концепции США как «чистого гражданского общества», в котором место «государства» занимает всего лишь «правительство», см.: *Bell D. The Hegelian Secret: Civil Society and American Exceptionalism // Is America Different? A New Look on American Exceptionalism / V.E. Shafer (ed.)*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

этому в них и устанавливались режимы капиталистической демократии, в рамках которой непреращение «буржуа» в «граждан» — норма.

Сказанное есть лишь эмпирическое подтверждение того, что *системная* теория превращения «буржуа» в «граждан», будь то гегелевская или иная, применительно к современности невозможна. В этих условиях «политическое гражданство» возникает только в виде события, возможность которого создается кризисами («смещениями», как выражался Э. Лаклау) современных политико-экономических систем, в логике, так сказать, «чрезвычайных положений», а «необходимым» его делают контингентные обстоятельства, относящиеся к компетенции исторической социологии, а не философии. Философии же остается только настаивать на принципиальной нетождественности «политического гражданства» и «юридического» и развивать теорию события как возможности актуализации «политического гражданства» при радикальных перестройках политических контекстов, образующих «конstellацию современности». Но это — немаловажная функция, учитывая необходимость противодействовать апологетике статус-кво и связанным с ней политическим дезориентациям.

Одной из таких дезориентаций и является идея «универсального гражданства» и связанное с ней представление о гражданском обществе как не имеющем никаких определенных исторических и политических границ сетеобразном «дискурсивном сообществе» (см. сноску 26). На эту идею и на такие представления можно было бы кратко ответить имеющим общетеоретическое значение определением Г.В.Ф. Гегеля: «Разумное есть именно то, что имеет в себе меру и предел»¹²⁶. Коли так, то «универсальное гражданство» и «безграничное» гражданское общество, несомненно, неразумны. Как и любые моралистические утопии,

¹²⁶ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. М.—Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 67.

спроецированные на мир политики и игнорирующие его «субстанцию» власти и конфликта.

Но в контексте данной работы нам важнее зафиксировать более частное теоретическое возражение. «Юридическому гражданству» при абстрагировании от власти, обеспечивающей его исполнение и наполняющей его конкретным содержанием, действительно, соответствует представление о гражданском обществе как о сфере (или пространстве), «свободной от принуждения ассоциированности людей» (об этом шла речь во второй части нашей книги). Но «политическому гражданству» соответствует другое понимание гражданского общества. В этой связи оно предстанет «определенным набором социальных практик, в которых действующие лица конституируются как *субъекты* и которые предполагают действия именно таких субъектов...»¹²⁷. Но такого рода практики, как и субъектная модальность существования политических акторов, тоже есть *события*, возникающие и исчезающие в зависимости от конкретных обстоятельств. Таким образом, политическое гражданское общество как форма производства политической гражданственности есть не постоянный структурный компонент современного общества (наряду с государством или рынком), а возникающая и исчезающая характеристика способа его деятельного самопреобразования¹²⁸. Именно это затушевывает парсонсовская концепция «социетального сообщества» и многочисленные либерально-демократические теории гражданского общества, так или иначе отправляющиеся от нее. И именно это позволяет понять, почему великие формации политического гражданского общества, возникшие в Центральной и Восточной Европе в период активной борьбы с «коммунизмом» («Со-

¹²⁷ Urry J. The Anatomy of Capitalist Societies: The Economy, Civil Society and the State. L.: Macmillan, 1981. P. 31.

¹²⁸ Подробнее об этом см.: Капустин Б. Что такое «гражданское общество»? // Критика политической философии. М.: Территория будущего, 2010. С. 36–38.

лидарность», «Гражданский форум», «Новый форум», «Саюдис» и т.д.), распались, увяли, превратились в базисные элементы «нормального» либерального гражданского общества, как только началась стабилизация посткоммунистического капитализма¹²⁹.

Но гражданское общество как форма производства политической субъектности и как «исторический блок» (А. Грамши), в котором такая субъектность реализуется, не может быть «безграничным». Оно необходимо противостоит и форме воспроизводства политической бессубъектности («нормальному» политическому процессу, предполагающему непревращение «буржуа» в «гражданин»), и своим противникам в виде альтернативных «исторических блоков». Равным образом, «политическая гражданственность» не может быть «универсальной». Она *есть* свобода, но в качестве свободы-как-действия (в отличие от моральной свободы как сознания свободы) она есть определенное социальное отношение к тем, чье всегда политически конкретное самоопределение это действие отрицает. Свобода-как-действие «делит и разделяет» и предполагает «асимметрию социальных состояний»¹³⁰. Тем самым современная политическая гражданственность воспроизводит оппозицию свободы и несвободы, которая как таковая была присуща и ее античному визави. Ее новизна по сравнению с ним состоит не в мнимой (кантовско-стоической) «универсальности», а в свойственном ей эффекте денатурализации данной оппозиции. Эта оппозиция — уже не неизменная, «естественная» данность («естественного рабства» и «естественной свободы»). Она есть сугубо историческое явление, которое в качестве такового открыто новым «ревизиям», производимым новыми явлениями «политической гражданственности».

¹²⁹ Яркое описание этих явлений см.: Baker G. The Taming of the Idea of Civil Society // Democratization. 1999. Vol. 6. No. 3.

¹³⁰ Более подробно об этом см.: Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 22.

Нам осталось ответить на один вопрос, поставленный в начале книги (см. сноску 10), хотя он не является для нас центральным. В чем причины резкой активизации дискуссий о гражданстве, начавшейся в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века и продолжающейся до сих пор? Среди таких причин указывают на рост миграционных потоков, вызванный глобализацией капитализма, и интеграционные процессы — и то и другое заставляют переосмыслить саму концепцию «национального гражданства». В качестве важной причины называют кризис welfare state и, соответственно, необходимость иначе понять «социальное гражданство» (с точки зрения некоторых — по-новому защищать его). Другая группа причин видится в дисфункциях представительной демократии, отчасти вызванных тем, что называют упадком политических добродетелей или деградацией «социального капитала», полагаемых необходимыми для полноценного политического гражданства. Говорят и о росте преступности, о расширении явлений маргинализации, одной из причин чего, как считают, выступает угасание чувства социальной ответственности, а оно является важной составляющей гражданственности.

Все же не случайно, как думается, старт современных дискуссий о гражданстве пришелся на конец 80-х — начало 90-х годов прошлого столетия и совпал с крахом «реального социализма» в Центре и на Востоке Европы, а также с практическим исчезновением левой альтернативы капитализму и капиталистической демократии. Классическая маршалловская постановка вопроса о «войне» между гражданством и капитализмом, не будучи, конечно, репрезентацией такой альтернативы, была «навевна» ее реальным или воображаемым присутствием. Закрывать тему о конфликте гражданства и капитализма есть способ справиться тризну по левой альтернативе. Тематика гражданства как замена тематики критики капитализма — это тоже важная причина активизации дискурса о гражданстве

(говоря точнее — либерально-демократического дискурса о нем).

Но есть своя причина для активизации дискурса о гражданстве и на его леворадикальной периферии. Подъем тематики «политического гражданства», осмысление гражданства как серии исторических практик сопротивлений власти и борьбы за освобождение и есть форма поиска новых способов критики капитализма в условиях его «триумфа», наступившего в конце 80-х — начале 90-х годов и идеологически не поколебленного даже глобальным кризисом 2008–2010 гг. Сможет ли развитие леворадикальных концепций гражданства внести вклад в формирование идеи новой левой альтернативы если не капитализму как таковому, то хотя бы его наиболее одиозным разновидностям, встречающимся и в центре, и на периферии мировой системы? Это важный в теоретическом и идеологическом планах вопрос, на который пока нет ответа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТОМАС ХЕМФРИ МАРШАЛЛ

Гражданство и социальный класс¹

Как в личном, так и в профессиональном плане мне было приятно получить приглашение выступить с этими лекциями². Но если моим личным ответом было искреннее и стеснительное признание, что это честь, на которую я не имел права рассчитывать, то моя профессиональная реакция была совершенно нескромной. Как мне казалось, социология имела полное право претендовать на свою долю в ежегодном чествовании Альфреда Маршалла, и я считал очень любезным, что университет, в котором социология пока еще не стала постоянной обительницей, готов поприветствовать ее как гостью. Возможно — и эта мысль приводит меня в смятение, — что в моем лице социология здесь проходит испытание. Если это так, я уверен, что могу положиться на вашу добросовестность и честность в оценках и готовность рассматривать любые достоинства, которые вы можете обнаружить в моих лекциях, как свидетельство научной значимости предмета, которым я занимаюсь. В то же время все, что покажется вам незначительным, банальным или необоснованным, будет отнесено на счет моих личных качеств, которые не присущи никому из моих коллег.

Я не буду защищать уместность моего предмета по отношению к данному случаю, утверждая, что Маршалл был социологом, поскольку, после того, как он отверг ранние привязанности к метафизике, этике и

¹ *Marshall T.H. Citizenship and Social Class // Marshall T.H. Citizenship and Social Class and Other Essays. Cambridge: University of Cambridge Press, 1950. P. 1–85.*

² Маршалловские лекции. Кембридж, 1949 г.

философии, он посвятил свою жизнь развитию экономики как независимой науки с собственными специальными методами исследования и анализа. Он сознательно избрал путь, явно отличный от того, которым шли Адам Смит и Джон Стюарт Милль. Расположение духа, с которым он сделал свой выбор, было отражено в инаугурационной лекции, представленной им здесь в Кембридже в 1885 г. Говоря об убеждениях Конта в существовании единой социальной науки, он сказал: «Нет сомнений, что если бы она существовала, экономическая наука с радостью нашла бы убежище под ее крылом. Но ее не существует, и ничто не говорит о ее становлении. Нет никакого смысла праздно ожидать ее, мы должны делать то, что мы можем, с теми силами, которыми мы сейчас располагаем»³. Таким образом, он защищал автономию и превосходство экономического метода, основанное на использовании власти денег. Они же «являются лучшим мерилем мотивов, с которым не может сравниться ничто иное»⁴.

Как вы знаете, Маршалл был идеалистом, столь глубоким, что Кейнс сказал о нем, что он «слишком стремился делать добро»⁵. Чего мне хотелось бы меньше всего — утверждать на этом основании, что он был социологом. Правда, что некоторые социологи страдали от подобного недуга благожелательности, даже во вред своим интеллектуальным свершениям, но я не согласен, когда экономистов отличают от социологов, говоря, что первыми движет голова, а вторыми — сердце. Ведь каждый честный социолог, как и каждый честный экономист, знает, что выбор целей или идеалов лежит за пределами социальной науки, находясь в рамках социальной философии. Но идеализм обусловил страстное желание Маршалла поставить науку экономику на

³ *Marshall A. The Present Position of Economics // Memorials of Alfred Marshall / A.C. Pigou (ed.). L.: Macmillan, 1925. P. 164.*

⁴ *Ibid. P. 158.*

⁵ *Keynes J.M. Alfred Marshall, 1842–1924 // Ibid. P. 37.*

службу политике, используя ее (как разумно использовать любую науку) для обнаружения природы и содержания проблем, с которыми имеет дело политика, и для оценки сравнительной эффективности альтернативных средств, направленных на достижение заданных целей. И он осознавал, что даже в случае проблем, которые совершенно естественным образом будут рассматриваться как экономические, наука экономика будет неспособна в полной мере выполнить эти две задачи.

Дело в том, что эти задачи предполагают рассмотрение социальных сил, с которыми не справиться измерительной рулетке экономиста, как Алисе не удавалось нанести удар по мячу для крокета головой фламिंगо. Пожалуй, именно поэтому Маршалл порой испытывал совершенно необоснованное разочарование в своих достижениях и даже выражал сожаление, что предпочел экономику психологии — науке, которая, возможно, могла бы подвести его ближе к пульсации жизненных сил общества и обеспечить более глубокое понимание человеческих чаяний.

Было бы очень просто процитировать многочисленные фрагменты, в которых Маршалл обращался к ускользающим факторам, в важности которых он был глубоко убежден, но я склонен ограничить мое внимание одной из его работ, тема которой очень близка к той, которую я сам избрал для этих лекций. Это доклад «Будущее трудящихся классов», прочитанный им в кембриджском клубе реформ в 1873 г. и затем перепечатанный в мемориальном томе под редакцией профессора Пигу. Между этими двумя изданиями есть небольшие текстуальные отличия, которые, насколько я понимаю, следует приписать самому Маршаллу, сделавшему поправки уже после того, как первоначальная версия вышла в печати в виде брошюры⁶. Мне на-

⁶ На частных условиях напечатано Томасом Тофтсом. Страницы относятся к этому изданию: *Marshall A. The Future of the Working Classes. Thomas Tofts, 1873.*

помнил об этой работе мой коллега, профессор Фелпс Браун, использовавший ее в своей инаугурационной лекции⁷. Столь же хорошо она подходит и для моей сегодняшней задачи, поскольку в ней Маршалл, рассматривавший одну из граней проблемы социального равенства с позиций экономических издержек, непосредственно подошел к тем рубежам, за которыми лежит территория социологии, пересек их и совершил небольшой экскурс на противоположную сторону. Его действия можно охарактеризовать как вызов, брошенный социологии, чтобы она послала эмиссара, который встретил бы его на границе и присоединился к нему, чтобы вместе превратить ничейную землю в общее благо. Я достаточно самонадеян, чтобы как историк и социолог принять этот вызов и отправиться в путь к экономическим рубежам все той же общей темы — проблемы социального равенства.

В своем кембриджском докладе Маршалл поставил вопрос: есть ли веские основания считать, что улучшение положения трудящихся классов имеет непреодолимые пределы? «Вопрос, — говорит он, — не в том, будут ли, в конечном счете, все люди равны. Этого, безусловно, не будет. Вопрос в том, может ли прогресс неуклонно, пусть и медленно, привести к тому, что каждый человек, по крайней мере по роду своих занятий, достигнет благородного положения. Я утверждаю, что может и что он приведет именно к этому»⁸. Его вера основывалась на убеждении, что определяющей чертой трудящихся классов был тяжелый и непомерный труд и что объем такого труда можно сильно сократить. Оглядываясь вокруг, он приходил к тому, что квалифицированные ремесленники, труд которых не был мертвящим и саморазрушительным, приближались к тому состоянию, которое он рассматривал как конечное всеобщее достижение. Они учатся

⁷ См.: *Phelps Brown E.H. Prospects of Labour // Economica. 1949. Vol. 16. No. 61. P. 1–10.*

⁸ *Marshall A. The Future of the Working Classes. P. 3, 4.*

(утверждал он) ценить образование и досуг больше, чем «простой рост заработной платы и материальные удобства». Они «неуклонно развивают собственную независимость и отважное самоуважение и, таким образом, вежливое уважение к другим; они неуклонно принимают частные и публичные обязанности гражданина; принимают ту истину, что они — люди, а не машины для производства. Они последовательно обретают благородство»⁹. Когда развитие техники сведет тяжелый труд к минимуму, который будет распределен понемногу между всеми, тогда, «в той мере, в какой трудящиеся классы — это люди, выполняющие непомерный труд, трудящиеся классы будут упразднены»¹⁰.

Маршалл осознавал, что его могли обвинить в соглашении с идеями социалистов, чьи работы, по его собственным словам, он всю свою жизнь изучал с большой надеждой и огромным разочарованием. Поэтому он заявлял: «Представленная картина будет напоминать в некоторых аспектах те, что рисовали нам социалисты, эти благородные наивные энтузиасты, приписывавшие всем людям столь же беспредельную способность к самозабвенной добродетели, которую они находят у себя в груди»¹¹. Его ответ заключался в том, что его система фундаментальным образом отличалась от социализма, поскольку должна была сохранить сущностные черты свободного рынка. Однако он считал, что государство должно будет некоторым образом использовать свою способность к принуждению, чтобы эти идеи были воплощены в жизнь. Оно

⁹ Ibid. P. 6.

¹⁰ Ibid. P. 16.

¹¹ Ibid. P. 9. Переработанная версия этого абзаца существенно отличается. Там утверждается: «Представленная картина будет напоминать в некоторых аспектах те, что рисовали нам некоторые социалисты, приписывающие всем людям...» и т.д. Неодобрение выражено уже не столь широко, и Маршалл уже не говорит обо всех социалистах, *en masse*, в прошедшем времени: Marshall A. The Future of the Working Classes // Memorials of Alfred Marshall / A.C. Pigou (ed.). P. 109.

должно заставлять детей ходить в школу, поскольку человек необразованный не способен оценить, а потому и свободно выбрать то хорошее, что отличает жизнь человека благородного от трудящихся классов. «Оно обязано заставлять их и помогать им сделать первый шаг по пути наверх; и оно обязано помогать им, если они пожелают, сделать много шагов по пути наверх»¹². Обратите внимание, что только первый шаг принудителен. Как только возникает способность выбирать, должен возобладать свободный выбор.

Работа Маршалла была построена вокруг социологической гипотезы и экономических расчетов. Расчеты подтверждали его ожидания, что мировые ресурсы и производительность должны быть достаточными в качестве материальной основы, необходимой для того, чтобы каждый человек был благородным. Иными словами, потребность в затратах на всеобщее образование и уничтожение тяжелого и непомерного труда могут быть удовлетворены. Нет непреодолимых пределов для улучшения положения трудящихся классов — во всяком случае, в том смысле, который Маршалл рассматривал как цель. Решая эти задачи, Маршалл использовал обыкновенный инструментарий экономиста, хотя и соглашаясь с тем, что он применялся к проблеме, предполагающей спекуляции высокого уровня.

Социологическая гипотеза не лежит явным образом на поверхности. Нужны небольшие раскопки, чтобы открыть ее полную форму. Ее сущность заключена в процитированных мною утверждениях. Но Маршалл дает нам дополнительную подсказку, замечая, что когда мы говорим о том, что человек принадлежит к трудящимся классам, «мы думаем скорее о том, какое воздействие его труд оказывает на него, а не о том, какое воздействие он оказывает на предмет своего труда»¹³. Это утверждение явно не того рода, что мы рассчи-

¹² *Marshall A. Op. cit.* P. 15.

¹³ *Ibid.* P. 5.

тываем услышать от экономиста, и в действительности вряд ли будет справедливо рассматривать его как определение как таковое или подвергать детальному и критическому рассмотрению. Эта фраза преследовала цель зацепиться за воображение и показать то общее направление, в котором двигалась мысль Маршалла. И это направление уходило от количественных оценок стандартов уровня жизни с точки зрения потребления товаров и услуг в сторону качественной оценки уровня жизни как таковой с точки зрения сущностных аспектов цивилизации или культуры. Он считал справедливым и подобающим широкий диапазон количественного или экономического неравенства, но порицал качественное неравенство или различие между человеком, который «по крайней мере, по роду своих занятий достиг благородного положения», и человеком, который не достиг этого. Я думаю, мы можем, не совершая насилия в отношении смысла, который вкладывал в это слово Маршалл, заменить слово «благородный» на «цивилизованный». Поскольку ясно, что он говорил о том, что в качестве стандарта цивилизованной жизни должны рассматриваться условия, которые в его поколении были присущи людям благородным. Мы можем продолжить эту мысль, утверждая, что воспользоваться этими условиями означает претендовать на определенную долю общественного наследия, что, в свою очередь, означает претензию на полноценную принадлежность к этому обществу, т.е. на то, чтобы быть гражданином.

Такова, на мой взгляд, неявная социологическая гипотеза, содержащаяся в работе Маршалла. В ней утверждается, что существует базовое равенство людей, связанное с представлением о человеке как полноценном представителе сообщества или, я бы сказал, гражданине, что не исключает различных форм неравенства, возникающих на разных уровнях экономики данного общества. Иными словами, неравенство в рамках социально-классовой системы может быть прием-

лемым, если наличествует признанное равенство граждан. Маршалл не соотносил благородный образ жизни со статусом гражданина. Поступить таким образом означало бы выразить этот идеал с позиций юридических прав, которые распространялись бы на всех людей. Это, в свою очередь, возложило бы ответственность за честное и справедливое обеспечение этих прав на плечи государства, что шаг за шагом привело бы к актам государственного вмешательства, по поводу которых он выразил бы сожаление. Когда он упоминал гражданство как нечто, что учились ценить квалифицированные ремесленники, развивая в себе благородство, он отмечал только их обязанности, но не права. Он представлял его как образ жизни, вырастающий изнутри человека, а не преподносимый ему извне. Он признавал только одно безусловное право — право ребенка на образование, и только в этом случае допускал возможность принуждения со стороны государства для достижения этой цели. Вряд ли он мог бы пойти дальше, не ставя под угрозу свой собственный критерий, отличающий его систему от любой формы социализма, — сохранение свободы конкурентного рынка.

Тем не менее его социологическая гипотеза лежит очень близко к нашим сегодняшним проблемам, как это было и три четверти века тому назад. На самом деле даже ближе. Базовое равенство людей как представителей общества, на которое, как я утверждаю, он намекал, было обогащено новым смыслом и расширено внушительным списком прав. Оно получило куда большее развитие, чем он мог предвидеть или желал бы. Оно явно соотносится со статусом гражданина. И сейчас, когда мы рассмотрели его гипотезу и заново поставили вопросы, ответы остались прежними.

По-прежнему ли базовое равенство, обогащенное в содержательном отношении и воплощенное в формальных правах гражданина, совместимо с социально-классовым неравенством? Я утверждаю: наше общество сегодня подразумевает, что это по-прежнему

совместимо и гражданство само по себе стало в некотором смысле основой легитимного социального неравенства. По-прежнему ли базовое равенство можно создать и поддерживать без вмешательства в свободу конкурентного рынка? Разумеется, это не так. Наша современная система — это откровенно социалистическая система, а не та, которую авторы, подобные Маршаллу, страстно желали противопоставить социализму. Но столь же очевидно и то, что рынок (в определенных рамках) по-прежнему функционирует. На этой почве возможен конфликт принципов, требующий объяснения. И каковы же следствия этого явного смещения акцентов с обязанностей на права? Является ли оно неотъемлемой и неотвратимой чертой современного гражданства?

Наконец, я хочу поставить исходный вопрос Маршалла в новой формулировке. Он спрашивал, есть ли пределы, за которые улучшение положения трудящихся классов выйти не может, и рассматривал эти пределы с точки зрения природных ресурсов и производительности. Я спрошу, есть ли пределы, за которые современное стремление к социальному равенству не может выйти, или маловероятно, что выйдет, и я буду размышлять не об экономических затратах (оставлю этот насущный вопрос экономистам), но о пределах, заключенных в принципах, вдохновляющих это стремление. Но современное стремление к социальному равенству, по моему убеждению, представляет собой последнюю фазу в эволюции гражданства, продолжающейся последние два с половиной столетия. Таким образом, моей первой задачей будет подготовить почву для наступления на проблемы современности, ненадолго углубившись в недра истории.

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСТВА К КОНЦУ XIX В.

Я поступлю как типичный социолог, если начну с того, что предложу выделить в гражданстве три со-

ставляющие. Но в данном случае анализ будет руководствоваться историей даже более явно, чем логикой. Я назову эти три составляющих (или элемента) гражданско-правовым, политическим и социальным гражданством. Гражданско-правовой элемент представлен правами, необходимыми для личной свободы или свободной личности, — свободой слова, мысли и совести, правом обладания собственностью и заключения соответствующих контрактов и правом обращения к правосудию. Последнее право относится к другому роду, чем прочие, поскольку оно представляет собой право защищать и утверждать свои права с точки зрения равенства с другими людьми и посредством закона. Это показывает нам, что институтами, наиболее прямо ассоциирующимися с гражданскими правами, являются суды. Под политическим элементом я понимаю право принимать участие в осуществлении политической власти в качестве представителя органа, обладающего политической властью, или избирателя представителей этих органов. Соответствующими институтами являются парламент и местные советы. Под социальным элементом я понимаю весь спектр прав — от права на определенное экономическое благосостояние и безопасность до права на приобщение к культурному наследию и права жить цивилизованной жизнью в соответствии с существующими в обществе стандартами. Наиболее тесно связанными с ним институтами являются система образования и система социального обеспечения¹⁴.

В прежние времена эти три нити были сплетены воедино. Права были смешаны, поскольку институты были слиты. По утверждению Мейтленда, «чем дальше мы углубляемся в нашу историю, тем труднее прове-

¹⁴ Исходя из этой терминологии, то, что экономисты иногда называют «доходом с гражданских прав», будет называться «доходом с социальных прав» (см.: Dalton H. Some Aspects of the Inequality of Incomes in Modern Communities. N.Y.: E.P. Dutton and Co., 1920. Part 3. Ch. 3–4).

сти четкие демаркационные линии между различными функциями государства: один и тот же институт играет роль законодательной ассамблеи, правительственного совета и суда... Всюду, где мы наблюдаем переход от древности к современности, мы видим то, что модная философия называет дифференциацией»¹⁵. Мейтленд говорит здесь о сплаве политических и гражданских институтов и прав. Но социальные права человека также были частью все той же амальгамы и производны от статуса, который определял и то, на какое правосудие можно было рассчитывать, где его можно было получить и в каком качестве можно было принять участие в управлении делами сообщества, представителем которого этот человек являлся. Но этот статус не был гражданством в нашем современном понимании. В феодальном обществе статус был отличительным признаком класса и мерил неравенства. Не было никакого единообразного свода прав и обязанностей, которым все люди (благородные и простые, свободные и крепостные) были бы наделены в силу того, что они являлись представителями общества. В этом смысле не существовало никакого принципа равенства граждан перед лицом классового неравенства. С другой стороны, в средневековых городах можно было найти примеры подлинного и равного гражданства. Но присущие ему специфические права и обязанности были строго локальными, в то время как гражданство, историю которого я пытаюсь проследить, по определению носит национальный характер.

Его эволюция была двойственным процессом, сочетающим в себе объединение и разделение. Объединение было географическим, а разделение — функциональным. Первый важный шаг произошел в XII в., когда был создан королевский суд, обладавший властью определять и защищать гражданские права личности, как они тогда понимались, основываясь не на

¹⁵ *Maitland F.W. The Constitutional History of England. Cambridge: Cambridge University Press, 1908. P. 105.*

местных традициях, а на общем праве страны. Как институты суды были общегосударственными, но специализированными. Затем возник парламент, сконцентрировавший в себе политические полномочия государственного управления, избавленный от всех судебных функций, за исключением тех, которые раньше принадлежали Большому королевскому совету (*Curia Regis*) — этой «своего рода конституционной протоплазме, из которой со временем разовьются королевские советы, палаты парламента и суды»¹⁶. Наконец, социальные права, укорененные в принадлежности к сообществу деревни, города или гильдии, постепенно растворялись в ходе экономических изменений, пока не остался один Закон о бедных, который опять-таки был специализированным институтом, имевшим общегосударственное основание, хотя и продолжал работать на местном уровне.

Это привело к двум важным следствиям. Во-первых, когда институты, от которых зависели три элемента гражданства, разошлись, для каждого из них стало возможным развиваться автономно, со своей скоростью и особыми принципами. Длительное время они шли разными дорогами, и только в нашем веке (я бы даже сказал, в последние несколько месяцев) эти три путника вышли на одну линию.

Во-вторых, институты, которые были национальными и специализированными, не могли быть столь же тесно включены в жизнь социальных групп, которым они служили, как институты, действовавшие на местном уровне или имевшие общий характер. Удаленность парламента была просто результатом размера территории. Удаленность судов была обязана специфике права и процедурам, в силу чего гражданам приходилось нанимать экспертов в области права, которые могли бы давать советы о том, какими правами они обладают и как их отстаивать. Нужно еще и еще раз

¹⁶ *Pollard A.F. The Evolution of Parliament. L.: Longmans, Green and Company, 1920. P. 25.*

обратить внимание на то, что в Средние века участие в общественных делах было в большей мере обязанностью, чем правом. Мужчины должны были участвовать в судебных процессах, соответствующих их классу и месту проживания. Суд принадлежал им, а они ему. Они имели к нему доступ, поскольку он нуждался в них и они знали о его делах. Но результатом этого двойственного процесса объединения и разделения было то, что механизмы, дававшие доступ к институтам, от которых зависели права граждан, должны были создаваться заново. В случае политических прав всем знакома история избирательных прав и ограничений на членство в парламенте. В случае гражданских прав ситуация зависела от юрисдикции различных судов, привилегий юристов и, прежде всего, способности оплачивать издержки судебного процесса. В случае социальных прав решающее значение имел Закон об оседлости и перемещении, а также различные способы проверки нуждаемости. Работа всех этих механизмов предполагала не просто решение вопроса о том, какие права признавались в принципе, но и о том, в какой мере права, признанные в принципе, могли осуществляться на практике.

Когда эти три элемента гражданства институционально разошлись между собой, они по сути перестали взаимодействовать друг с другом. Не особенно греша против исторической точности, становление современных форм каждого из этих элементов можно отнести к разным столетиям: гражданских прав — к XVIII в., политических — к XIX в., а социальных — к XX в. Конечно, к такой периодизации нужно подходить с определенной гибкостью, поскольку иногда эти процессы становления накладывались друг на друга (особенно в двух последних случаях).

Для того чтобы XVIII век предстал в качестве периода становления гражданских прав, его границы придется отодвинуть в прошлое — дабы он включал в себя Хабеас корпус, Акт о веротерпимости, упразд-

нение цензуры в прессе. Также раздвинем границу в будущее, чтобы охватить эмансипацию католиков, отмену законов об объединениях и успешное окончание битвы за свободу прессы, связанное с именами Коббета и Ричарда Карлайла. Более точно, но менее кратко его можно было бы описать как период между [Славной] революцией и первым Актом о реформе. К концу этого периода, когда политические права начали делать первые робкие шаги в 1832 г., гражданские права уже находились в распоряжении людей и, в главном, пробили себе путь к тем формам, которые существуют и сегодня¹⁷. «Особым вкладом более раннего ганноверского периода, — пишет Тревельян, — было установление правления закона; а этот закон, со всеми его тяжелыми ошибками, был все-таки законом свободы. На этом прочном основании были построены все наши последующие реформы»¹⁸. Это достижение XVIII в., прерванное Французской революцией и завершенное после нее, было в значительной мере результатом работы судов — как повседневной их практики, так и ряда особых ситуаций, в которых они боролись с парламентом, защищая личные свободы. Наиболее прославленным актером этой драмы был Джон Уилкс, и хотя мы можем сожалеть, что он не располагал теми благородными и праведными качествами, которые мы бы хотели видеть в наших национальных героях, мы не имеем права сетовать на то, что иногда дело свободы отстаивают либертины.

В области экономики базовым гражданским правом является право на труд, то есть право человека на выбор определенного занятия в избранном им месте, ограниченное только законными требованиями спе-

¹⁷ Наиболее важным исключением является право на забастовку, но условия, сделавшие это право жизненно важным для трудящихся и приемлемым в политическом плане, тогда еще не наступили.

¹⁸ Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. С. 367.

циальной подготовки. Это право отрицали и статут, и обычай. С одной стороны, это был елизаветинский Статут о ремесленниках, который ограничивал профессиональные возможности для лиц, принадлежащих к определенным социальным классам. С другой стороны, существовали местные обычаи, закреплявшие возможность найма в городе за его жителями и превращавшие ученичество у мастера скорее в институт исключения из полноправного участия в профессии, чем в форму найма. Признание права на труд включало в себя правовое оформление фундаментальных изменений в сложившихся практиках. Первоначальное допущение, что местные и групповые монополии служили общественным интересам, потому что «торговля и перевозки не могут поддерживаться и расширяться в отсутствие порядка и правительства»¹⁹, сменилось новым допущением, что подобные ограничения были нарушением свободы субъекта и проклятием для процветания нации. Как и в случае других гражданских прав, суды играли решающую роль в защите и продвижении нового принципа. Обычное право предоставляло судьям гибкость в принятии решений — они могли применять его таким образом, который почти незаметно учитывал значительные изменения в обстоятельствах и мнениях, превращая тем самым со временем ереси прошлого в ортодоксии настоящего. Обычное право в значительной мере опиралось на здравый смысл, как показывает решение, вынесенное судьей Холтом в деле «мэр Уинтона против Уилкса» (1705): «Все люди свободны жить в Винчестере. Как их можно там лишать законных средств к существованию? Подобный обычай причиняет вред некоторым людям и наносит ущерб обществу»²⁰. Обычай был одним из двух главных препятствий изменениям. Но так как

¹⁹ City of London Case (1610). Подробное рассмотрение всей истории см.: *Heckscher E.F. Mercantilism. Vol. 1. L.: Allen and Unwin, 1935. P. 269–325.*

²⁰ King's Bench Reports (Holt). P. 1002.

старые обычаи, строго говоря, есть лишь разновидность обычаев в современном понимании (как общепринятого образа жизни), их оборона начала трещать по швам под ударами обычного права, которое еще в 1614 г. выразило свое неприятие «всех монополий, запрещающих кому-либо заниматься любым законным делом»²¹. Вторым препятствием было статутное право, и судьи наносили острые выпады даже против этого достойного соперника. В 1756 г. лорд Мэнсфилд даже назвал елизаветинский Статут о ремесленниках преступным законом, ограничивающим естественные права и противоречащим общему праву королевства. Он добавил, что «политика, на которой основывался Акт, как мы можем судить из имеющегося опыта, является сомнительной»²².

К началу XIX в. этот принцип личной экономической свободы стал восприниматься как аксиома. Вы наверняка знакомы с цитируемым Веббами отрывком из доклада Избранного комитета 1811 г., в котором утверждается, что «никакое вмешательство законодателя в свободные промышленные отношения или нарушение им права каждой личности располагать своим временем или работой так, как ей заблагорассудится, не может иметь места без того, чтобы не были нарушены общие принципы первостепенного значения с точки зрения процветания и счастья страны»²³. Вскоре последовала отмена елизаветинских статутов как запоздалое признание уже случившейся революции.

История гражданских прав в период их становления — это история постепенного добавления новых прав к уже существующему статусу, которым обладали все взрослые представители сообщества или, по крайней мере, все мужчины, так как статус женщин (во всяком случае, замужних) имел важную специфику. Эта

²¹ *Heckscher E.F. Mercantilism. Vol. 1. P. 283.*

²² *Ibid. P. 316.*

²³ *Вебб С., Вебб Б. История тред-юнионизма. Вып. 1. М.: ВЦСПС, 1924. С. 74.*

демократическая или универсальная природа статуса произрастала естественным образом из того факта, что, в сущности, это был статус свободного человека. В Англии XVII в. все люди были свободными. Подневольное положение или крепостная зависимость по рождению в дни Елизаветы были очевидным анахронизмом, и вскоре они отмерли. Профессор Тоуни описывал этот переход от зависимого труда к свободному как «поворотный пункт в развитии экономического и политического общества» и «окончательный триумф обычного права» в регионах, которые были исключены из него в течение четырех веков. С того времени английский крестьянин «являлся представителем общества, в котором, по крайней мере номинально, закон был един для всех»²⁴. Свобода, которую его предки получали, убегая в города, теперь была у него по праву. В городах понятия «свобода» и «гражданство» были взаимозаменяемыми. Когда свобода стала всеобщей, гражданство поднялось с местного уровня на уровень общегосударственного института.

История политических прав отличается от этого как по времени, так и по характеру. Как я уже сказал, период их становления пришелся на XIX в., когда гражданские права, прилагавшиеся к статусу свободного человека, уже получили достаточное значение, позволяющее нам говорить об общем гражданском статусе. И когда он начался, становление политических прав заключалось не в возникновении новых прав, расширяющих уже ставший всеобщим гражданский статус, а в предоставлении существующих прав новым группам населения. В XVIII в. политические права были ущербными — не столько по содержанию, сколько по их распространенности, т.е. они были ущербными по стандартам демократического гражданства. В чисто количественном плане Акт 1832 г. сделал мало для того, чтобы преодолеть эту ущербность. После его

²⁴ *Tawney R.H. Agrarian Problem in the Sixteenth Century. L.: Longmans, 1912. P. 43–44.*

принятия избирателями по-прежнему были менее одной пятой взрослого мужского населения [Англии]. Право голоса по-прежнему было групповой монополией, но существовавшей уже согласно идеям капитализма XIX в., т.е. монополией, которую можно было с некоторой долей правдоподобия назвать открытой, а не закрытой. Закрытая групповая монополия — это такая монополия, в которую ни один человек, находящийся вне ее, не в состоянии пробиться собственными усилиями. Вопрос о допуске в нее находится исключительно в ведении существующих членов группы. Под это описание подходят условия права голоса до 1832 г., и они не слишком широки — вследствие обусловленности права голоса обладанием земельной собственностью типа фригольда. Фригольд не всегда можно было приобрести даже при наличии достаточных для этого денег, особенно в то время, когда землевладельцы видят в своих землях не только экономическую, но и социальную основу собственного существования. Поэтому Акт 1832 г., отменивший устаревшие условия участия в выборах и расширивший право голоса на арендаторов земли и владельцев значительных состояний, открыл монополию, признав политические претензии тех, кто мог предоставить явные свидетельства успеха в экономической борьбе.

Если мы утверждаем, что в XIX в. с точки зрения гражданских прав гражданство было всеобщим, то политическое право голоса тогда еще не было правом гражданина. Оно было привилегией ограниченного экономического класса, хотя его границы расширялись каждым последующим Актом о реформе. Тем не менее в этот период гражданство не было бессмысленным с политической точки зрения. Оно не предоставлялось как право, но признавалось как возможность. Ни один находящийся в здравом уме и законопослушный гражданин не был лишен права избирать и быть избранным на основе личного статуса. Он имел возможность зарабатывать деньги, копить, приобретать

собственность или арендовать дом, чтобы получить политические права, сопутствовавшие этим экономическим достижениям. Его гражданские права давали ему потенциальное политическое право, а избирательная реформа позволяла ему получить его.

Как мы увидим, для капиталистического общества XIX в. было естественно рассматривать политические права как вторичный результат гражданских. Столь же естественным было и то, что в XX в. произошел отказ от этой позиции, и политические права стали прямой и независимой составляющей гражданства как такового. В целом эти жизненно важные изменения произошли после Акта 1918 г., утвердившего всеобщее право голоса для мужчин посредством смещения базиса политических прав с экономического положения к личному статусу. Я сознательно говорю о мужчинах, чтобы подчеркнуть значение этой реформы по сравнению с другой, не менее важной реформой, состоявшейся в то же время, а именно — предоставлением права голоса женщинам. Но Акт 1918 г. не привел ко всеобщему политическому равенству с точки зрения гражданства. Пережитки этого неравенства, основанные на различиях в экономическом положении, продолжались до недавнего времени, и только в прошлом году была, наконец, упразднена возможность голосовать несколько раз (сократившаяся к тому моменту до двух раз).

Относя периоды становления трех элементов гражданства к разным векам: гражданских прав — к XVIII в., политических — к XIX, а социальных — к XX в., я говорил о том, что в последних двух случаях эти процессы существенным образом накладывались друг на друга. Я предлагаю ограничить то, что собираюсь сказать сейчас о социальных правах, этим частичным совпадением, чтобы я смог завершить мой исторический очерк XIX в. и сделать выводы из него, прежде чем обратиться ко второй части моей темы — исследованию современного положения и его непосредственных предпосылок. Во втором акте драмы в центр сцены выйдут социальные права.

Изначальным источником социальных прав была принадлежность к местным сообществам и функциональным ассоциациям. Этот источник был дополнен и со временем заменен Законом о бедных и системой регулирования заработной платы, которые были разработаны на общегосударственном уровне, а воплощались в жизнь на местном. Система регулирования заработной платы была в упадке в XIX в. Это произошло не только из-за того, что изменения в промышленности делали ее невозможной с административной точки зрения, но также и потому, что она была несовместима с новой концепцией гражданских прав в экономической сфере, в которой делался акцент на праве работать в любом месте на основе лично заключаемого контракта. Регулирование заработной платы посягало на этот индивидуалистический принцип свободного контракта найма на работу.

Закон о бедных находился в довольно двусмысленном положении. Елизаветинское законодательство сделало из него нечто большее, чем средство помощи нуждающимся и борьбы с бродяжничеством. Его конструктивные цели предлагали трактовку общественного благосостояния, напоминавшую о более примитивных, хотя и более подлинных социальных правах, на смену которым в значительной мере пришел этот закон. В конечном счете елизаветинский Закон о бедных был одним из элементов широкой программы экономического планирования, общей целью которой было не создание нового общественного порядка, а сохранение существующего с минимум крупных изменений. Когда структура старого порядка начала распадаться под ударами конкурентной экономики и план пришел в упадок, Закон о бедных оказался изолированным пережитком на фоне исчезающей идеи социальных прав. Но в самом конце XVIII в. произошло окончательное столкновение старого и нового, планируемого (или структурированного) общества и конкурентной экономики. И в этой борьбе оконча-

тельно свершилось разделение прежнего комплекса гражданства — социальные права оказались на стороне старого порядка, а гражданские — нового.

В своей книге «Великая трансформация» Карл Полянши придает системе помощи бедным, известной как Спинхемлендская система, значение, которое многим читателям может показаться удивительным²⁵. Похоже, что для него она означает и символизирует конец эпохи. С ее помощью старый порядок сплотил свои отступающие силы и перешел в энергичное наступление на территорию врага. Так, по крайней мере, я хотел бы описать ее значение для истории гражданства. В сущности, спинхемлендская система предлагала гарантированную минимальную заработную плату и пособие на семью вместе с правом на труд или на средства к существованию. Это даже по современным стандартам — существенный набор социальных прав, далеко выходящий за пределы собственного назначения Закона о бедных. И авторы этого плана ясно понимали, что Закон о бедных должен был заниматься тем, с чем уже не справлялось регулирование заработной платы. В силу этого Закон о бедных был последним реликтом системы, пытавшейся соотнести реальный доход с социальными потребностями и гражданским статусом работника, а не только с рыночной стоимостью его труда. Но эта попытка ввести элемент социального обеспечения непосредственно в структуру системы заработной платы посредством механизмов Закона о бедных была обречена на неудачу — не только из-за ее катастрофических практических последствий, но и вследствие ее предосудительного (с точки зрения господствовавшего тогда духа времени) характера.

Из этого краткого эпизода нашей истории мы видим, что Закон о бедных решительно стоял на страже социальных прав гражданства. Очевидно, что в следующей

²⁵ См. : Полянши К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 92–118.

фазе нападающая сторона была вынуждена отступить от своих первоначальных позиций. Актом 1834 г. Закон о бедных был лишен возможности вмешиваться в систему оплаты труда и препятствовать действию сил свободного рынка. Он предлагал помощь только тем, кто в силу возраста или болезни неспособен был продолжить борьбу, а также другим слабым, которые от нее отказались, признали поражение и молили о помощи. Но ожидаемое продвижение в сторону социальной защиты было обращено вспять. Более того, минимальные социальные права, которые все еще сохранялись на практике, были отделены от статуса гражданства. Закон о бедных рассматривал претензии бедняков не как неотъемлемую часть их прав в качестве граждан, а как альтернативу им, как претензии, которые могли быть удовлетворены только в том случае, если люди, их заявлявшие, отказывались быть гражданами в истинном смысле этого слова. На практике пауперы лишались гражданских прав личной свободы, когда их помещали в работные дома. Также закон лишал их любых политических прав, которыми они могли обладать. Это поражение в правах, заключающееся в лишении права голоса, сохранялось вплоть до 1918 г., и вся важность окончательного отказа от него, пожалуй, еще не была оценена нами в полной мере. Клеймо, неотделимое от помощи бедным, выражало глубинные убеждения людей, полагавших, что ее получатели переступили черту, отделявшую сообщество граждан от компании нуждающихся изгоев.

Закон о бедных — это не единственный пример расхождения социальных прав с гражданским статусом. Ранние фабричные акты выражают ту же тенденцию. Хотя фактически они привели к улучшению условий труда и сокращению продолжительности рабочего дня для всех занятых в отраслях, на которые они распространялись, фабричные акты методично воздерживались от того, чтобы обеспечить эту защиту непосредственно взрослому мужчине как гражданину *par*

excellence. И это происходило из уважения к его гражданскому статусу — на том основании, что вынужденные меры по защите ограничивали гражданское право на заключение свободного контракта найма. Защита предоставлялась женщинам и детям, поборники прав женщин вскоре увидели в этом обстоятельстве оскорбление. Женщин защищали потому, что они не были гражданами. Если бы они хотели пользоваться полным и ответственным гражданством, то должны были отказаться от защиты. К концу XIX в. этот аргумент вышел из употребления, и фабричный кодекс превратился в одну из опор доктрины социальных прав.

История образования обнаруживает поверхностное сходство с фабричным законодательством. В обоих случаях XIX в. был в основном периодом, когда закладывались основы социальных прав, но принцип социальных прав как неотъемлемой части статуса гражданства либо категорически отрицался, либо не получал явного признания. Но были и существенные отличия. Образование, как это признавал Маршалл, выделивший его в качестве подходящего объекта для государственного вмешательства, — уникальное благо. Конечно, можно сказать, что признание права ребенка на образование влияет на гражданский статус не больше, чем признание права ребенка на защиту от сверхурочной работы и опасного оборудования, по той простой причине, что дети по определению не могут быть гражданами. Но это утверждение вводит в заблуждение. Образование ребенка имеет прямое отношение к гражданству, и когда государство гарантирует всем детям право на образование, оно подразумевает условия и природу гражданства. Оно пытается стимулировать развитие становящихся на ноги граждан. Право на образование — это истинное социальное право гражданина, поскольку целью образования ребенка является формирование будущего взрослого. И здесь нет противоречия с гражданскими правами, как они понимались в эпоху индивидуализма, потому

что гражданские права предназначены для разумных и образованных людей, научившихся читать и писать. Образование является необходимой предпосылкой гражданских свобод.

Но к концу XIX в. начальное образование было не только бесплатным, но и обязательным. Этот показательный отход от принципов *laissez faire*, конечно, можно было оправдать тем, что свободный выбор — это право, доступное только зрелым умам, что детям естественно прививать дисциплину и что родителям нельзя доверять в том, что служит наилучшим способом интересам их детей. Но этот принцип лежит глубже данных соображений. Здесь мы видим личное право в сочетании с общественной обязанностью применять это право. Можно ли говорить о том, что данная общественная обязанность возлагается на личность только для ее же блага? Ведь дети неспособны в полной мере оценить свои интересы, а родители могут не годиться для их просвещения. Я не думаю, что это может быть адекватным объяснением. С течением XIX в. все больше и больше приходило понимание того, что политической демократии нужны образованные избиратели, а технологичному производству — образованные рабочие и специалисты. Таким образом, долг совершенствоваться и цивилизовывать себя — это общественная, а не только личная обязанность, поскольку социальное здоровье общества зависит от цивилизованности его членов. И сообщество, которое поощряет исполнение этой обязанности, начинает осознавать, что его культура — это органическая целостность, а цивилизация — национальное наследие. Следовательно, расширение общественного начального образования в XIX в. было первым и решающим шагом на пути нового раунда становления социальных прав в XX в.

Когда Маршалл читал свой доклад Кембриджскому клубу реформ, государство только готовилось к тому, чтобы принять на себя ответственность, которую он возлагал на него, говоря, что оно было «обязано за-

ставлять их [детей] и помогать им сделать первый шаг по пути наверх». Но это не значило, что государство собиралось идти так далеко, чтобы осуществить идеал Маршалла сделать каждого человека благородным. Во всяком случае, оно не стремилось к этому. На тот момент мало что говорило о желании «помогать им, если они пожелают, сделать много шагов по пути наверх». Идея витала в воздухе, но она не была основной чертой политики. В начале 1890-х гг. Совет Лондонского графства посредством своей Коллегии по техническому образованию ввел систему стипендий, которую Б. Вебб очевидным образом рассматривала как имевшую эпохальное значение. Вот что она писала по этому поводу: «В своей направленности на народ это была образовательная лестница невиданных масштабов. И действительно, среди всех образовательных лестниц она была самой большой, продуманной по организации «приема» и поощрения, самой разветвленной по уровням и направлениям подготовки из существовавших где-либо в мире»²⁶. Энтузиазм этих слов позволяет нам увидеть, как далеко продвинулись сегодня наши стандарты.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСТВА НА СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС

До сих пор моей задачей было проследить очертания развития гражданства в Англии к концу XIX в. С этой целью я разделил гражданство на три элемента: гражданско-правовой, политический и социальный. Я попытался показать, что первыми сложились гражданские права. Они утвердились в форме, похожей на современную, еще до первого Акта о реформе, принятого в 1832 г. Затем настал черед политических прав. Их расширение было одной из главных особенностей XIX в., хотя принцип всеобщего политического гражданства не признавался до 1918 г. С другой стороны,

²⁶ *Webb B. Our Partnership. L.: Longman, 1948. P. 79.*

социальные права практически исчезли в XVIII — начале XIX в. Их возрождение началось с развитием общественного начального образования, однако они встали вровень с двумя другими элементами гражданства не ранее XX столетия.

До сих пор я ничего не сказал о социальном классе, и здесь я должен пояснить, что он играет в моем изложении второстепенную роль. Я не собираюсь погружаться в длительное и сложное объяснение его природы и анализировать его компоненты. Время не позволяет мне рассмотреть столь обширную тему. Прежде всего, меня заботит гражданство, и моим главным интересом является то, какое влияние оно оказывало на социальное неравенство. Я буду рассматривать социальный класс ровно в той мере, в какой это нужно для раскрытия моей главной темы. Я остановился в моем повествовании на конце XIX в., поскольку убежден, что влияние гражданства на социальное неравенство с этого времени стало фундаментально иным, чем до того. Вряд ли это утверждение будет оспариваться. Что стоит рассмотреть, так это конкретную природу произошедшей перемены. Поэтому, прежде чем двинуться дальше, я попробую представить некие общие соображения о влиянии гражданства на социальное неравенство в первый из этих двух периодов.

Гражданство — это статус, который дается полным членам данного сообщества. Все, кто обладает таким статусом, равны с точки зрения прав и обязанностей, которые связаны с ним. Нет никакого универсального принципа, который определял бы, в чем именно заключаются такие права и обязанности. Однако общества, в которых гражданство является развивающимся институтом, создают образ идеального гражданства. На него направлены надежды, и в сопоставлении с ним оценивается достигнутое. Движение по пути к идеальному гражданству оказывается движением к более полному равенству, к обогащению компонентов статуса гражданства и увеличению чис-

ла обладателей этого статуса. С другой стороны, социальный класс — это система неравенства. И он так же, как и гражданство, может основываться на наборе идеалов, убеждений и ценностей. Следовательно, разумным было бы предположить, что влияние гражданства на социальный класс должно принять форму конфликта между противоречащими друг другу принципами. Если я прав в том, что гражданство как институт развивалось в Англии, по крайней мере, с XVII в., то ясно, что его становление совпадает со становлением капитализма, который представляет собой систему не равенства, а неравенства. Кое-что в данном случае нуждается в объяснении. Как эти два противоположных принципа могли расти и расцветать, находясь рядом на одной и той же почве? За счет чего они смогли примириться друг с другом и стать, по крайней мере на время, союзниками, а не антагонистами? Это уместный вопрос, потому что ясно, что в XX в. гражданство и капиталистическая классовая система находились в состоянии войны.

Поэтому необходимо более внимательно присмотреться к социальному классу. Я не буду даже пытаться рассмотреть все его многочисленные и разнообразные формы, но есть одно ключевое различие между двумя разными типами социального класса, являющееся чрезвычайно значимым для моей аргументации. В первом случае класс основан на статусной иерархии, и различия между разными классами выражаются через юридические права и укоренившиеся обычаи, по существу играющие роль закона. В своей крайней форме эта система разделяет общество на ряд различных наследственных категорий — патрициев, плебеев, рабов, крепостных и т.д. Класс оказывается как бы самостоятельным институтом, и вся структура общества имеет характер проекта в том плане, что она наполнена смыслом и целями и воспринимается как естественный порядок. На каждом из своих уровней цивилизация оказывается выражением этого есте-

ственного порядка, и различия между социальными уровнями не являются различиями в уровне жизни, ибо у них нет общего стандарта, по которому эти уровни можно было бы сопоставить. Нет и никаких прав — во всяком случае, никаких существенных прав, которые принадлежали бы всем²⁷. Влияние гражданства на такую систему не могло не быть дестабилизирующим или даже разрушительным. Права, которые дают содержание общему гражданскому статусу, отнимались у иерархических статусов социально-классовой системы, подрывая саму ее основу. Равенство, неявно выступающее в понятии гражданства, пусть оно и ограничено в содержательном плане, подрывает неравенство классовой системы, которая зиждилась на принципе всеобщего неравенства. К тому же государственное правосудие и общее право должны были неминуемо разрушить классовое правосудие, и личная свобода как всеобщее право от рождения должна была вытеснить крепостное право. Не нужны никакие тонкие аргументы, чтобы показать, что гражданство несовместимо со средневековым феодализмом.

Социальный класс второго типа — это не столько самостоятельный институт, сколько побочный продукт других институтов. Хотя по-прежнему можно говорить о «социальном статусе», используя это понятие, мы выходим за рамки его точного узкого смысла. Классовые различия диктуются не окостеневшими и жесткими законами и обычаями общества (в средневековом смысле этого выражения), а взаимодействием различных факторов, связанных с институтами собственности, образованием и структурой национальной экономики. Специфические культуры классов стираются, так что становится возможными измерять различные уровни экономического благосостояния, обращаясь к общепринятым жизненным стандартам, хотя такие измерения и не являются вполне удовлет-

²⁷ См. поразительную характеристику, данную в: *Tawney R.H. Equality*. L.: Allen and Unwin, 1931. P. 121–122.

ворительными. Трудящиеся классы вместо наследования особой, хотя и простоватой культуры получают дешевую и вульгарную имитацию цивилизации, получившую статус национального достояния.

На самом деле класс по-прежнему функционирует. Социальное неравенство рассматривается как необходимое и полезное. Оно стимулирует трудовые усилия и перераспределение власти. Но не существует никакой всеобъемлющей формы неравенства, в которой соответствующие ценности закреплены *a priori* за каждым социальным уровнем. Следовательно, хотя неравенство необходимо, оно может становиться непомерным. Как в своем часто цитируемом утверждении сказал Патрик Колкахун: «Без масштабной бедности не может быть богатства, поскольку богатство порождается трудом, а труд может быть только следствием бедственного положения... Таким образом, бедность — это наиболее необходимая и незаменимая составляющая общества, без которой нации и сообщества не смогут существовать в своем цивилизованном состоянии»²⁸. Но Колкахун, принимая бедность, осуждал «нужду», или, как сказали бы мы, — нищету. Под «бедностью» он понимал ситуацию, в которой человек, не имея никаких экономических резервов, обязан работать, и работать тяжело, чтобы обеспечить себе средства к существованию. Под «нуждой» он понимал ситуацию, в которой у семьи нет минимально необходимых средств для достойной жизни. Система неравенства, допуская существование «бедности» в качестве движущей силы экономики, с неизбежностью производила и определенные размеры «нужды». Колкахун, как и другие гуманисты, осуждал это и размышлял о средствах, способных облегчить порождаемые этой системой страдания. Но никто из них не ставил под вопрос справедливость системы неравенства как таковой. В защиту ее справедливости стоит сказать,

²⁸ Colquhoun P. A Treatise on Indigence. L.: Mawman, 1806. P. 7–8.

что хотя бедность может быть необходимой, но нет необходимости в том, чтобы любая конкретная семья оставалась бедной или настолько бедной, насколько она была. Чем больше вы рассматриваете богатство как итоговое свидетельство заслуг, тем больше вы склоняетесь к тому, чтобы считать бедность свидетельством несостоятельности, но наказание за эту несостоятельность может показаться куда большим, чем того требует проступок. В этих обстоятельствах оказывается естественным несколько безответственно относиться к наиболее отталкивающим чертам неравенства как к неким неприятностям — вроде черного смога, исторгаемого нашими фабричными трубами. Со временем общественное сознание начинает признавать борьбу за уменьшение значения класса (подобно борьбе со смогом) чем-то желательным. Но вести ее нужно так, чтобы она была совместима с продолжением эффективной работы социальной машины.

Но в этой форме борьба за уменьшение значения класса не может быть нападением на классовую систему. Наоборот, она направлена, причем нередко совершенно сознательно, на то, чтобы сделать классовую систему менее уязвимой для нападения, устраняя те ее последствия, которые менее других поддаются оправданию. Она подняла уровень пола в подвале социального здания и, пожалуй, сделала его более гигиеничным, чем это было ранее. Но подвал так и остался подвалом, а верхние этажи строения оказались незатронутыми. И выгоды, получаемые обездоленными, не были результатом обогащения их гражданского статуса. Там, где этим официально занималось государство, они достигались методами, которые, как я сказал, представляли собой альтернативу правам, соответствующим гражданству, а отнюдь не способствовали их расширению. Но большая часть задачи возлагалась на частную благотворительность, а благотворительные учреждения придерживались того мнения, что получатели помощи не имели никаких прав требовать ее.

Тем не менее гражданство (даже в своих ранних формах) основывалось на принципах равенства, и в течение этого периода истории данный институт заметно развивался. Отталкиваясь от того, что все люди равны и теоретически способны обладать правами, оно расширялось, обогащая набор прав, которым могли обладать люди. Но эти права не вступали в конфликт с неравенством капиталистического общества. Наоборот, они были необходимы для поддержания определенной формы неравенства. Объяснение этому заключается в том, что ядро гражданства на данной стадии развития было представлено гражданскими правами. Гражданские права были необходимы для конкурентной рыночной экономики. Они давали каждому человеку (в качестве составляющей его личного статуса) способность выступать в роли независимой единицы в экономической борьбе. В то же время они позволяли отказать ему в социальной защите, если он оказывался в беде, на том основании, что он обладал всем необходимым, чтобы защитить себя сам. Знаменитый афоризм Мэна о том, что «движение прогрессивных обществ до сих пор было движением от статуса к контракту»²⁹, выражает глубокую истину, тщательно разработанную с использованием различной терминологии многими социологами, но требующую пояснения. Дело в том, что и статус, и контракт присутствуют во всех, даже самых примитивных обществах. Сам Мэн отмечал это, когда в той же книге писал, что раннефеодальные сообщества, в противовес их архаичным предшественникам, «скреплялись не чувствами и не преданиями. Узами, соединяющими их, был контракт»³⁰. Но элементы контракта в феодализме сосуществовали с классовой системой, основанной на статусе, и поскольку контракт огрублялся до обычая, он способствовал укреплению классового стату-

²⁹ *Maine H.S. Ancient Law. L.: John Murray, 1861. P. 170.*

³⁰ *Ibid. P. 365.*

са. Обычай сохранял форму взаимных обязательств, а не реальность свободного соглашения. Современный контракт вырос не из феодального контракта, а явился результатом развития с нуля. Феодализм стал для него препятствием и был сметен в сторону. Дело в том, что современный контракт по своей сути — это соглашение между людьми, свободными и равными по статусу, хотя и необязательно по власти. Статус не был искоренен из социальной системы. Дифференцированный статус, ассоциируемый с классом, занятием и семьей, был заменен одним единственным гражданским статусом, предоставлявшим основания равенства, на котором могла быть построена структура неравенства.

В те времена, когда писал Мэн, этот новый статус явно был поддержкой для капитализма и свободной рыночной экономики, а не угрозой им. Определяющую роль в нем играли гражданские права. Они предоставляли законную возможность стремиться к обладанию желаемыми предметами, но не гарантировали реального обладания ими. Право собственности — это право не обладать собственностью, а приобрести ее, если вы в состоянии это сделать, и защитить, если вы смогли ее получить. Но если вы будете использовать эти аргументы, чтобы объяснить пауперу, что его права собственности ничем не отличаются от прав миллионера, то он наверняка обвинит вас в том, что вы лишь играете словами. Точно так же реальное содержание свободы слова невелико, если из-за недостатка образования вы не можете сказать ничего стоящего и сделать так, чтобы вас услышали. Но эти вопиющие проявления неравенства обязаны своим существованием не изъятию гражданских прав как таковых, а нехватке социальных прав, которые в XIX в. находились в зародышевом состоянии. Закон о бедных был подспорьем капитализму, а не угрозой ему, потому что он освобождал промышленность от всякой социальной ответственности за рамками договора найма и в то же время обострял конкуренцию на рынке труда. На-

чальное школьное образование также было подспорьем, потому что оно повышало ценность рабочего, но не давало ему образования, «излишнего» для его положения.

Но было бы нелепо утверждать, что гражданские права, существовавшие в XVIII–XIX вв, были свободны от недостатков или что практика их осуществления была в принципе эгалитарной. Равенства перед законом не существовало. Такое право имелось, но средства для его защиты были недоступны. Между правами и средствами их осуществления стояли два препятствия: первое порождалось классовой предвзятостью и пристрастностью, второе — автоматическими следствиями неравного распределения богатства, работавшего через систему цен. Классовую предвзятость, безусловно, отбрасывавшую тень на все стороны отправления правосудия в XVIII в., нельзя было устранить законом. Этого можно было достичь только социальным воспитанием и формированием традиции беспристрастности. Это медленный и сложный процесс, предполагавший изменение взглядов и настроений в высших слоях общества. Но я считаю справедливым сказать, что этот процесс успешно завершен в том смысле, что традиция беспристрастности по отношению к социальным классам глубоко укоренилась ныне в гражданском судопроизводстве. И интересно, что это произошло без каких-либо фундаментальных изменений в классовой структуре адвокатского сословия. У нас нет конкретных сведений по этому вопросу, но я сомневаюсь в том, что картина радикально изменилась с тех пор, когда профессор Гинзберг провел исследования по интересующей нас теме. Он обнаружил, что среди принятых в «Линкольновский инн»³¹ доля тех, чьи отцы были наемными рабочими, выросла с 0,4% в 1904–1908 гг. до 1,8% в 1923–1927 гг. В последнем случае 72% адвокатов

³¹ «Линкольновский инн» — одна из четырех английских школ для подготовки барристеров — адвокатов, участвующих в судебных процессах.

были сыновьями лиц свободной профессии, высокопоставленных предпринимателей и дворян³². Следовательно, уменьшение классовой предвзятости как барьера для полноценного использования прав было следствием не столько ослабления классовой монополии в адвокатском сословии, сколько результатом распространения во всех классах более гуманного и реалистического понимания социального равенства.

Интересно провести сравнение с соответствующими изменениями в сфере политических прав. Здесь также классовая предвзятость, выражавшаяся в запугивании низших классов со стороны высших, препятствовала свободному волеизъявлению тех, кто недавно получил право голоса. В этом случае имелось практическое средство для его осуществления — тайное голосование. Но этого было недостаточно. Требовались соответствующее общественное воспитание и изменение духовного климата. И даже когда избиратели почувствовали себя свободными от чужого влияния, все равно потребовалось время для того, чтобы преодолеть распространенное среди рабочего класса и других трудящихся слоев убеждение, что политические представители народа (и в еще большей степени члены правительства) должны происходить из *элит*, поскольку будто бы по рождению, воспитанию и полученному образованию они предназначены для руководства. Классовая монополия в политике (в отличие от классовой монополии в сфере права), безусловно, была разрушена. Таким образом, в этих двух сферах одна и та же цель была достигнута разными средствами.

Устранение второго препятствия — последствий неравномерного распределения богатства — было в случае политических прав очень простым с технической точки зрения, поскольку играло небольшую роль при подсчете голосов или вовсе не играло в этом никакой роли.

³² Ginsberg M. Studies in Sociology. L.: Methuen, 1932. P. 171.

Тем не менее богатство можно использовать для влияния на выборы. Соответственно был принят ряд мер, направленных на уменьшение этого влияния. Если ранние из них, восходящие к XVII в., были нацелены на противодействие подкупу и коррупции, то последующие (особенно начиная с 1883 г.) имели более широкую задачу ограничения расходов на выборах, с тем чтобы кандидаты, обладавшие разным уровнем богатства, могли бороться между собой на относительно равных условиях. Необходимость подобных уравнивательных мер сегодня резко сократилась, поскольку кандидаты, представляющие трудящиеся классы, могут получить финансовую поддержку от партии или из других источников. Таким образом, ограничения, предотвращающие конкурентную расточительность, вероятно, приветствуются всеми. Оставалось только открыть Палату общин для представителей всех классов, независимо от богатства, вначале отменив имущественный ценз для членов парламента, а затем введя для них жалованье в 1911 г.

Таких результатов было гораздо труднее достичь в области гражданских прав, поскольку судебная тяжба — в отличие от голосования — очень дорога. Судебные издержки не очень высоки, но оплата услуг адвоката может составить очень большую сумму. Поскольку судебный процесс принимает форму полемики, каждая из сторон чувствует, что она может повысить свои шансы на победу, если обеспечит себе лучших защитников, чем у противоположной стороны. Разумеется, в этом есть определенная доля истины, но не столь большая, как в это верят в народе. Но в условиях судебной тяжбы, как и на выборах, возникает элемент конкурентной расточительности, вследствие которой сложно оценить, насколько большие расходы в действительности требуются. Кроме того, наша система, в которой судебные издержки, как правило, покрывает проигравший, повышает степень риска и неопределенности. Человек с небольшим до-

статком, зная, что в случае проигрыша ему придется оплатить издержки своего оппонента (после того, как они будут установлены соответствующим судебным чиновником), как и свои собственные, легко может испугаться неблагоприятного решения, особенно, если его оппонент достаточно богат, чтобы не озадачиваться подобными соображениями. И даже если он победит, таксированные судебные издержки, как правило, будут меньшими, чем его реальные расходы, и зачастую — существенно меньшими. Так что, если ему придется поиздержаться, доказывая свою правоту, победа может не стоить затраченных денег.

Что в таком случае было сделано, чтобы устранить эти препятствия на пути полного и равноправного осуществления гражданских прав? Одной из реально значимых вещей было образование в 1846 г. судов графств с целью обеспечения дешевого правосудия для простых людей. Эта важная инновация оказала существенное благотворное воздействие на нашу судебную систему и сделала многое для развития правильного понимания важности судебного дела, возбуждаемого маленьким человеком, которое по его собственным меркам часто оказывается большим делом. Но расходы в судах графств нельзя назвать незначительными. К тому же их юрисдикция весьма ограничена. Вторым важным шагом было развитие процедуры для малоимущих, по которой небольшая часть беднейших членов сообщества могла подавать в суд практически бесплатно (*in forma pauperis*), используя безвозмездные и добровольные услуги адвокатов. Но поскольку ограничение по доходу для обращения к данной процедуре было исключительно жестким (не более двух фунтов в неделю в 1919 г.), а сама процедура не могла применяться в судах графств, постольку значение данного шага для утверждения принципов справедливости было небольшим, за исключением разве что бракоразводных процессов. Дополнительные услуги по бесплатному юридическому консуль-

тированию до недавнего времени предоставлялись добровольными организациями без посторонней помощи. Но эта проблема не осталась незамеченной, и никто не отрицал недостатков системы нашего судопроизводства. В последние сто лет она привлекала к себе постоянно растущее внимание. Регулярно привлекался механизм правительственных комиссий и парламентских комитетов, что приводило к некоторым реформам процедуры. Два таких комитета работают в настоящее время, но с моей стороны было бы верхом неуместности ссылаться на происходящие в их рамках обсуждения³³. Третий комитет, возникший раньше, опубликовал доклад, который лег в основу Билля о юридической помощи и консультации, представленного парламенту всего три месяца назад³⁴. Это смелое предложение, идущее гораздо дальше прежних попыток помочь тяжущимся беднякам, и позже я расскажу о нем более подробно.

Как ясно видно из событий, о которых я кратко поведал, в конце XIX в. возник растущий интерес к равенству как принципу социальной справедливости, и сложилось осознание того факта, что формального признания равной способности иметь права было недостаточно. В теории даже полное устранение всех преград, отделяющих гражданские права от механизмов их осуществления, никак не может повредить принципам классовой структуры капиталистической системы. Фактически это привело бы к возникновению ситуации, которую многие сторонники конкурентной рыночной экономики ошибочно считают уже существующей. Но на практике то отношение к данной проблеме, которое вдохновляло все усилия по

³³ Комитет Остина Джонса по процедуре судов графств и Комитет Эвершеда по практике и процедуре Верховного суда. С тех пор был опубликован доклад первого и промежуточный доклад второго.

³⁴ Комитет Рашклиффа по юридической помощи и консультации в Англии и Уэльсе.

устранению этих преград, выросло из концепции равенства, выходящей за узкие рамки норм конкурентной экономики. Речь идет о концепции равного общественного достоинства человека, а не просто равных естественных прав. Таким образом, хотя гражданство даже к концу XIX в. мало преуспело в уменьшении социального неравенства, оно помогло направить прогресс по пути, непосредственно ведущему к эгалитарной политике XX в.

Оно также оказало интегрирующее воздействие на общество или, по крайней мере, было важным фактором в процессе его интеграции. В процитированном мной недавно фрагменте Мэн говорил о дофеодальных обществах как скрепленных чувствами и преданиями. Он указывал на узы родства и на предания об общем происхождении.

Гражданство требует связей иного рода, непосредственного чувства принадлежности к сообществу, основанного на лояльности к цивилизации, которая является общим достоянием. Это лояльность свободных людей, наделенных правами и защищенных общим правом. Она произрастает как из борьбы за эти права, так и из обладания ими. Это отчетливо видно в XVIII в., который явил нам рождение не только современных гражданских прав, но и национального самосознания. Знакомые инструменты современной демократии были созданы высшими классами, после чего их постепенно передали низшим. За политической журналистикой для образованной публики последовали газеты для всех, кто умел читать. Потом пришел черед массовых собраний, пропагандистских кампаний и ассоциаций по отстаиванию общественных интересов. Репрессивные меры и налоги были совершенно неспособны остановить этот поток. И вместе с ним пришел патриотический национализм, который выражал единство, лежавшее в основе этих спорных проявлений. Сложно сказать, насколько он был глубок и как широко распространен, но не может быть сомне-

ний в силу его внешних проявлений. Мы по-прежнему используем эти типичные песни XVIII в. — «Боже, храни Короля» и «Правь, Британия», — но опускаем их фрагменты, задевающие наши современные и более умеренные чувства. Джингоистский патриотизм и «народная и парламентская агитация», которые Темперли считал «главными причинами» войны за ухо Дженкинса³⁵, были новыми явлениями. В них можно узреть первый малозаметный ручеек, который затем разрастется в широкий поток национальных военных усилий XX в.

Растущее национальное самосознание, пробуждающееся общественное мнение, первые знаки чувства принадлежности к сообществу и осознание общего наследия не оказали сколько-нибудь ощутимого влияния на классовую структуру и социальное неравенство по той простой и понятной причине, что даже в конце XIX в. трудящиеся массы не обладали действительной политической властью. К этому времени право голоса получило широкое распространение, но те, кто недавно его приобрел, еще не знали, как им распорядиться. Политические права как составная часть гражданства, в отличие от гражданских прав, были полны потенциальных угроз для капиталистической системы, хотя те, кто осторожно распространял их вниз по социальной лестнице, не понимали, насколько велика эта угроза. Вряд ли они могли предвидеть, насколько обширные изменения могут быть привнесены с помощью мирного использования политической власти, без жестокой и кровавой революции. Планируемое общество и государство всеобщего благосостояния еще не выросли на горизонте и не оказались в поле зрения практических политиков. Основы рыночной экономики и система контрактов казались достаточно прочными, чтобы вынести любое вероятное нападение. И действительно, были основания ожидать, что трудящиеся классы,

³⁵ *Grant Robertson* C. England under the Hanoverians. L.: Methuen, 1911. P. 491.

получая образование, будут принимать базовые принципы системы, полагаясь в плане защиты и прогресса на гражданские права как компонент гражданства, не содержащий в себе явных угроз конкурентному капитализму. Эта точка зрения поощрялась и тем фактом, что одним из главных достижений политической власти в конце XIX в. было признание права коллективных переговоров. Это означало, что социальный прогресс мыслился как усиление гражданских прав, а не как возникновение социальных, как растущее применение контракта на свободном рынке, а не как введение норм минимальной заработной платы и социального обеспечения.

Но этот подход недооценивал важность такого расширения гражданских прав в экономической сфере. Дело в том, что гражданские права по своему происхождению носили в высшей степени личный характер и поэтому находились в полной гармонии с индивидуалистической фазой капитализма. Посредством объединения группы получали возможность выступать в качестве юридических лиц. У этого были свои критики, и ограниченная ответственность юридических лиц широко осуждалась как ограничение личной ответственности в собственном смысле слова. Но положение профсоюзов было еще более аномальным, поскольку они не имели статуса объединений, да и не стремились к этому. Таким образом, они могли осуществлять жизненно важные гражданские права, отстаивая интересы своих членов без формальной коллективной ответственности, в то время как личная ответственность рабочих, вытекавшая из контракта, по большей части была не обеспечена. Для рабочих эти по-новому интерпретированные гражданские права стали инструментом повышения их социального и экономического статуса, тем средством, при помощи которого они претендовали на определенные социальные права, полагавшиеся им как гражданам. Но естественным методом установления социальных

прав является применение политической власти, потому что социальные права предполагают абсолютное право на определенный стандарт цивилизации, обусловленный исполнением общих обязанностей гражданства. Содержание социальных прав не зависит от экономической значимости личности претендента на них. Есть существенное различие между настоящими коллективными переговорами, с помощью которых экономические силы стремятся достичь равновесия на свободном рынке, и использованием коллективных гражданских прав для отстаивания базовых требований элементов социальной справедливости. Это признание коллективных переговоров было не просто естественным расширением гражданских прав; оно представляло собой перенос важного средства давления из политической сферы в сферу гражданско-правовую. Но «перенос» — это, пожалуй, обманчивое слово, так как в тот исторический период рабочие еще не располагали политическим правом голоса или не научились использовать его. С тех пор они получили это право и стали его использовать в полной мере. Тред-юнионизм, таким образом, привел к созданию вторичной системы производственного гражданства, параллельной и дополнительной по отношению к системе политического гражданства.

Интересно сравнить этот процесс с историей парламентского представительства. В ранних парламентах, как сообщает Р. Поллард, «представительство не было разумным, если исходить из того, что оно должно рассматриваться как средство обеспечения личного права или продвижения личных интересов. Представительство осуществлялось по отношению к сообществам, а не к личностям»³⁶. И, рассматривая положение дел накануне Акта о реформе 1918 г., он добавил: «Парламент, вместо того, чтобы представлять сообщества или семьи, начинает представлять никого

³⁶ Pollard R.W. The Evolution of Parliament. P. 155.

ино, как личностей»³⁷. В системе, в которой голосуют мужчины и женщины, голос рассматривается как голос личности. Политические партии организуют эти голоса в целях группового действия, но это происходит в национальном масштабе, а не в границах профессии, местечка или специфического интереса. В случае гражданских прав движение шло в обратном направлении — не от представительства сообществ к личностям, а от личностей к сообществам. Поллард делает еще одно замечание. По его словам, для ранней парламентской системы было характерно то, что представительством занимались те, у кого были время, средства и склонность к этому занятию. Избрание большинством голосов и строгая подотчетность избирателям были несущественными. Избирательные округа не давали никаких указаний депутатам, и их предвыборные обещания были мало кому известны. Депутатов «избирали не для того, чтобы они подчинялись избирательным округам, а чтобы они заставляли округа подчиняться»³⁸. Не будет большим преувеличением сказать, что некоторые из этих черт воспроизводятся в современных профсоюзах, хотя, конечно, со многими значительными отличиями. Одно из них заключается в том, что руководители профсоюзов не занимаются обременительной неоплачиваемой работой, а получают вознаграждение за свой труд. Это замечание не нужно рассматривать как выпад, да и трудно представить, чтобы университетский профессор критиковал общественный институт за то, что его делами в значительной мере распоряжается нанятый сотрудник.

Все, что я пока сказал, было своего рода вступлением к моей главной теме. Я не стремился представить вам новые факты, отобранные в ходе трудоемкого исследования. Я лишь пытался представить знакомые

³⁷ Pollard R. W. Op. cit. P. 165.

³⁸ Ibid. P. 152.

факты в новом свете. Мне казалось необходимым сделать это, чтобы подготовить почву для более трудного, спекулятивного и противоречивого исследования современной сцены, на которой ведущую роль играют социальные права как составляющие гражданства. Теперь я должен сосредоточиться на том, как именно социальные права воздействуют на социальный класс.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА В XX В.

Период, о котором я до сих пор вел речь, был периодом, в котором развитие гражданства, каким бы значительным и впечатляющим оно ни было, оказывало слабое прямое воздействие на социальное неравенство. Гражданские права создали юридические возможности, использование которых радикально ограничивалось классовой предвзятостью и отсутствием экономических возможностей. Политические права создали политические возможности, использование которых требовало опыта, организации и изменения представлений о правильной работе правительства. Для развития всего этого требовалось время. Социальные права находились на минимальном уровне и не были вплетены в ткань гражданства. Общей задачей государства и общества в целом была в то время борьба с бедностью, которая, однако, никак не затрагивала механизм сохранения неравенства, наиболее очевидным и тягостным следствием которого и была бедность.

Новый период начался в конце XIX в., ознаменовался он прежде всего исследованием Бута «Жизнь и труд населения Лондона» и деятельностью Королевской комиссии, связанной с престарелыми бедняками. Произошли первые большие достижения в сфере социальных прав, включавшие в себя значительные изменения в осуществлении принципа равенства, выраженного в гражданстве. Но также действовали и другие силы.

Во-первых, рост денежных доходов, неравномерно распределенных между социальными классами, со-

кратил экономическое расстояние, отделявшее одни классы от других, уменьшил разрыв в доходах между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, а также между квалифицированными рабочими и служащими. В то же время устойчивый рост небольших сбережений размывал классовые различия между капиталистом и пролетарием, не имеющим собственности по определению. Во-вторых, ранжированная система прямого налогообложения сделала шкалу доходов более плоской. В-третьих, массовое производство для внутреннего рынка и растущий интерес части промышленников к потребностям и вкусам обывателей позволили людям с небольшим достатком пользоваться благами материальной цивилизации, которые, как никогда прежде, не столь резко отличались от благ, потребляемых богатыми. Все это изменило условия, в которых происходил прогресс гражданства. Социальная интеграция распространилась из сферы чувств и патриотизма на материальное потребление. Компоненты цивилизованной и культурной жизни, ранее бывшие монополией избранных, становились доступными многим, побуждая последних тянуться к тому, что ранее было им недоступно. Уменьшение неравенства усилило требования к его устранению, по крайней мере, в области основополагающего социального обеспечения.

Этим стремлениям отчасти пошли навстречу, включив социальные права в гражданский статус и, таким образом, создав всеобщее право на реальный доход, несоизмеримый с рыночной стоимостью труда того, кто на него претендовал. Снижение значения класса по-прежнему является целью социальных прав, но оно приобрело новый смысл, который больше не сводится к попыткам уменьшить очевидную проблему нищеты низших слоев общества, а предполагает действия, меняющие весь механизм воспроизводства социального неравенства. Дело уже не сводится к поднятию уровня пола в подвале социального здания, не затрагиваю-

щему всю надстройку над ним. Началась перестройка всего здания, и она даже может закончиться превращением небоскреба в комфортную одноэтажку. Важно понять, просматривается ли подобная конечная цель в природе самого этого процесса, развертывающегося на наших глазах, или, как я сказал вначале, современное стремление к большему социальному и экономическому равенству имеет естественные пределы. Чтобы ответить на этот вопрос, я должен исследовать и проанализировать систему социального обеспечения в XX в.

Ранее я сказал, что попытки, которые предпринимались для устранения преград между принципами гражданских прав и реальными средствами их осуществления, свидетельствовали о новом отношении к проблеме равенства. Следовательно, было бы удобно начать мое исследование с рассмотрения последнего примера таких попыток — Билля о правовой помощи и консультировании, представляющего собой социальную услугу, призванную усилить гражданское право граждан решать свои споры в суде. Этот пример вплотную подводит нас к одной из главных сторон нашей проблемы — возможности сочетания в рамках одной системы двух принципов: социальной справедливости и рыночной цены. Государство не готово сделать деятельность правосудия бесплатной для всех. Одна из причин этого, хотя и не единственная, заключается в том, что издержки судопроизводства играют полезную роль, сдерживая сутяжничество и поощряя поиск разумных компромиссов. Если бы все конфликты разрешались в суде, то машина правосудия попросту сломалась бы. Помимо этого та сумма, которую стороны готовы потратить на процесс, в значительной мере зависит от его значимости для них. В этом вопросе они сами решают, что им делать. Это очень сильно отличается от здравоохранения, где серьезность болезни и требуемое лечение можно оценить объективно, независимо от того, как к ним относится сам

пациент. Но, несмотря на все это, плата, связанная с судопроизводством, должна быть такой, чтобы не лишать тяжущуюся сторону права на правосудие или не ставить ее в неравные условия по отношению к своему оппоненту.

Для этого предлагается следующая схема. Круг получателей этой услуги ограничен определенным экономическим классом. Это те, чей располагаемый доход и капитал не превышают 420 фунтов и 500 фунтов соответственно³⁹. «Располагаемый доход» — это то, что остается после разрешенных вычетов на иждивенцев, аренду, владение домом и инструментами и т.д. Максимальный уровень затрат тяжущейся стороны ограничен размером, не превышающим половины его располагаемого дохода свыше 156 фунтов и располагаемого капитала свыше 75 фунтов. Его ответственность за издержки другой стороны в случае поражения находится на усмотрении суда. Получателю услуги предоставляется профессиональная помощь адвоката и консультация от коллегии добровольцев. Они получают вознаграждение за свои услуги (в Высоком суде и выше) по ставке, которая на 15% ниже, чем та, какую соответствующий судебный чиновник счел бы обоснованной на свободном рынке, а в судах графств — согласно единой шкале, пока еще не утвержденной.

Как мы видим, эта схема руководствуется принципами ограничения дохода и проверки нуждаемости, которые были недавно упразднены в других основных службах социального обеспечения. Проверка нуждаемости будет осуществляться Управлением по оказанию государственного вспомоществования (или проходить при его помощи), сотрудники которого, помимо предоставления пособий, предписанных в регулятивных документах, «могут иметь возможность по собственному

³⁹ Если располагаемый капитал достигает 500 фунтов, по-прежнему можно рассчитывать на юридическую помощь по усмотрению местного комитета, если располагаемый доход не превышает 420 фунтов.

усмотрению вычитать из дохода любые суммы, которые они посчитают несовместимыми с подачей заявки о вспомоществовании согласно Акту о государственном вспомоществовании»⁴⁰. Интересно будет посмотреть, насколько эта связь со старым Законом о бедных сделает юридическую помощь неприятной для многих из тех, кто мог бы ею воспользоваться, включая лиц с общим доходом в 600–700 фунтов в год. Но независимо от этого следует заниматься надзором за соблюдением данного условия предоставления юридической помощи, так как основания для введения проверки нуждаемости очевидны. Цена, которую готовы платить за услуги суда и адвокатов, выступает хорошим индикатором необходимости иска. Поэтому она должна сохраниться. Но влияние цены на спрос нужно сделать менее подверженным воздействию неравенства путем коррекции цены по отношению к доходу. Метод такой коррекции напоминает то, как работает прогрессивный налог. Если мы будем рассматривать только доход и игнорировать капитал, мы увидим, что человек с располагаемым доходом в 200 фунтов стерлингов должен будет внести 22 фунта, или 11% этого дохода, а максимальный вклад человека с располагаемым доходом в 420 фунтов составит 132 фунта, или 31% этого дохода.

Подобная система может работать очень хорошо (если шкала коррекции удовлетворительна) при условии, что рыночные цены на услугу приемлемы для тех, кто получает небольшой доход, но уже не вправе претендовать на помощь. Тогда ценовая шкала может опускаться вниз с этой центральной точки до тех пор, пока не сойдет на нет там, где доход слишком мал, чтобы платить какую бы то ни было сумму. Не будет никакого резкого разрыва между теми, кто получает помощь, и теми, кто ее не получает. Этот метод используется в случае государственных стипендий в университетах. В таком случае расходы должны покрывать стандарт-

⁴⁰ Cmd. 7563: Summary of the Proposed New Service. P. 7. Par. 17.

ные затраты на жизнь и плату за обучение. Они высчитываются на основе общего дохода родителей по той же схеме, какая предложена для юридической помощи, за исключением того, что не производится удержание налогов. Получившаяся цифра известна как «взвешенный доход». Она используется в таблице, показывающей родительский вклад в каждую из точек на шкале. Лица со взвешенным доходом до 600 фунтов не платят ничего, и потолок, при достижении которого родители оплачивают полную сумму без получения субсидии, составляет 1500 фунтов. Рабочая группа недавно порекомендовала поднять потолок «по крайней мере, до 2000 фунтов» (до вычета налогов)⁴¹, что для социального обеспечения является весьма «неплохой чертой бедности». Можно предположить, что при таком уровне доходов семья могла бы оплачивать рыночную стоимость университетского образования без особых затруднений.

Схема юридической помощи, пожалуй, будет работать так же, как и в случае судов графств, где издержки являются довольно умеренными. Лица, находящиеся в верхней части шкалы доходов, естественно, не будут получать никаких субсидий для покрытия своих издержек, даже если они проиграют дело. Для суда, как правило, должно быть достаточно того вклада, который они могут внести из своих собственных средств. Они будут находиться в том же положении, что и люди за рамками этой схемы, так что не будет никакого резкого разрыва в возможности получить справедливое правосудие. Однако тяжущиеся стороны, находящиеся в рамках этой схемы, получают профессиональную юридическую помощь по контролируемой и более низкой цене, и это само по себе — ценная привилегия. Но в уважаемом Высоком суде максимальные расходы, которые может понести индивид, находящийся на вершине шкалы доходов, могут значительно пре-

⁴¹ Ministry of Education. Report of the Working Party on University Awards, 1948. Par. 60. Общее описание существующей системы взято из того же источника.

высить его реальные возможности, если он проиграет дело. Таким образом, степень риска и ответственности малообеспеченного индивида, пользующегося юридической помощью, может быть намного меньшей, чем у того, кто не вправе к ней прибегать, учитывая возможность проигрыша судебного процесса. Это имеет исключительно серьезное значение в случае тяжбы, принимающей форму спора. Если спор идет между сторонами, одна из которых получает юридическую помощь, а другая нет, то это оказывается противостоянием неравных. Одна из них защищена принципом социальной справедливости, в то время как вторая оставлена на милость рынка и обычных обязательств, обусловленных контрактом и правилами суда. Меры по уменьшению значения класса могут в некоторых случаях вести к возникновению таких форм классовых привилегий. Утвердятся ли они в действительности, в большой мере зависит от содержания тех правил, которые пока не приняты, а также от конкретной практики судов, которые будут определять расходы тяжущихся, получавших помощь и проигравших свои дела. В практическом плане эту проблему можно было бы решить, сделав систему юридической помощи универсальной или почти универсальной — посредством значительного повышения предельного уровня дохода, позволяющего обратиться за ней. Иными словами, проверку нуждаемости можно сохранить, но поднять уровень предельного дохода. Но это приведет к распространению схемы юридической помощи на всех или практически на всех практикующих юристов, и им придется подчиниться контролю над стоимостью их услуг. Это равносильно практической национализации данного рода занятий, во всяком случае, так покажется адвокатам, отличающимся сильным духом индивидуализма. Исчезновение частной практики лишит распорядителей судебных издержек стандартов для сравнения, на основании которых определялась бы контролируемая цена.

Я выбрал этот пример, чтобы проиллюстрировать некоторые сложности, возникающие при осуществлении стремления сочетать принципы социального равенства и ценовой системы. Дифференцированная цена, корректируемая по шкале доходов различного уровня, служит одним из способов достижения этого. Она широко использовалась врачами и больницами, пока Национальная служба здравоохранения не сделала ее ненужной. В определенном смысле она освобождает располагаемый доход от его зависимости от денежного дохода. Если бы этот принцип применялся везде, различия в денежном доходе стали бы бессмысленными. Такого же результата можно было бы добиться, сделав доходы равными или нивелировав разницу в них посредством налогообложения. Некоторым образом оба этих процесса и существуют в действительности. В рамках каждого из них есть необходимость сохранения дифференциации доходов в качестве средства экономического стимулирования. Но когда соединяются разные способы выполнения примерно одного и того же, процесс может зайти весьма далеко, не нарушая работу экономической машины, поскольку их различные следствия не так просто суммируются и общий результат не всегда удается осмыслить. Мы должны помнить, что совокупные денежные доходы представляют собой мерило, на основании которого традиционно оцениваются социальные и экономические достижения и престиж. Даже если они утратят смысл с точки зрения располагаемого дохода, то они (как знаки успеха) могут по-прежнему служить стимулом новых усилий, подобно орденам или знакам отличия.

Но я должен вернуться к моему исследованию социального обеспечения. Наиболее знакомый принцип — это, конечно, не дифференцированная цена (которую я только что обсуждал), а гарантированный минимум. Государство гарантирует минимальное обеспечение определенными важнейшими благами и услугами (такими, как здравоохранение, жилище и образование)

или минимальный денежный доход, который можно потратить на необходимые потребности — пенсии по старости, страховые выплаты или семейное пособие. Каждый имеет право превысить гарантированный минимум обеспеченности за счет своих собственных источников. На первый взгляд такая система выглядит более благородным вариантом уменьшения значения класса, чем рассмотренный ранее. Но его следствия требуют внимательного рассмотрения.

Достигаемая степень уравнивания зависит от четырех факторов:

направлены ли соответствующие меры на благо всех или на благо какого-то конкретного класса; принимают ли они форму денежной выплаты или безвозмездной услуги; является ли высоким или низким порог дохода, дающий право на получение таких выплат и услуг; каким образом собираются средства на выплату этих пособий и оказание услуг. Денежные пособия, ограниченные предельным доходом и проверкой нуждаемости, имеют простой и очевидный уравнивательный эффект. Они ведут к снижению значения класса в старом и ограниченном смысле этого слова. Цель здесь состоит в предоставлении всем гражданам хотя бы установленного минимума средств — из их собственных ресурсов или (если они недостаточны) за счет помощи. Пособие выдается только тем, кто в нем нуждается, и таким образом устраняется неравенство в нижней части шкалы доходов. Эта система действовала в своей простейшей и непосредственной форме в случае с Законом о бедных и о пенсиях по старости. Но экономическое выравнивание может сопровождаться психологической классовой дискриминацией. Клеймо, связанное с Законом о бедных, сделало слово «паупер» унижительным обозначением класса. Выражение «получатель пенсии по старости», может, и отдает чем-то подобным, но на нем нет пятна позора.

Таким же был общий эффект социального страхования, когда оно было ограничено определенной доход-

ной группой. Его особенность состояла в том, что оно не предполагало проверки нуждаемости. Взнос индивида давал право на выплаты ему. Но в целом доход группы возрастал вследствие превышения выплат над общими расходами группы в виде взносов и дополнительных налогов. В результате разрыв в доходах между этой группой и той, что стояла на социальной лестнице выше нее, сокращался. Однако точный эффект с трудом поддается оценке из-за большой разницы среди членов в доходах и выплатах при наступлении страховых случаев. Когда эта схема была распространена на всех, вновь вскрылся разрыв, хотя мы должны учесть совокупный эффект регрессивной плоской ставки и, отчасти, прогрессивного налогообложения, за счет которого отчасти финансировалась эта система. Я не стану углубляться в обсуждение этой проблемы. Но отмечу, что, будучи распространенной на всех, эта система хуже справлялась со снижением значения класса, чем тогда, когда она носила ограниченный характер, а социальное страхование работало хуже, чем услуги, предоставляемые на основе проверки нуждаемости. Одинаковые пособия не ведут к сокращению разрыва в доходах. Их уравнивающий эффект заключается в том, что в случае меньшего дохода выплаты составляют больший процент от него, чем в случае большего дохода. И пусть даже понятие уменьшающейся предельной полезности (если к нему кто-то еще обращается) можно применить только к растущим доходам одного и того же человека, оно сохраняет некоторое значение и для нашего предмета. Когда бесплатная услуга, как в случае здравоохранения, распространяется с лиц с ограниченными доходами на все население, ее прямым результатом оказывается рост неравенства располагаемых доходов, корректируемый уже только при помощи налогов. Представители средних классов, привыкшие платить врачам, обнаруживают, что эту часть их дохода можно потратить на что-то другое.

Я столь осторожно двигался по этому тонкому льду, чтобы сделать одно принципиальное замечание. Расширение социального обеспечения не является главным средством выравнивания доходов. В одних случаях оно может вести к такому результату, в других — нет. Но как таковой этот вопрос менее важен для нас, поскольку он представляет собой проблему для того аспекта социальной политики, которым мы не будем сейчас заниматься. Что действительно важно, так это совокупное обогащение конкретного содержания цивилизованной жизни, общее сокращение угроз и опасностей, уравнивание более и менее удачливых, по каким бы критериям они ни различались, — здоровых и больных, занятых и безработных, старых и лиц трудоспособного возраста, холостяков и отцов больших семейств. Уравнивание происходит не столько между классами, сколько между индивидами, которые теперь рассматриваются так, как если бы они составляли один класс. Равенство статуса оказывается более важным, чем равенство доходов.

Даже когда пособия выплачиваются в денежной форме, эта классовая интеграция получает внешнее выражение в форме нового общего опыта. Все учатся тому, что значит быть обладателем страхового полиса, на который время от времени кто-то должен ставить штамп, или получать пособие на детей или пенсию на почте. Но и тогда, когда получаемое благо принимает форму услуги, качественный элемент содержится уже в самом благе, а не только в процессе его получения. Распространение таких услуг может таким образом оказать существенное воздействие на качественные аспекты социальной дифференциации. Старые начальные школы, хотя они и были открыты для всех, находились в распоряжении определенного социального класса (надо сказать, очень большого и неоднородного), для которого не был доступен никакой другой способ получения образования. Его члены воспитывались в условиях сегрегации по отношению к высшим

классам, что оказывало влияние на детей, накладывая на них свой отпечаток. «Бывший ученик начальной школы» было ярлыком, который человек мог пронести через всю свою жизнь, и этот ярлык обращался к различию, которое по своему характеру было реальным, а не только условным. Дело в том, что разделенная система образования, способствующая поддержанию внутриклассового единства и межклассового различия, делала ударение на социальной дистанции. Профессор Тоуни, выражая взгляды сотрудников системы образования в своей неподражаемой прозе, говорил: «Вторжение в организацию образования пошлостей классовой системы является неуместным, так как это вредно по результатам и гнусно по замыслу»⁴². Ограниченная по своему характеру услуга способствовала возникновению класса и, в то же время, уменьшению его значения. Сегодня эта сегрегация по-прежнему имеет место, но всеобщая доступность последующего образования делает возможным исправление ситуации. Сейчас я должен поразмыслить о том, не вторгается ли класс по-другому в это исправление.

Аналогичным образом еще ранее здравоохранение добавило выражение «пациент по страховке» в наш словарь социального класса, и многие представители средних классов теперь узнают точное значение этих слов. Но распространение этой услуги уменьшило общественную важность разделения. Сегодня все, за исключением незначительного меньшинства наверху социальной лестницы, имеют общий опыт взаимодействия с национальной системой здравоохранения, и он преодолевает важные классовые барьеры на средних уровнях иерархии. В то же время гарантированный минимум достиг таких высот, что слово «минимум» начинает вводить в заблуждение. Во всяком случае, намерение состоит в том, чтобы приблизить его к разумному максимуму, и услуги, все еще доступные толь-

⁴² *Tawney R.H. Secondary Education for All. L.: Labour Party, 1922. P. 64.*

ко богатым, больше не были щегольством и роскошью. Нормой социального обеспечения становится предоставление услуг, а не их продажа. Некоторые люди считают, что в таких условиях частный сектор долго не проживет. Если он исчезнет, то небоскреб превратится в бунгало. Если существующая система получит продолжение и осуществит свои идеалы, ее результат можно будет описать как бунгало с возвышающейся над ним незначительной в архитектурном отношении башенкой.

Еще одним свойством пособий, предоставляемых в форме услуг, оказывается то, что права гражданина не получится четко определить. Качественный элемент очень велик. Можно принудительно обеспечить законом незначительный объем прав, но для гражданина имеет значение надстройка из легитимных ожиданий. Можно очень легко позволить каждому ребенку определенного возраста проводить необходимое количество часов в школе. Гораздо труднее удовлетворить легитимное ожидание, чтобы образование давали подготовленные учителя в классах с умеренным количеством учеников. Каждый гражданин, который этого хочет, может записаться к врачу. Гораздо труднее обеспечить, чтобы о его болезни позаботились надлежащим образом. Таким образом, мы приходим к тому, что законодательство оказывается не столько решающим шагом, непосредственно проводящим политику в жизнь, сколько декларацией политических намерений, которые когда-нибудь надеются осуществить. Мы сразу же думаем о колледжах графств и медицинских пунктах. Успех завит от количества ресурсов, которыми располагает государство, и их распределения между конкурирующими направлениями. Государству нелегко предвидеть и то, во что ему обойдется исполнение своих обязательств, поскольку с ростом ожиданий относительно стандартов услуг (что обязательно должно происходить в прогрессивном обществе) увеличиваются и обязательства. Цель постоянно ускользает, и

государство никогда не сможет достичь ее в полной мере. Отсюда следует, что личные права должны быть подчинены национальным планам.

Официально признанные легитимными ожидания — это не личные претензии, которые должны удовлетворяться по первому требованию. Обязательства государства направлены на все общество, которое в случае неудачи прибегнет к парламенту или местным советам, вместо того чтобы, подобно отдельным гражданам, обращаться в суд или устраивать квазисудебные трибуналы. Поддержание справедливого баланса между этими коллективными и личными элементами социальных прав — жизненная необходимость для демократического социалистического государства.

Сделанное мною утверждение ярче всего можно проиллюстрировать на примере жилья. Срок владения существующими жилищами обеспечен жесткими законными правами, утвержденными судом. Система стала очень сложной, поскольку возникала по частям, и нельзя утверждать, что ее блага распределены соответственно реальным потребностям. Но само по себе базовое право гражданина иметь жилье является минимальным. Он не может претендовать ни на что большее, чем крыша над головой, и его претензии могут удовлетворить, как мы видели в последние годы, например, перестройкой заброшенного кинотеатра, превращенного в центр отдыха. Тем не менее общее обязательство государства относительно жилищных условий, существующее у него перед всем обществом, выполнить едва ли не тяжелее всего. Государственная политика недвусмысленно создала у граждан легитимные ожидания относительно обладания домом, в котором могла бы жить семья, и сегодня это обещание уже не ограничивается отдельными героями. Правда, имея дело с индивидуальными требованиями, власти, насколько это возможно, исходят из приоритетных потребностей. Но когда сносят трущобы, перестраивают старые города и планируют новые, индивидуальные

претензии должны подчиняться общей программе социального прогресса. Таким образом, возникает элемент случайности и, поэтому, неравенства. Одну семью могут переселить вне очереди, потому что она является частью сообщества, которое подлежит переселению в первую очередь. Другой придется подождать, хотя у нее условия могут быть хуже, чем у первой. По ходу дела многие проявления неравенства могут исчезнуть, а другие — проявиться. Позвольте мне привести небольшой пример. В городе Миддлсборо часть населения из депрессивного района переселили в новый жилищный массив. Оказалось, что среди детей, живущих в этом массиве, только один из восьми мог получить место в средней школе. Из тех же, кто жил там раньше, место мог получить только один из ста пятидесяти четырех⁴³. Этот контраст столь ошеломляющ, что ему сложно дать четкое объяснение, но он остается разительным примером межличностного неравенства, вытекающего промежуточным результатом прогрессирующего удовлетворения коллективных социальных прав. В конечном счете, когда эта программа жилищного строительства подойдет к концу, такое неравенство должно исчезнуть.

Политика в области жилищного строительства имеет и другой аспект, который, по моему убеждению, предполагает внедрение нового элемента в права гражданина. Он вступает в игру, когда необходимость в средствах к существованию, которой, как я сказал, должны быть подчинены личные права, не ограничивается ни одним сегментом внизу социальной лестницы, ни конкретным типом потребностей, а включает в себя общие аспекты жизни в сообществе. В этом смысле городское планирование оказывается тотальным. Оно не только рассматривает сообщество как единое целое, но и влияет на (и должно учитывать) все

⁴³ The Social Background of a Plan: A Study of Middlesbrough / R. Glass (ed.). L.: Routledge and Kegan Paul, 1948. P. 129.

формы социальной деятельности, обычаи и интересы. Его целью оказывается создание нового физического окружения, способствующего росту новых человеческих сообществ. Оно должно решить, какими будут эти сообщества, и попытаться обеспечить все многообразие, которое они должны будут содержать в себе. Градостроители гордятся тем, что говорят о «сбалансированном сообществе» как о своей цели. Это обозначение общества, содержащего в себе надлежащее сочетание всех социальных классов, половозрастных групп, занятий и т. д. Они не хотят строить районы для трудящихся классов и средних классов, а предлагают строить для них отдельные дома. Целью является не бесклассовое общество, а общество, в котором классовые различия разумны с точки зрения социальной справедливости, и, таким образом, классы тесно сотрудничают ради общего блага. Когда планирующий орган решает, что городу нужно больше составляющих, присущих средним классам, он стремится пойти навстречу их потребностям и соответствовать их стандартам, а не просто реагировать на коммерческий спрос, как это бывает с застройщиками-спекулянтами. Он должен рассматривать спрос в гармонии с совокупным планом и затем, как ответственный орган, давать санкцию сообществу граждан. Тогда представитель средних классов сможет сказать не «я приду, если вы предложите цену, которую я могу себе позволить», а «если вы хотите, чтобы я был вашим гражданином, вы должны дать мне статус, который подобает тому роду граждан, к которому я принадлежу». Это один из примеров того, как гражданство само по себе выступает архитектором социального неравенства.

Вторым, и более важным примером является сфера образования, которая также иллюстрирует мои предшествующие замечания о балансе между личными и коллективными социальными правами. На первом этапе нашего общественного образования права были равными и минимальными. Но, как мы отмечали, к

праву прилагались обязанности не столько потому, что у гражданина есть обязанность, равно как и право, заниматься собственным развитием, которую ни ребенок, ни взрослый не могут осознавать в полной мере, сколько потому, что общество осознавало, что ему нужно образованное население. В целом XIX век обвиняли в том, что он рассматривал начальное образование только как средство обеспечения капиталистических работодателей более ценными работниками, а высшее образование — всего лишь как инструмент, помогающий нации конкурировать со своими соперниками в области индустрии. И вы могли заметить, что недавние исследования образовательных возможностей в довоенные годы были озабочены тем, чтобы обнажить масштабы общественного расточительства, равно как и протестом против фрустрации естественных прав человека.

На втором этапе истории нашего образования, начавшемся в 1902 г., образовательная лестница была официально признана важной, хотя и не слишком большой, частью системы. Но баланс между коллективными и личными правами оставался прежним. Государство решало, сколько оно может позволить себе потратить на бесплатное среднее и высшее образование, и дети боролись за ограниченное количество мест в классах. Никто не делал вид, что все, кто мог бы извлечь пользу из более высокой ступени образования, могли получить его, и не признавалось никакое естественное право на получение образования согласно способностям. Но на третьем этапе, который начался в 1944 г., личные права как будто получили приоритет. Борьба за немногочисленные места сменилась отбором и распределением по подходящим местам, которых достаточно, чтобы вместить всех, во всяком случае, на уровне среднего школьного образования. В Акте 1944 г. написано, что количество средних школ не будет признано достаточным до тех пор, пока они не «предоставят всем ученикам возможность получе-

ния образования, обеспечивающего такое сочетание обучения и воспитания, которое будет желательным для разных возрастов, способностей и склонностей». Вряд ли можно сильнее выразить уважение к личным правам. В то же время мне интересно, будет ли эта система работать таким образом на практике.

Если бы школьная система была способна в полной мере рассматривать ученика как высшую цель, а его образование — как нечто ценное независимо от траектории его последующей жизни, тогда можно было бы сформировать учебный план, исходящий из индивидуальных потребностей, независимо от других соображений. Но, как мы знаем, сегодня образование тесно связано с занятостью, и по крайней мере часть его ценности для ученика состоит в том, чтобы оно давало ему квалификацию для занятости на определенном уровне. Пока не произойдут большие изменения, учебный план, похоже, будет подчинен требованиям занятости. Соотношение между классическими, техническими и современными средними школами нельзя установить без учета соотношения количества соответствующих рабочих мест. И баланс между двумя системами должен устанавливаться таким образом, чтобы он был справедлив по отношению к самому ребенку. Ведь если мальчик, получивший образование в классической школе, не сможет найти никакой другой работы, кроме той, которой занимаются выпускники современных средних школ, он будет испытывать обиду и чувство, что его обманули. Хотелось бы, чтобы его отношение поменялось, т.е. чтобы в этих обстоятельствах мальчик был благодарен за свое образование и не возмущался полученной работой. Но добиться таких изменений — нелегкая задача.

Я не вижу, как можно ослабить узы, связывающие образование с родом занятий. Наоборот, они будут становиться еще сильнее. Сертификаты, степени и дипломы получают все большее признание при оценивании во время приема на работу, и их свежесть

не увядает с течением лет. Сорокалетнего могут оценивать по тому, как успешно он сдал экзамены в пятнадцать лет. В конце школы или колледжа получают билет, действующий в течение всего жизненного пути. Претензии на место в первом классе, выдвигаемые человеком с билетом в третий класс, не будут удовлетворены, даже если он согласен оплатить разницу. Это было бы нечестно по отношению к остальным. Он должен вернуться и получить новый билет, сдав соответствующие экзамены. И маловероятно, что государство оплатит ему обратную дорогу. Конечно, не со всеми рабочими местами дело обстоит именно так, но это точное описание большой и существенной их части, расширение которой постоянно обосновывается. Например, недавно я прочитал статью, в которой меня убеждали, что любой кандидат на административный пост или управленческую должность в бизнесе должен был «поступить в университет или сдать другой эквивалентный экзамен»⁴⁴. Этот процесс отчасти является результатом систематизации приемов во все большем числе профессиональных, полупрофессиональных и квалифицированных родов занятий, хотя я должен признать, что некоторые из претензий так называемых профессиональных организаций на обладание закрытыми от посвященных знаниями и умениями кажутся мне довольно шаткими. Но он подкрепляется и улучшением отбора в самой системе образования. Чем больше образование претендует на то, что оно способно просеивать человеческий материал в ранние годы жизни, тем сильнее мобильность привязана к этим годам и ограничена в дальнейшем.

Право гражданина в этом процессе отбора и мобильности — это право на равенство возможностей. Цель — устранение наследственных привилегий. В сущности, это равное право на демонстрацию различий или проявлений неравенства; равное право быть

⁴⁴ *Bowie J. A. Industry. January, 1949. P. 17.*

признанным неравным. На ранних стадиях становления этой системы ее главным следствием, конечно, окажется проявление скрытых форм равенства, позволяющих мальчику из бедной семьи показать, что он не хуже мальчика из богатой семьи. Но конечным итогом окажется статусная структура неравенства, справедливо дифференцированная в соответствии с неравенством способностей. Этот процесс часто ассоциируют с идеями индивидуализма в духе *laissez faire*, но в системе образования он служит выражением не *laissez faire*, а планирования. Планируется процесс выявления способностей, влияние, которому они подчинены, тесты как способ их измерения, права, выступающие результатом этих тестов. Всем детям, входящим в начальную школу, предлагают равные возможности, но уже в раннем возрасте их обычно делят на три потока — лучших, средних и отстающих. Уже тогда возможности становятся неравными, а диапазон жизненных шансов детей — ограниченным. Примерно в одиннадцать лет их опять тестируют, как правило, при участии команды учителей, экзаменаторов и психологов. Никто из них не является непогрешимым, но, пожалуй, иногда три ошибки могут привести к правильному ответу. Классификация ведет к распределению между тремя типами средних школ. Возможности становятся еще более неравными, и различные варианты будущего образования сокращаются до минимума. Некоторые из детей получают его, пройдя еще одно тестирование. В конечном счете, кучка перемешанных между собой семян, после того как ее высыпают в машину, предстанет на выходе в виде аккуратно упакованных пакетов, готовых для использования соответствующими садовниками.

Я сознательно описал это циничным языком, чтобы подвести нас к мысли, что каким бы искренним ни было стремление руководства системы образования обеспечить достаточное разнообразие для удовлетворения индивидуальных потребностей, будучи

массовой услугой, оно неизбежно придет к постоянной классификации по группам, которые на каждой стадии будут стремиться к однородности внутри них и дифференциации между ними. Именно таким образом обретают свою форму классы в изменчивом обществе. Различия внутри каждого класса игнорируются как несущественные; различия между классами приобретают гипертрофированное значение. Таким образом, качества, расположенные на непрерывной шкале, ведут к возникновению иерархии групп, каждая из которых имеет свой особый характер и статус. В главном эти черты системы оказываются неизбежными, и ее преимущества, в частности устранение наследственных привилегий, полностью перевешивают ее случайные недостатки. Последние нужно подвергать критике и, по возможности, делать реальным пересмотр классификации как во время получения образования, так и в последующей жизни.

Важный вывод из моей аргументации заключается в том, что через образование и его связь с профессиональной структурой гражданство выступает инструментом социальной стратификации. Нет никаких причин осуждать этот факт, но мы должны осознавать его последствия. Статус, который дает образование, признается в окружающем мире легитимным, потому что он пожалован институтом, созданным, чтобы обеспечить справедливые права гражданина. Рыночные предложения могут быть взвешены в сравнении с претензиями, порождаемыми этим статусом. Если возникнет большое несоответствие между ними, последуют попытки устранить его, которые примут форму не торга о рыночной цене, а полемики о социальных правах. Возможно, уже существует серьезное несоответствие между ожиданиями обладателей среднего образования и статусом служащих, который, как правило, им предназначается.

Ранее я сказал, что в XX в. гражданство и капиталистическая классовая система находились в состоянии

войны. Пожалуй, это выражение было слишком сильным, но очевидно, что первое вело к модификации второй. И все же мы утверждаем, что хотя статус — это принцип, конфликтующий с контрактом, стратифицированная статусная система, порожаемая гражданством, не выступает чуждым внешним элементом по отношению к экономическому миру. Социальные права в современной форме предполагают вторжение статуса на территорию контракта, подчинение рыночной цены социальной справедливости, замещение свободного торга декларацией прав. Но лежат ли эти принципы сегодня за рамками рынка или они уже укоренились в самой системе контракта? Я, безусловно, считаю, что имеет место вторая ситуация.

Как я уже заметил, одним из главных достижений политической власти в XIX в. было устранение препятствий для развития тред-юнионизма, позволявшего рабочим коллективно пользоваться своими гражданскими правами. Это было аномалией, поскольку прежде именно политические права использовались для коллективного действия посредством парламента и местных советов, а гражданские права носили в высшей степени личный характер, находясь в гармонии с индивидуализмом раннего капитализма. Тред-юнионизм привел к возникновению вторичной системы промышленного гражданства, которая естественным образом проникла в дух институтов гражданства. Коллективные гражданские права использовались не столько для торга в истинном смысле этого слова, сколько для утверждения базовых прав. Это положение было противоречивым, и потому оно могло иметь только переходный характер. Права — неподходящий предмет для торга. Добиваться прожиточного минимума в обществе, признающем прожиточный минимум социальным правом, столь же абсурдно, как требовать права голоса в обществе, признающем право голоса политическим правом. Но в начале XX в. этот абсурд был наделен смыслом. В это время коллек-

тивный спор считался вполне нормальной и мирной рыночной операцией, признавая при этом право гражданина на минимальные стандарты цивилизованной жизни. Именно в это право верили профсоюзы и с полным основанием стремились обеспечить его для своих членов при помощи коллективного спора.

После того как непосредственно перед Первой мировой войной вспыхнул ряд больших забастовок, это согласованное требование социальных прав стало раздаваться очень четко. Правительство было вынуждено вмешаться. Оно признавало, что делает это, чтобы защитить общественность, утверждая, что его не заботят обсуждаемые вопросы. В 1912 г. господин Асквит — главный переговорщик, сказал господину Асквиту — премьер-министру, что вмешательство провалилось и пострадал престиж правительства. На это премьер-министр ответил: «Каждое сказанное Вами слово подтверждает мое мнение. Это деградация правительства»⁴⁵. Вскоре история показала, что эта точка зрения была полным анахронизмом. Правительство больше не могло стоять в стороне от трудовых конфликтов, и оно должно было считаться с уровнем жизни и заработной платы рабочих. Ответом профсоюзов на вмешательство правительства в трудовые конфликты стало их вмешательство в работу правительства. Это было важным и благоприятным процессом, если принять во внимание его последствия. Ранее профсоюзы должны были утверждать социальные права, наступая из-за границ системы, в которой была сосредоточена власть. Сегодня они защищают их изнутри в сотрудничестве с правительством. В случае главных вопросов примитивный экономический торг превратился в нечто, более напоминающее совместную выработку политики.

Отсюда следует, что решения, вынесенные таким образом, нужно уважать. Если гражданство способствует

⁴⁵ *Lord Askwith. Industrial Problems and Disputes. L.: Harcourt, Brace and Co., 1921. P. 228.*

ет защите прав, нельзя игнорировать и соответствующие обязанности. Это не означает, что человек должен приносить в жертву личную свободу или подчиняться без вопросов любым требованиям правительства. Но это значит, что его должно вдохновлять живое чувство ответственности перед благом сообщества. Руководство профсоюзов осознает это следствие, чего нельзя сказать обо всех их членах. Традиции, заложенные в то время, когда профсоюзы боролись за свое существование и условия занятости зависели только от исхода неравного спора, затрудняют подобное признание. Очень частыми стали неофициальные забастовки, и, безусловно, что еще одним важным элементом трудовых конфликтов стали разногласия между руководством профсоюзов и отдельными сегментами членов профсоюзов. Теперь обязанности могут порождаться как статусом, так и контрактом. Руководители неофициальных забастовок склонны отрицать и то, и другое. Забастовки обычно ведут к невыполнению условий контракта или расторжению соглашений. Призывы обращены к якобы более высоким принципам, а в действительности (пусть это и не осознается явно) к статусным правам промышленного гражданства.

Сегодня есть много примеров подчинения контракта статусу. Пожалуй, наиболее знакомым будет рассмотренная нами проблема жилищных условий. Размер арендной платы ограничивают, права жильцов защищают после истечения их договоров, дома изымают у владельцев, свободно заключенные соглашения расторгаются или изменяются судами в соответствии с принципами социальной справедливости и справедливой цены. Неприкосновенность контракта уступает место требованиям государственной политики, хотя я не утверждаю, что так должно быть. Но если контрактные обязательства отменяются путем обращения к правам гражданина, то и обязанности гражданина тоже должны выполняться. Я думаю, что в некоторых недавних неофициальных забастовках

делалась попытка заявить претензии на права, полагающиеся в соответствии со статусом и контрактом. В то же время подразумевалось отречение от соответствующих обязанностей.

Но меня сейчас занимает не суть забастовок, а скорее современное понимание справедливой заработной платы. Я думаю ясно, что это понимание включает в себя понятие статуса. Он прорывается во всех дискуссиях о заработных платах и окладах. Какую заработную плату *должен* получать врач или дантист, спрашиваем мы? Достаточно ли будет двойного оклада университетского профессора или нет? И конечно, рассматриваемая система характеризуется стратифицированным, а не однородным статусом. Речь идет не только о базовом прожиточном минимуме с вариациями, превышающими его для разных рангов в зависимости от рыночных условий. Статусные претензии направлены на иерархическую структуру заработной платы, в которой каждый уровень представляет собой социальное право, а не просто рыночную стоимость. Коллективный спор должен включать в себя, даже в самых примитивных формах, классификацию рабочих по группам или рангам, в которой игнорируются незначительные профессиональные различия. Как и в случаях массового школьного образования, массовой занятости, вопрос о правах, стандартах, возможностях и т.д. может осмысленно рассматриваться только с точки зрения ограниченного числа категорий, разрезающих непрерывную цепочку различия на ряд классов, названия которых звенят в сознании занятых чиновников, подобно колоколу. При расширении сферы переговоров происходит поглощение личностей группами до тех пор, пока все трудоспособное население не оказывается стратифицированным. Только тогда становится возможным формулировать принципы социальной справедливости. Каждый ранг должен быть однороден, и различия должны проходить между рангами. Эти принципы господствуют в сознании каждого, кто

обсуждает претензии относительно заработной платы, даже если они рационализируются до аргументов о том, что такие прибыли являются избыточными и отрасль может позволить себе платить более высокую заработную плату. Или что высокая заработная плата необходима для поддержания спроса на подходящий труд или она препятствует его истощению.

Белая книга о личных доходах⁴⁶ пролила свет на эти темные уголки сознания, но ее конечным результатом стало лишь то, что процесс рационализации сделался более запутанным и трудным. Базовый конфликт между социальными правами и рыночной ценой не был разрешен. По словам одного из выразителей интересов труда: «Должно установиться справедливое соотношение между отраслями». Справедливое соотношение — это социальное, а не экономическое понятие. Общий совет Конгресса тред-юнионов одобрил принципы Белой книги в той мере, в какой «они признают потребность сохранения различий в уровне оплаты, являющихся существенным элементом структуры заработной платы многих важных отраслей и необходимых для поддержания стандартов мастерства, квалификации и опыта, вносящих свой прямой вклад в эффективность производства и высокую производительность труда»⁴⁷. Здесь рыночная стоимость и экономические стимулы вписаны в аргумент, главным предметом озабоченности которого является статус. В самой Белой книге предложен несколько другой, пожалуй, более правдивый, подход к различиям в уровне оплаты. «В последнее столетие мы наблюдали усиление основанной на традициях и обычаях взаимозависимости между личными доходами (включая заработную плату и жалование) и различными профессиями... Она не обязательно является адекватной современным

⁴⁶ Cmd. 7321, 1948.

⁴⁷ Рекомендации Специального комитета по экономической ситуации, принятые общим советом на специальном собрании 18 февраля 1948 г.

условиям». Традиции и обычаи являются социальными, а не экономическими, принципами. Это старые названия для современной структуры статусных прав.

В Белой книге честно утверждается, что различия в уровне оплаты, основанные на этих социальных концепциях, не могут удовлетворять современным требованиям экономики. Они не поощряют лучшее распределение труда. «Относительные уровни дохода должны быть такими, чтобы поощрять движение труда в те отрасли, которые наиболее нуждаются в нем, и не должны, как это иногда по-прежнему бывает, способствовать его движению в противоположном направлении». Обратите внимание — говорится, что так «по-прежнему бывает». Снова современная концепция социальных прав рассматривается как пережиток темного прошлого. Дальше путаница только усиливается. «Каждая претензия на повышение заработной платы или жалования должна рассматриваться с точки зрения национального блага», т.е. государственной политики. Но такая политика не может прямо осуществляться с помощью выражения политических прав граждан посредством правительства, так как это предполагает «вторжение правительства в то, что до настоящего момента рассматривалось как сфера свободного контракта между личностями и организациями», т.е. посягательством на гражданские права. Таким образом, гражданские права должны будут предполагать политическую ответственность, а свободный контракт должен быть инструментом государственной политики. Здесь возникает и другой парадокс. Стимул, действующий в системе свободных контрактов на открытом рынке, — это стимул личных достижений. Стимул, соответствующий социальным правам, — общественный долг. К какому из них нужно обращаться? Ответ: к обоим. Гражданин должен отвечать на зов общественного долга, усмирив своекорыстие. Но эти парадоксы не являются изобретением беспорядочных умов; они укоренены в нашей совре-

менной социальной системе. И они не должны вызывать у нас излишнего беспокойства, поскольку немного здравого смысла может свернуть горы парадоксов в мире действия, хотя логика может быть неспособна преодолеть их в мире мышления.

ВЫВОДЫ

Я попытался показать, как гражданство и другие механизмы влияли на характер социального неравенства. Чтобы завершить картину, я должен исследовать его общее воздействие на социально-классовую структуру. Безусловно, оно было значительным, и возможно, что проявления неравенства, допускаемые и даже направляемые гражданством, больше не составляют классовых различий в том смысле, как это было в обществах прошлого. Но чтобы рассмотреть этот вопрос, мне понадобится другая лекция, и она, вероятно, будет состоять из смеси сухой статистики с неясным смыслом и осмысленных суждений сомнительной достоверности. Дело в том, что наше невежество в этом вопросе очень глубоко. Я должен буду ограничиться несколькими предварительными наблюдениями (что очень хорошо для репутации социологии), сделанными в попытке дать ответ на четыре вопроса, которые я поставил в своем вступлении. Мы рассмотрели совокупный эффект следующих трех факторов.

Во-первых, сжатие с обеих сторон шкалы распределения доходов.

Во-вторых, значительное расширение сферы общей культуры и опыта.

В-третьих, обогащение универсального гражданского статуса в сочетании с признанием и укреплением определенных статусных различий благодаря взаимосвязанным системам образования и занятости.

Первые два фактора сделали возможным третий. Статусные различия могут получить легитимное признание с точки зрения демократического гражданства

в случае, если они не слишком глубоки, а существуют в рамках населения, объединенного единой цивилизацией, и если они не являются выражением наследственных привилегий. Это значит, что в условиях эгалитарного в основе своей общества с проявлениями неравенства можно мириться, когда они не носят динамического характера, то есть не создают стимулов, проистекающих из неудовлетворенности и чувства, что «такая жизнь недостаточно хороша для меня» или «я убежден, что мой сын должен быть избавлен от того, с чем мне приходилось мириться». Но такого рода неравенство, за которое выступают в Белой книге, можно оправдать только в том случае, если оно *носит* динамический характер — *представляет собой* стимул к изменению и улучшению. Таким образом, может оказаться, что проявления неравенства, допускаемые и даже направляемые гражданством, не будут действовать как экономические рычаги, оказывающие влияние на распределение рабочей силы. Или что такая форма социальной стратификации сохраняется, но социальные амбиции перестают быть естественным явлением и превращаются в модель девиантного поведения.

Если дело пойдет так далеко, мы можем обнаружить, что единственным сохраняющимся стремлением с устойчивым распределительным эффектом (в смысле распределения рабочей силы в иерархии экономических уровней) будет честолюбивое стремление школьника хорошо делать свои уроки, сдавать экзамены и подниматься по образовательной лестнице. И если будет реализована официальная цель по обеспечению «паритета взаимоуважения» между тремя разновидностями средних школ, мы можем лишиться даже большей части существующих стимулов. Крайним результатом этого было бы установление таких социальных условий, в которых каждый человек был бы удовлетворен жизненной позицией, к которой привело бы его гражданство.

Говоря это, я ответил на два из моих четырех вопросов — первый и последний. Я спрашивал, насколько социологическая гипотеза, неявно выдвинутая в работе Маршалла, справедлива сегодня, а именно, гипотеза о том, что существует своего рода базовое человеческое равенство, ассоциируемое с полноценной принадлежностью к сообществу, что не означает его несовместимости с надстройкой экономического неравенства. Я также спрашивал, есть ли какой-то предел у современного стремления к социальному равенству, лежащий в принципах, направляющих это движение. Мой ответ заключается в том, что сохранение экономического неравенства затруднилось в силу обогащения гражданского статуса. Для него остается все меньше возможностей, и все вероятнее, что ему бросят вызов. Продолжим, предположив, что эта гипотеза верна. Это предположение дает нам ответ на второй вопрос. Мы не стремимся к абсолютному равенству. На пути движения к равенству есть преграды. Но это движение идет двумя путями. Частично оно осуществляется за счет гражданства, частично — за счет экономической системы. В обоих случаях целью является устранение тех проявлений неравенства, которые не могут рассматриваться в качестве легитимных, но стандарты легитимности различны. В первом случае это стандарты социальной справедливости, во втором — социальная справедливость в сочетании с экономической эффективностью. Таким образом, возможно, что проявления неравенства, допустимые с точки зрения двух составляющих этого движения, могут не совпадать. Могут сохраниться классовые различия, не имеющие соответствующей экономической функции, и экономические различия, которые не будут соответствовать принятым классовым различиям.

Мой третий вопрос относился к изменяющемуся соотношению прав и обязанностей. Прав стало больше, и они четко определены. Каждый знает, на что он может претендовать. Обязанность, наиболее очевид-

ным и непосредственным образом необходимая для удовлетворения прав, — это выплата налогов и страховых взносов. Поскольку она носит принудительный характер, то не предполагает свободы воли и чувства преданности. Образование и воинская служба также принудительны. Остальные обязанности аморфны и включают в себя общие обязательства жить жизнью хорошего гражданина, прилагая усилия, если это нужно для благосостояния сообщества. Но сообщество столь велико, что это обязательство предстает далеким и нереальным. Огромную важность имеет долг работать, но последствия труда одного человека для благосостояния всего общества столь бесконечно малы, что ему тяжело поверить, что он может нанести много вреда, воздерживаясь от работы.

Когда в социальных отношениях господствовал контракт, обязанность трудиться еще не признавалась. Это было делом самого человека — быть ему наемным работником или нет. Если он делал выбор жить в праздной бедности, это было его правом и не составляло общественной проблемы. Если ему удавалось празднично жить в комфортных условиях, на него смотрели не как на тунеядца, а как на аристократа, что вызывало восторги и зависть. Когда начался процесс трансформации экономики нашей страны в направлении современной системы, большое беспокойство вызывал вопрос о том, станет ли труд обязательным. Движущие силы групповых обычаев и регуляции должны были смениться стимулом личных достижений, и выражались большие сомнения в том, можно ли будет положиться на этот стимул. Этим объясняется точка зрения П. Колкахуна на бедность, и толстокожее замечание Мандевиля о том, что рабочих «ничто не подстегивает и не заставляет приносить пользу, кроме их нужд; облегчить последние — благоразумно, но полностью удовлетворить — безрассудно»⁴⁸. И в XIX в.

⁴⁸ Мандевиль Б. Басня о пчелах, или пороки частных лиц — блага для общества. М.: Наука, 2000. С. 114.

потребности, в которых они нуждались, были очень простыми. Они были движимы устоявшимися классовыми привычками относительно образа жизни, и не было никакой непрерывной шкалы, которая соблазняла бы рабочих зарабатывать больше, чтобы потратить больше на желаемые вещи, недоступные на тот момент (например, радио, велосипеды, кино или отпуск на море). Еще одним примером этому служит следующий комментарий одного автора, сделанный в 1728 г., видимо, основанный на значительных наблюдениях. «Многие из людей низших классов, — утверждал он, — зарабатывающие только на свой ежедневный хлеб, в случае, если смогут обеспечить его за три дня, будут отдыхать оставшуюся неделю или устанавливать собственную цену на свой труд»⁴⁹. И все признавали, что если бы они пошли по второму пути, то тратили бы излишек денег на выпивку или легкую роскошь. В современном обществе общий подъем стандартов уровня жизни привел к возрождению этого явления, хотя сигареты сегодня даже более важны, чем выпивка. Не столь уж легко восстановить чувство личной обязанности трудиться в его новой форме, в которой оно сочетается с гражданским статусом. Это не стало проще от того, что сущностью долга является не наличие работы (ведь ее довольно легко получить в условиях полной занятости), а необходимость сделать ее важной для себя и работать старательно. Дело в том, что стандарты, по которым оценивается старание, чрезвычайно эластичны. К гражданскому долгу можно с успехом обращаться в условиях чрезвычайного положения, но дух Дюнкерка не может быть постоянной чертой ни одной цивилизации. Тем не менее профсоюзные лидеры пытались привить чувство всеобщего долга. На конференции 18 ноября прошлого года господин Таннер сослался на «нашущую обязанность обеих сторон производственного процесса внести всесторонний

⁴⁹ *Furniss E.S. The Position of the Laborer in a System of Nationalism. Boston: Houghton Mifflin, 1920. P. 125.*

вклад в реконструкцию национальной экономики и всемирное восстановление»⁵⁰. Но национальное общество слишком велико и удаленно, чтобы превратить такого рода преданность в движущую силу. Вот почему многие люди считают, что решение их проблем состоит в более ограниченной ответственности перед сообществом на местном уровне, и особенно перед товарищами по работе. В последнем случае промышленное гражданство, передающее свои обязанности на низший уровень производственной единицы, отчасти служит замещением той энергии, которой недостает гражданству в целом.

Наконец, я прихожу ко второму из моих четырех исходных вопросов, который, впрочем, был не столько вопросом, сколько утверждением. Я отметил, что Маршалл оговаривал необходимость того, чтобы меры, направленные на повышение общего уровня цивилизованности трудящихся, не вели к вмешательству в свободу рынка, иначе они будут неотличимы от социализма. Я сказал, что, безусловно, эти политические ограничения были отменены. Социалистические, с точки зрения Маршалла, меры принимаются всеми политическими партиями. Это привело меня к банальному выводу о том, что всякий раз при переносе социологической гипотезы Маршалла в современную эпоху должен наблюдаться конфликт между мерами, направленными на достижение равенства, и свободным рынком.

Я затронул эту обширную тему с нескольких сторон, и в заключительных замечаниях ограничусь одним из аспектов проблемы. Всеобщая цивилизация, делающая проявления социального неравенства приемлемыми и посягающая на то, чтобы сделать их экономически бессмысленными, достигается за счет последовательного разделения реального и денежного дохода. В явной форме это выражается в основных услугах социально-

⁵⁰ The Times. 1948. 19 November.

го обеспечения, таких как здравоохранение и образование, оказываемых без платежа *ad hoc*. В случае стипендий и юридической помощи цены соотносятся с денежными доходами таким образом, чтобы реальные доходы оказывались относительно постоянной величиной, в той степени, в какой на них влияют эти конкретные потребности. Ограничения арендной платы, в сочетании с гарантиями против выселения, достигают аналогичных результатов другими средствами. То же самое в разной мере делается за счет нормирования продуктов по карточкам, продовольственных субсидий, услуг коммунальных предприятий и контроля за уровнем цен. Преимущества, получаемые благодаря большому денежному доходу, не исчезают, но они *сводятся к ограниченной области потребления*.

Незадолго до этого я говорил о традиционной иерархии структуры заработной платы. В этом случае большое значение придается различиям в уровне денежного дохода, и предполагается, что более высокий заработок отражает существенные реальные преимущества, что, разумеется, происходит до сих пор, несмотря на тенденцию выравнивания реальных доходов. Но я уверен, что важность различий в уровне оплаты отчасти является символической. Они функционируют в качестве ярлыков, обозначающих промышленный статус, а не как инструмент подлинной экономической стратификации. И мы также видим признаки того, что признание этой системы со стороны самих работников (особенно находящихся внизу шкалы) зачастую наталкивается на требования большего равенства относительно благ, не облакаемых в денежную форму. Рабочие, занимающиеся ручным трудом, могут считать правильным и справедливым, что они зарабатывают меньше, чем некоторые служащие, но в то же время люди, работающие за заработную плату, могут требовать тех же нематериальных благ, которыми располагают служащие, получающие жалование, поскольку они должны отражать фундаментальное равенство

всех граждан, а не неравенство доходов или профессиональных рангов. Если управляющий может получить выходной, чтобы сходить на футбольный матч, почему рабочий не может? Общие блага — это общее право.

Послевоенные исследования общественного мнения среди взрослых и детей обнаружили, что когда вопрос ставится в общих выражениях, интерес к тому, чтобы зарабатывать большие деньги, невелик. Я думаю, что это связано не только с тяжелым бременем прогрессивного налогообложения, но и с неявным убеждением, что общество должно и может гарантировать все существенные составляющие достойной и безопасной жизни на каждом уровне, независимо от того, каков уровень заработка. Среди учеников средней школы, опрошенных Бристольским институтом образования, 86% хотели получить интересную работу за разумную заработную плату, а только 9% — работу, на которой можно было бы заработать много денег. И средний коэффициент интеллекта во второй группе был на 16 пунктов ниже, чем в первой⁵¹. По результатам опроса, проведенного Британским институтом общественного мнения, 23% хотели бы получать максимально высокую заработную плату, а 73% предпочли благополучие при менее высокой заработной плате⁵². Но мы могли бы предположить, что в каждый конкретный момент, отвечая на конкретный вопрос о текущей ситуации, большинство людей признают, что хотели бы иметь больше денег, чем у них есть сейчас. Другой опрос, проведенный в ноябре 1947 г., показывает, что даже это предположение преувеличено, поэтому 51% *ответили, что их заработка достаточно или больше, чем нужно для того, чтобы соответствовать потребностям их семей*, и только 45% сказали, что заработок недостаточен. Это отношение оказывается различным на разных социальных уровнях. Классы, получившие наибольшие выгоды от социального обеспечения, у

⁵¹ Research Bulletin. No. 11. P. 23.

⁵² Январь 1946 г.

которых реальный доход в целом повышался, должны быть не столь озабочены различиями в денежном доходе. Но мы должны быть готовы к тому, что по-другому будут реагировать те сегменты средних классов, у которых в настоящий момент денежный доход наименее устойчив, а наиболее дорогие элементы цивилизованной жизни становятся недостижимыми при существующем уровне денежного дохода.

В целом, подводя итоги, я обращаюсь к замечанию профессора Роббинса, сделанному им здесь два года назад. «Мы проводим, — утверждал он, — политику, ведущую к внутренним противоречиям и самообману. Мы облегчаем налогообложение и стремимся, насколько это возможно, ввести систему выплат, которая зависела бы от объемов производства. И в то же время наша политика замораживания цен и вытекающая из нее карточная система вдохновлены эгалитарными принципами. В результате мы получаем худшее от обоих миров»⁵³. И снова: «Убеждение, что в нормальные времена очень здраво было бы попробовать объединить принципы и поддерживать эгалитарную систему реальных доходов параллельно неэгалитарной системе денежных доходов, представляется мне несколько *simpliste*»⁵⁴. Да, с точки зрения экономиста, это, пожалуй, так, если он пытается оценивать ситуацию исходя из логики рыночной экономики. Но это не обязательно верно для социолога, который помнит, что социальное поведение не определено исключительно логикой и что человеческое общество может насытиться блюдом, полным парадоксов, не получив несварения желудка, во всяком случае, долговременного. На самом деле, подобная политика вообще может быть не *simpliste*, а утонченной, современной версией старой максимы *divide et impera* — сталкивай противников друг с другом, чтобы обеспечить мир. Но, если

⁵³ *Robbins L.* The Economic Problem in Peace and War. L.: Macmillan, 1947. P. 9.

⁵⁴ *Ibid.* P. 16.

говорить более серьезно, слово *simpliste* предполагает, что эта антиномия является следствием беспорядочного образа мыслей наших правителей и что если пролить свет на этот факт, ничего не сможет удержать их от изменения такого рода действий. Напротив, я убежден, что этот конфликт принципов укоренен глубоко в основаниях нашего социального порядка в современной фазе развития демократического гражданства. Предполагаемые несообразности, на самом деле, являются источником стабильности, достигнутой за счет компромисса, а не диктуемой логикой. Эта фаза не будет длиться вечно. Может случиться так, что некоторые из конфликтов внутри нашей системы обострятся до такой степени, что компромисс не сможет длиться в дальнейшем. Но если мы стремимся поспособствовать их разрешению, мы должны осознавать глубокие и разрушительные последствия, к которым приведут любые резкие попытки обратить вспять существующие и недавние тенденции. Целью этих моих лекций было пролить свет на одну из стихий, по моему убеждению, обладающую основополагающей важностью, а именно — на воздействие быстро развивающейся концепции прав гражданина на структуру социального неравенства.

Научное издание

Серия «Политическая теория»

БОРИС КАПУСТИН

ГРАЖДАНСТВО
И ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Редактор

ЕЛЕНА СОКОЛОВА

Верстка

ОЛЬГА ИВАНОВА

Корректор

ЕВГЕНИЯ КАЧАЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3

Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 6.12.2010. Формат 84×108/32

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 9,9

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 1247. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП

«Типография «Наука»

121099, Москва,

Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7598-0799-5

9 785759 807995